

КОЛЛЕКЦИОНЕР СМЕРТИ

Тлеющий уголек

YOURBOOKS

ДЖЕССИКА СОРЕНСЕН

ПРОЛОГ

— Эмми, не могла бы ты подать мне тот шестигранный торцевой гаечный ключ? — мой отец высовывает руку из-под Челленджера.

Я отодвигаю банку с винтами и монетами в сторону, беру ключ из коробки с инструментами и перепрыгиваю через крыло автомобиля, лежащее на земле.

— Ты уже исправил это? — спрашиваю я, передавая ключ ему в руки.

Его ноги ерзают, как будто он бежит под машиной.

— Терпение, Эмми. Такие вещи требуют времени.

— Например, сколько? Час? — спрашиваю я нетерпеливо. — Папа, я хочу, чтобы ты водил её очень быстро. И я хочу быть там тоже.

Отец смеется.

— Хорошо, мы можем сделать это.

— Ты обещаешь? — говорю я. — Клянешься?

Он снова смеется и бросает ключ на бетон.

— Да, клянусь своим сердцем и надеюсь умереть.

Мой взгляд блуждает в углу гаража в то время, как я возвращаю банку с винтами и монетами и начинаю вытаскивать пенни один за другим и раскладывать их по кучкам на бетоне. Металл звенит с каждой брошенной монетой, и я подпеваю песне по радио, песне о смерти и принятии этого. Я задаюсь вопросом, говорится ли это о моем друге в углу гаража, который всегда наблюдает и следует за мной, куда бы я ни пошла. Он одет в забавную накидку, как у супергероя, только у него есть капюшон на голове. Его лицо всегда спрятано, но я готова поспорить, что его кожа сделана из радуги и света.

Он тихо предупреждает о монетах и карте, которую я должна была сделать.

— Я сделала это неправильно? — я указываю на пенни. — По мне, выглядит правильно.

Мой отец высовывает голову из-под машины. На лице у него жирные пятна, а в его черных волосах слой металлической стружки.

— Эмми, с кем ты говоришь?

Я подпеваю песне, играющей из магнитолы в машине.

— Ни с кем, — лгу я, поскольку мне запретили обсуждать моего воображаемого друга с кем-либо — это его правила. Я даже поклялась своим сердцем и пообещала воткнуть иглу в мой глаз. А это последняя вещь, которую я хотела бы сделать.

Отец отталкивается из-под машины и вытирает жирные руки о передние части его рваных джинсов.

— Хэй, Эмми, хочешь пойти раздобыть чего-нибудь поесть? — через мое плечо он всматривается в карту кладбища, которую я делаю. Каждая монета представляет собой тело, которое было похоронено.

— Играю в игру, — отвечаю я.

У него сбивается дыхание.

— Прекрати это! — он разбрасывает кусочки своим ботинком и берет меня на руки. Он держит меня слишком сильно, пока несет к багажнику и усаживает меня на край так, что мои ноги свисают.

— Кто сказал тебе сделать это с монетами? — злость в его глазах пугает.

— Я не знаю, — я пытаюсь вырваться из отцовских рук. — Папочка, ты делаешь мне больно.

Его глаза расширяются, когда он смотрит на свои руки, как будто он не осознает, что

держит ими мои руки.

— Эмми, это очень важно — он ослабляет хватку, — кто сказал тебе сделать это?

Я смотрю на своего друга в углу.

— Я не должна тебе рассказывать.

— Эмбер Роуз Эдвардс — он использует моё полное имя только тогда, когда говорит серьезно. — Ты скажешь мне прямо сейчас или я не позволю тебе кататься на машине вместе со мной. Ты понимаешь?

Я рассержено скрестила руки.

— Отлично. Мой воображаемый друг сказал мне сделать это.

Мой друг свирепо посмотрел на меня, и я испугалась, что он собирается покинуть меня. *Пожалуйста, не покидай меня. Пожалуйста, не покидай меня.*

Отец ловит мой взгляд, и искра его смерти всплывает через его прикосновения — и *темнота*. Я вздрагиваю, когда он поворачивается ко мне со строгим выражением лица.

— Эмми, ты должна игнорировать его, хорошо? — говорит он, взгляд его серых глаз смягчается. — Ты не можешь иметь воображаемых друзей — люди подумают, что ты сумасшедшая. И мы не можем позволить им так думать.

— Но я не хочу, чтобы он уходил.

— Ну, он должен. Время ему уходить. Ты понимаешь? Никаких воображаемых друзей. Никогда.

— Прекрасно... уходи, друг, — слезы стоят в уголках глаз, пока мой друг растворяется в воздухе. — Это не справедливо.

— Жизнь не справедлива, — говорит отец, помогая мне слезть с багажника, — чем раньше ты поймешь это, тем легче будет жизнь.

Я возвращаюсь обратно к банке и начинаю убирать беспорядок, собирая монеты и винты в неё.

— И, Эмми, — отец снова залезает под машину — если он когда-нибудь вернется, ты должна сказать ему, чтобы он убирался.

— Хорошо, — хмурюсь я, бросая пенни в банку. Пока отец под машиной, я рискую взглянуть в пустой угол, тайно надеясь, что мой друг вернется. Но он не возвращается, и мое сердце болит. Он единственный человек, которого я встречала, кто понимает смерть так, как понимаю я.

Глава 1

Тринадцать лет спустя...

Я люблю кладбище. Тут тихо и спокойно — это единственное место, где я отдыхаю от смерти. Я терпеть не могу людные места, набитые голосами и жизнью. Больно находиться среди жизни. Люди не понимают, как близко находится смерть, прямо за их плечами, вокруг квартала, в конце улицы. Она везде, и я единственная, кто знает, где она прячется. Я вижу смерть каждый день, но кладбище уже мертвое.

Луна яркая сегодня ночью, ей остается немного, чтобы быть полной. Сухие листья падают с дуба, а воздух четко пахнет осенью. Надгробия покрывают землю, и легкий туман застилает хрустящую траву. Я прислоняюсь к стволу дерева с открытым блокнотом и ручкой в руках, строчу слова, которые важны для меня.

Кладбище мое чувство комфорта, мое святилище в мире тьмы, один кусочек света в моей жизни.

Я убираю кончик пера со страницы и перечитаю слова. Я звучу одержимой смертью,

как Эдгар Аллан По или Эмили Дикинсон, но смерть — это огромная часть меня. С обычным прикосновением я узнаю, когда кто-то умрет. И будет ли им больно. Будет ли их жизнь украдена.

Я кладу блокнот на траву и сую ручку в корешок. Натягиваю капюшон поверх головы, скрещиваю руки и пялюсь на заброшенную улицу. Один из уличных фонарей мерцает, и собака лает за передними воротами дома из красного кирпича. Я гляжу на свои часы. Уже *очень* поздно. Я хватаю блокнот и иду через кладбище. Земля сырая и тяжелая, и моя черная обувь погружается во влажную грязь. Я вижу надгробия; большие, маленькие, сложные, простые. Я задаюсь вопросом, являются ли детали надгробия определением человека, который лежит под ним. Если оно большое и красивое, то значит ли это, что они были любимы многими? Или они были одинокими, но имели много денег? Заявляют ли маленькие и простые, что они жили одиноко? Или они всего лишь были не богатыми?

Я вероятно единственная сумасшедшая настолько, чтобы гулять вокруг с такими мыслями.

Ветер воет, поднимает кучу пыли. Я опускаю подбородок ниже, пробираясь сквозь пыль к передним воротам, пока пряди черных волос закрывают мое бледное лицо и серые глаза, и липнут к моим пухлым губам. Моя обувь цепляется за угол могилы, и я падаю лицом в траву. Блокнот вылетает у меня из рук, и моя голова ударяется об угол надгробия.

— Оу, — бормочу я, схватившись за голову, и размазываю грязь по щеке. Мой взгляд путешествует вверх по застывшей фигуре в капюшоне с опущенной вниз головой и косою в руке.

— Мрачный жнец, да? — я поднимаюсь на ноги, разминая их, и поднимаю голову вверх. — Спорю, ты знаешь какого это, не так ли? Быть окруженным смертью все время? Держу пари, ты понимаешь меня.

Ветер яростно поднимает мой блокнот и уносит его прочь. Защищая глаза от пыли, я гонюсь за ним. Он танцует среди листвы и скользит вокруг травы, наконец-то останавливаясь напротив парящей ангельской статуи на углу кладбища. Я спешу за ним. Черный ворон стремится вниз с одного из деревьев и кружит надо мной.

— Почему ты постоянно следишь за мной? — шепчу я ворону. — Это потому что ты знаешь, что я такой же символ смерти, как ты?

— Черт побери, я слишком болен и устал, чтобы делать всю твою грязную работу. Это такое дерьмо, — пронесся голос по кладбищу.

Я поспешно прячусь позади статуи Ангела, и ворон взгромождается на его голову, расправляя крылья. Никто не тусуется на кладбище поздно ночью, кроме чудил и людей как я. (И насколько я знаю, я единственная девчонка в своем роде.)

Лопата погружается в грязь.

— Я единственный, кто всегда должен выкапывать эти штуки.

Я украдкой гляжу сквозь трещину между ангельских крыльев. Тощий парень с хилыми руками и заостренным носом стоит в дыре, выгребая грязь. Мой блокнот находится в нескольких дюймах от вырытой горки грязи. Еще один взмах лопатой, и мои мысли о жизни будут похоронены.

— Если я был бы тобой, Грегори, я бы следил за своим тоном, — высокая фигура спрыгивает с крыши маленького мраморного мавзолея, и его длинные ноги растягиваются, пока он идет к дыре. Его волосы бледны как луна и его глаза как пепел. — Я легко могу найти кого-нибудь другого, кто будет раскапывать могилы.

Грегори бормочет что-то и зачерпает полную лопату грязи.

Высокий прислушивается.

— Что это было? Говори громче, я тебя не слышу.

— Ничего, — бормочет Грегори, и продолжает копать.

Другой парень улыбается в лунном свете, и мой вздох застревает в горле. Его лицо прекрасно, но обременено печалью и болью, как если бы он взвалил на свои плечи всю печаль мира. Я жажду протянуть руку и прикоснуться пальцами к его полным губам, твердому подбородку и стереть его боль.

Страницы моего блокнота трепещут в ветерке, и он наклоняется и подбирает его. Я съеживаюсь в смущении, а затем понимаю, что он парень, который болтается на кладбище, раскапывая могилы, так что мои слова о смерти не должны беспокоить его. Он переворачивает страницы, останавливается на одной, изучая ее, а затем его глаза просматривают кладбище. Я припадаю к земле и задерживаю дыхание, пока тишина охватывает ночь, ожидая, когда лопата вонзится в грязь.

— Откуда это взялось? — спрашивает он у Грегори.

Я выглядываю сквозь ноги ангельской статуи.

Грегори берет блокнот и раскрывает его.

— Я не уверен... — он отдает его обратно, — в конце написано «Эмбер Роуз Эдвардс».

Высокая фигура проводит своими длинными пальцами по моему имени.

— Эмбер... — его навязчиво-мелодичный голос окутывает и манит меня показаться из-за статуи. Я начинаю шагать.

— Оставайся на месте, — бледный шар света сияет за моими плечами и падает на траву перед моими ногами.

Я напрягаюсь, пока лопата перестает копать грязь, и ночь становится тихой, не считая уханья совы.

— Теперь медленно повернись, — инструктирует глубокий голос, и статические помехи мешают ему, — Я с подозреваемым сейчас.

Черт возьми. Они думают, что я выкопала могилу. Это не первый раз, когда я попадаю в беду, то есть они не отпустят меня просто так.

— Я сказал, медленно повернись и держи руки так, чтобы я мог их видеть, — приказывает коп.

Я закрываю глаза и медленно поднимаю руки.

— Хорошо, теперь медленно повернись, — говорит он.

Да, конечно. Я бросилась через кладбище, мои ноги двигались так быстро, как могли.

— Она убегает, — вопит он и собеседник замолкает.

Моя неуклюжая обувь стучит по траве, пока я прыгаю и маневрирую между могильными камнями. Коп преследует меня, его шаги оглушают, и ключи на его поясе звенят. Я ускоряюсь, когда кирпичный забор показывается мне на глаза и подпрыгиваю на носочках, я забираюсь наверх. Мой живот ударяется о край, и я быстро поднимаю ноги вверх, но коп хватает мой ботинок и дергает мою ногу.

— Даже не думай об этом, ты маленькая соплячка, — он начинает тянуть меня за ногу вниз, на землю. Образ его смерти, конечно, возникает перед глазами, густой и тяжелый. *Острый нож. Кровь. Его тело падает на землю.*

Я трясую ногой, пытаюсь вылезти из моей обуви, но его руки движутся выше по моей ноге, чуть ниже моего колена. Кончики моих пальцев скользят по забору, когда я пытаюсь

держаться за край.

Пальцы копа хватают мою вторую руку.

— Только попробуй.

Полицейский резко отпускает мои ноги. Мое колено бьется о забор. Я карабкаюсь наверх и бросаю взгляд назад. Он лежит без сознания на траве. Высокий, мрачный незнакомец стоит около него, смотря на меня. Темная тень деревьев танцует вокруг его лица, и его дикие глаза горят как зола.

— Эмбер, — его призрачный голос окружает меня как дым.

Я сдвигаюсь на дюйм вперед, пока моя обувь не встает рядом с краем забора, и мои руки бессильно тянутся к нему. Я загипнотизирована его красотой, навязчивым звуком его голоса, и я не могу удержать свои руки при себе. Я хочу пробежаться ими по всему его телу, почувствовать его кожу, потрогать его, поцеловать, прижаться к нему всем телом.

— Подойди сюда, — уговаривает он, протягивая свои длинные руки ко мне, предлагая мне свою ладонь.

Моя другая рука поднимается, и я сгибаю колени, чтобы спрыгнуть с выступа, веря ему, и отчаянно желая прикоснуться к нему.

— Не двигайся.

Сирены визжат за воротами, и красный и голубой цвета освещают кладбище, возвращая меня к реальности. Я вздрагиваю и быстро припадаю к земле, когда полицейская машина врезается в грязно-отшлифованную остановку на другой стороне кладбища. Два копа выставляют дуло и мчатся через ворота, крича в рации. Я гляжу вниз, где должен быть высокий незнакомец, но все, что есть, это одинокое воронье перо, лежащее на траве. Оно поднимается вверх ко мне с помощью ветра, и я ловлю его, мой взгляд проходит по кладбищу, покрытому сумраком. Куда он делся?

Коп на земле шевелится и начинает приходить в себя. Осмотревшись вокруг, я спрыгиваю на тротуар и мчусь по улице к своему дому, не оборачиваясь назад.

Глава 2

— Просыпайся, просыпайся, спящая красавица, — моя лучшая подруга Рейвен поёт песни, пока распушает мои волосы своими пальцами.

— Я не собака, сумасшедшая ты женщина, — бормочу я сонно. — Теперь оставь меня в покое.

Она дует мне в уши, избегая прикосновений, чтобы я не увидела ее лика смерти, несмотря на то, что я уже видела это раньше.

— Эмбер, давай же. Просыпайся.

— Ты такая чудачка, — сонно бормочу я.

— Я чудачка, — дразнит она, — ты единственная, кто видит смерть.

Я жмурю глаза от яркости солнечного света, разлитого по всей комнате.

— Способ говорить с миром.

Её сапфировые глаза мерцают из-за блестящих розовых теней на веках, она активно жестикулирует на фоне моих черных и красных стен, обвешанных мифическими рисунками и депрессивной поэзией. Тонкая черная вуаль скрывает дверь шкафа, к которой прикреплены фотографии мертвых поэтов и писателей.

Рейвен спрыгивает с моей кровати и проводит пальцами по карандашному рисунку, охватывающему всю стену, где изображена женщина-ангел с черными крыльями. Черное платье Ангела струится по полу, её глаза закрыты, и в том, как она держит голову и

обнимает себя руками, сквозит отчаяние.

— Ты помнишь, когда я нарисовала это для тебя? — спрашивает Рейвен.

Я слезаю с кровати и роюсь в ящике комода в поисках какой-нибудь одежды. Перо с прошлой ночи лежит сверху, потрепанное и изогнутое в середине. Я не знаю, почему оставила его, разве что я просто не смогла заставить себя выбросить его. Я никогда раньше не увлекалась такими парнями, досадно просто выбросить перо, а с ним и воспоминания, прочь.

— Да, сколько нам было... тринадцать или около того? Это было сразу же после того, как я переехала и случайно рассказала тебе, что я могу видеть смерть.

— Я думала, что это защитит тебя от смерти, — горько рассмеялась она, — я была слишком маленькой, чтобы понять, что ничего не сможет защитить тебя от этого, даже Ангел.

На противоположной стене ещё один рисунок: костлявое лицо существа в длинном черном плаще, держащего песочные часы в своей истощенной руке, а на его плече ворон, теряющий свои крылья.

— Ты знаешь, он клянется, что это не Мрачный жнец, — Рейвен рассматривает рисунок вблизи, шуря глаза, — но уверена, как и в том, что ад есть, выглядит он именно так. Если бы я не знала лучше, то поклялась бы, что твой брат повесил его специально, потому что знает о твоей маленькой смертельной штуке, и хочет свести тебя с ума.

— Он не знает об этом, — напоминаю ей, — никто не знает, кроме тебя.

Она оценивает руку жнеца.

— И что это за песочные часы?

Мои плечи поднимаются и опускаются, когда я пожимаю ими.

— Это один из символов жнеца, типа: «Твое время в моих руках».

Она проводит пальцами по часам:

— Ну, твой брат мог бы, по крайней мере, добавить песок туда, и это не было бы так, будто твое время истекло.

— Я уверена, он не заглядывал так далеко, — уверяю я ее, — кроме того, он нарисовал это, чтобы впечатлить тебя. Хотел показать тебе, что у вас у обоих есть художественная сторона.

Она прикусила нижнюю губу:

— Ты знаешь, я никогда не буду встречаться с ним, верно? У меня уже был один слишком маниакально-депрессивный в жизни, — она делает виноватое лицо. — Прости, Эм. Я не имела в виду что-то в этом роде.

— Все в порядке. Я знаю, у моего брата есть проблемы. И знаю, ты слишком много думаешь обо всём этом, чтобы захотеть сделать это ещё и частью своей жизни, — я делаю паузу. — Как поживает твоя мама?

Она пожимает плечами, уставившись на рисунок:

— Хорошо, я думаю. Я не посещала её уже некоторое время.

Мама Рейвен лежит в наркологическом центре. Вот уже на протяжении нескольких лет она страдает от депрессии и самолечения. Пару месяцев назад Рейвен пришла домой с работы и обнаружила свою маму в гостиной на полу с зажженной сигаретой в руке. Она не дышала, пульс едва прослеживался. Рейвен вызвала скорую, и санитары реанимировали ее. Подруга приказала мне не говорить ей, придет ли смерть, и в тот момент я поняла, что у моего дара есть негативная сторона. Но я не сказала Рейвен, что её мама умрет, потому что

знала, что она не умрет в этот день. И в будущем, я отказалась говорить Рейвен о смерти кого-либо из ее семьи — в том числе, и о её смерти — потому что никто не нуждается в такой ноше на плечах.

Рейвен злилась на меня две недели и не разговаривала со мной вообще. Это были одинокие две недели моей жизни. Рейвен — моя единственная подруга, и вполне может быть, что так будет всегда. Когда я постарею, то, скорее всего, закончу свое существование старой девой с десятью кошками и, возможно, птицей. Рейвен будет навещать меня так часто, как сможет, со своими детьми и убеждаться, что я нахожусь в здравом уме.

— Что это такое? — она встала на цыпочки, склоняясь к моему лицу, и пальчиками с розовым маникюром соскребла чешуйки грязи с моей щеки. — Почему у тебя грязь на лице? — она поворачивает мою руку и осматривает ладонь, — и твои пальцы грязные.

Я отдергиваю руку.

— Прошлой ночью, пока я была на кладбище...

— Я думала, ты прекратила ходить туда так часто, — прерывает она меня с явным разочарованием на лице. Рейвен никогда не понимала моей потребности в одиночестве — моей потребности в тишине.

Я схватила фиолетовую и черную футболку с порванными сторонами и пару черных джинс из комода.

— Мне не спалось, а пребывание там расслабляет меня.

Она наматывает свои длинные до плеч, цвета розовой жвачки, волосы на палец.

— Временами я тебя не понимаю. Я говорила тебе, приходи ко мне домой, когда захочешь. Тебе не нужно ходить тусоваться на кладбище. Это жутко.

У меня не хватает смелости сказать ей, что её дом — одно из худших мест, битком набитый смертью, даже после того, как её мама переехала. Ее брат Тодд, умрет ранней смертью от рака легких. Он выкуривает две пачки сигарет в день, и курит он с тех пор, как ему исполнилось тринадцать.

— Копы пытались меня арестовать, — признаюсь я, зная, что она найдет это смешным.

Её губы кривятся в ухмылке:

— О да, ты сбежала?

Я киваю и сохраняю игривый тон:

— Агась. Очень-очень быстро.

Её улыбка становится шире.

— Они преследовали тебя?

Я снова киваю:

— Я почти уверена, что он споткнулся и упал лицом в землю, — преувеличиваю я, зная, что ей понравится — Рейвен любит драму.

Смех срывается с ее губ:

— Окей, я немного завидую. Хотела бы я быть там, чтобы увидеть это.

— Это было достаточно смешно, — признаюсь я, — кроме...

— Кроме чего? — давит она. — Давай же, Эм, расскажи мне, пожалуйста. Ты что-то скрываешь?

Я опускаюсь на кровать и собираю в клубок одежду в руках.

— Там были те парни, которые раскапывают могилы.

Её лоб хмурится, и она садится рядом со мной.

— Фу, типа расхитители могил?

— Я не уверена, что они делали, но это было слегка жутковато.

— Они взяли что-нибудь из могилы?

— Понятия не имею. Я была слишком занята, убегая от копов... — кое-что приходит мне в голову, — черт. Я думаю, один из грабителей мог взять мой блокнот.

— Тот, в котором ты всегда пишешь свои самые темные секреты? — спрашивает она.

Я киваю.

— И на нем написано мое имя.

Надавив пальцем на свой подбородок, она размышляет над чем-то.

— Он был горячим?

Я играю с ниткой на моих пижамных шортах.

— Ты серьезно спрашиваешь, был ли расхититель могил горячим?

— Расхитители могил тоже люди, — говорит она нахальным тоном, — и просто то, что им нравится раскапывать могилы, не значит, что они не могут быть горячими.

Горячими? Больше впечатляющими и пугающими. Тряся головой, я встаю.

— Ты чудачка. Я собираюсь пойти и одеться.

Она смотрит на меня с подозрением:

— Хорошая попытка сменить тему, Эмми.

Я выглядываю из гардероба.

— Ты знаешь, что я ненавижу, когда ты называешь меня так, — это прозвище дал мне отец, и я ненавижу напоминания о нем.

— Ты знаешь, ты всегда это делаешь, — отзывается она, — ты всегда бежишь от парней. И если не прекратишь это, то закончишь свою жизнь одинокой и старой девой.

— Это именно то, чего я хочу, — я делаю паузу, когда я достигаю занавеса, — я собираюсь выйти на этой ноте и думаю, мы пойдем на вечеринку.

Её настроение внезапно улучшается, и она шаловливо ухмыляется.

— Чем ты поделишься?

Я показываю ей наряд и загибаю пальцы.

— Четырьмя вещами: кожаные шорты, розовые шпильки, гольфы до колен и блестящий топ.

Она выставляет свои бедра и ноги, принимая позу.

— Давай же, признай это — я выгляжу потрясно.

— Ты выглядишь, как шлюха.

Она кидает в меня подушку, я ловлю ее и бросаю обратно.

— Смотри за своим грязным ртом, мертвая девчонка, — говорит она, бросая подушку на кровать, — я не выгляжу как шлюха. Я выгляжу как кто-то, кому нужно с кем-нибудь переспать. Всего-то.

— То же самое, — смеясь, я ныряю обратно за занавес в гардеробе. И немедленно мои губы опускаются. Вечеринки включают в себя много людей, а много людей значит множество предсказаний о смерти. Но я должна пойти с Рейвен, чтобы защитить её от неё самой, потому что она, как правило, становится безрассудной.

— Итак, на чью вечеринку мы отправимся вечером? — я выскользываю из пледа, в который была обёрнута, снимаю пижаму и натягиваю свои выцветшие джинсы.

— Реми, — отвечает Рейвен, и я могу слышать, как она роется в моем ящике с украшениями.

Вытянув лицо, я надеваю приталенную черную рубашку.

— Она живет по пути к озеру? — задаю вопрос я, надевая свои ботинки.

Она просовывает голову внутрь гардероба.

— Не будь такой занудой, Эм. Почему бы тебе хотя бы раз не позволить себе потерять контроль и повеселиться? — она отходит назад, когда я вхожу в комнату.

— Я не зануда, — я беру ключи от машины со столика, надеваю своё темно-бордовое ожерелье и кладу перо на ящик с украшениями, — я просто ненавижу вести машину всю дорогу туда. Это получается таким дерьмовым заездом. И там просто всегда очень много людей на вечеринках Реми.

Она надувает губы и щурит глаза.

— Достаточно, Эм. Можем мы пойти и повеселиться как две обычные студентки колледжа?

Слово «колледж» подталкивает меня. Мы ходим в местный колледж Стар Холлоу с тех пор, как наши родители не смогли позволить нам что-нибудь еще. Мы получаем гранты каждый семестр, покупаем книги или арендуем их, когда можем, и живем дома. Большинство классов учат профессора, которые знают меньше, чем мои школьные учителя, и иногда я задумываюсь, зачем вообще хожу в колледж.

Я заставляю себя улыбнуться:

— Мы всегда ходим на вечеринки.

Она игриво ударяет мою руку.

— Но ты никогда не веселишься, поэтому хотя бы сегодня можешь попытаться?

Вздыхнув, я киваю:

— Хорошо, я попробую, но сложно веселиться, когда люди смотрят на тебя, будто ты можешь убить их.

— Никто не винит тебя за смерть твоего отца. Даже копы сказали, что это не могла быть ты. Они ведь не выдвинули обвинения.

— На самом деле, они так не говорили. У них просто не было достаточно улик, чтобы сделать это.

— Да, но никто не думает, что ты действительно могла убить его, — убеждает она меня.

— Все в этом городе так думают, — не соглашаюсь я, — они думают, что причина моего исчезновения на неделю — это то, что я скрывалась от копов.

— Ну, возможно, если бы ты сказала кому-нибудь, где была... — она ждет, но я молчу, и буду молчать до того дня, пока не умру. Она закатывает глаза и сгибает мизинец перед собой, — никто не думает, что ты убийца. Теперь поклянись, что ты будешь веселиться.

— Ладно, — я строю гримасу и цепляюсь своим мизинцем за ее, — я клянусь, что попробую повеселиться.

Она сжимает мизинец.

— Не попробуешь, а будешь.

— Я обещаю, что буду веселиться, — сказала я нахмурившись.

Она подпрыгивает, оживленно хлопая в ладоши, пока я пристегиваю браслет с шипами к запястью, затем мы выходим за дверь.

— И помни, что случится, если ты заберешь свои слова обратно, — говорит она, спускаясь вниз по лестнице, размахивая руками.

— Да, да, плохая карма настигнет меня, — говорю я, зашнуровывая ботинки после того, как прохожу последнюю ступеньку. Рейвен очень сильно верит в карму, но я сыта кармой по горло с тех пор, как мне исполнилось четыре, когда я случайно забрала жизнь моей бабушки.

— Чувак, почему ты выглядишь так, будто совершила преступление? — мой брат Йен опирается на дверной косяк кухни, опаливая шальную нить на его балахоне с помощью зажигалки. Его тонкие коричневые волосы спрятаны под серую шапочку и, как обычно, его руки полностью покрыты краской. Он также высок, как и я, и немного худощавый. Очень часто люди думали, что он младше меня.

Я качаю головой и выхватываю у него зажигалку.

— Почему ты играешь с огнем? Когда-нибудь ты навредишь себе. Или поранишь кого-нибудь другого.

Он делает выпад за зажигалкой, но я уклоняюсь и мчусь в кухню, где ковер сменяется кафелем. Я кидаю зажигалку на пол и смотрю, как она разбивается.

— В чём твоя проблема? — кричит Йен, подбирая сломанные кусочки.

Йену двадцать один, он на два года старше меня, и он все еще живет дома. В шестнадцать он объявил себя бедным художником, что означает, что он будет жить здесь всегда, опустошая холодильник и зависая на чердаке, который является его «студией».

Он хватает мою руку и жестко сжимает ее.

— Почему тебе нужно быть такой сукой временами?

Я напрягаюсь, пока чувствую, как его смерть грубо проходит через меня, словно яд. *Огонь везде, крыша нашего дома сияет в огне. Йен лежит на полу, умирая — он хочет быть здесь.* Я вырываюсь и резко делаю вдох через нос. Я видела его смерть раньше, и каждый раз она одинаково болезненна. В прекрасном мире, полном роз и солнечного цвета, я бы имела возможность изменить причину его смерти. Но насколько я знаю, предсказания смерти окончательны и неизменны также, как и чернила на страницах моего блокнота.

Он трет черно-желтую краску со щеки.

— Послушай, Эм, мне жаль, окей? — он глядит на Рейвен, беспокоясь о ее реакции, — я просто нехорошо спал в последнее время.

— Все в порядке. И мне жаль, что я сломала твою зажигалку, — я подбираю оставшиеся части и бросаю их в мусор, — ты принимаешь свои лекарства?

Он массирует заднюю часть шеи, выглядя напряженно.

— Да, но я не уверен, нужны ли они мне. Прошло два года с тех пор, как Алисса... И сейчас я чувствую себя очень хорошо.

Тот факт, что он не может говорить о ее смерти, доказывает, что он не готов перестать принимать свои лекарства. Йен никогда не простит себя за исчезновение Алиссы — его девушки в старших классах, чье тело было обнаружено в озере.

После того, как её нашли, Йен провел весь свой выпускной год выпивая и находясь под кайфом. Однажды он даже пытался покончить жизнь самоубийством, не смотря на то, что отрицает это, говоря, будто просто заглотил слишком много таблеток, но я знаю правду — я читала его предсмертную записку.

Когда я обнаружила его на полу в ванной без сознания и едва дышащим, я знала, он не должен был умереть, но все равно это напугало меня до усрачки. Он очень сильно любил Алису, и вина ее потери забирала его жизнь и отравляла его голову темнотой, от которой, я думаю, он никогда не сможет избавиться.

Он раскрывает объятия, но я уклоняюсь.

— Рейвен и я, уходим. Скажи маме, что я буду поздно... Если она появится.

Он идет к шкафу и достает оттуда коробку с сухим завтраком.

— Даже если она придет домой, она будет слишком пьяна, чтобы заметить.

— Я знаю, — я собираю грязную посуду со стола и кладу ее в раковину, — но на всякий случай, если каким-то чудом она придет домой трезвая и заметит, что я не здесь, ты будешь знать, что ответить.

Он машет на нас рукой, когда мы подходим к парадной двери.

— Да-да, я передам.

Рейвен посылает ему кокетливый поцелуй.

— Спасибо, сладкий.

Йен вопросительно поднимает брови.

— Сладкий?

Я рывком открываю дверь.

— Я думала, ты сказала, что никогда не будешь тусоваться с ним?

Она пожимает плечами и юркает за парадную дверь, покачивая пальцами и тресая бедрами.

— Не буду, но я никогда не говорила, что я не буду флиртовать с ним.

Я машу Йену рукой на прощание.

— Увидимся позже, и если тебе что-нибудь понадобится, позвони мне.

— О да, я чуть не забыл, — он возвращается на кухню и, секундами позже, возвращается с моим блокнотом, — это было на переднем крыльце этим утром.

Поразившись, я беру блокнот и смахиваю грязь с черной кожаной обложки.

— Ты знаешь, как это попало сюда?

— Я подумал, ты оборонила или что-то в этом роде, — он пожимает плечами, — не видел, чтобы кто-нибудь приходил этим утром, не считая тебя.

Я с трудом сглатываю и переворачиваю страницы. Все выглядит нормально, блокнот был таким же, каким я его потеряла, не считая последней страницы.

Ослепленные непрозрачной завесой смертности, ее глаза всегда закрыты, как могила. Она хочет знать, хочет чувствовать этот огонь, яркость луны. Поэтому ищет свет. Только для того, чтобы понять, он в ней, как уголь, что должен зажигать.

Почерк безупречный, как если бы каждый изгиб буквы что-то значил. Я аккуратно прикасаюсь к странице, как будто это что-то драгоценное.

Рейвен заглядывает через мое плечо.

— Я думала, ты потеряла его.

— Похоже, я ошибалась, — я захлопываю блокнот, — подождешь меня в машине?

Она кивает, но направляется к Йену и тычет пальцем в его щеку.

— Итак, у меня есть жалоба, которая позволит мне взять тебя со мной.

Я оставляю их флиртовать, поднимаюсь в свою комнату и плююсь на стих. Это прекрасно и бьет по больному, но кто написал это? Парень с кладбища? Я вырываю страницу и вешаю ее над кроватью. Читаю слова снова, прежде чем подойти к двери.

Увижу ли я мистического незнакомца снова? И что случится, если это произойдет?

Глава 3

Рейвен и я лучшие друзья с тех пор, как мы носили подгузники. Наши родители были друзьями в старшей школе, и они поселились по соседству после того, как поженились. Наши мамы забеременели вместе — дважды — а наши отцы работали в местном автомагазине. Это была идеальная жизнь, до тех пор, пока нам с Рейвен не исполнилось по два года.

Тогда мои родители начали часто ссориться. Поначалу, было неплохо, но потом это

начало происходить каждую ночь. Мама сказала, что отец не хотел проводить время с нами, что он был слишком занят на работе и развлекаясь в баре. Она была права — отец был постоянно пьян. В конце концов, он переехал, а Йен и я едва видели его.

Отец Рейвен покинул её семью несколькими годами позже. Просто взял и ушел. Через некоторое время, наши мамы начали принимать наркотики, а наши братья начали жить в своих собственных мирах. На самом деле, брату Рейвен, Тодду, было не так уж и плохо, лишь немного необычно. Но я не знаю, что бы я делала, если бы потеряла Рейвен. Она — гарантия моей стабильности.

Вечеринка Реми более оживленная, чем обычно. Сборище студентов колледжа ютилось в маленькой гостиной, двигаясь под «Не бойся смерти» Blue Oyster Cult, практически залезая друг на друга, на их лицах можно было увидеть очевидное наслаждение от происходящего. Глубоко внутри, в темном уголке моего израненного сердца, я представляю какого это, трогать кого-то вот так, прижиматься к кому-то, чувствовать манящее тепло тела, вместо грязного ощущения неминуемой смерти.

Пивные бутылки и окурки от сигарет валяются на паркете, воздух пропах потом, пивом, сексом и смертью. Сильно, ядовито, опьяняюще. Я тусуюсь в пустом углу дома, максимально близко к лестнице и к двери, пытаюсь держать дистанцию. Случайно я дотрагиваюсь до трех человек, и видения их смерти ранят мою кожу, словно маленькие ушибы, порезы и раны.

Я потягиваю свой клюквенный сок, который хотела бы пить, смешав с водкой, но сегодня я за рулем. Я смотрю, как люди танцуют, но мои мысли занимает парень с кладбища. Что он делает прямо сейчас? Прямо в этот момент, пока я стою здесь. В моем представлении, он сидит в своем доме в Викторианском стиле, строча прекрасные слова в своем блокноте, без рубашки, а его волосы падают на глаза. Его дом изолирован от мира темным лесом, постоянно скрытый туманом. Я уверена, что вряд ли это так, но в этом вся прелесть воображения.

— Эмбер, — перекрикивает музыку Рейвен, танцуя в толпе, её розовые волосы выделяются в море тел, а руки подняты вверх. Пот течет по её коже, и она обмахивает лицо, когда подбирается ко мне ближе. — Что ты делаешь? Ты обещала веселиться, — она обвиняюще указывает на меня пальцем и моргает своими блестящими глазами, а затем наклоняется вперед, всматриваясь в мое лицо, — фактически, ты поклялась.

Я вырываю пластиковый стаканчик из её рук и расплескиваю напиток, отметив, что в нем только водка и никакого пунша.

— Я знаю, и я пытаюсь, честно, но тебе никаких напитков больше, окей?

Она выпячивает нижнюю губу.

— Давай же, Эм. Ты обещала.

Я притворяюсь, будто меня интересуют танцевальные движения, покачивая бедрами.

— И я повеселюсь, клянусь. Теперь иди и потанцуй. Повеселись за нас обеих.

Раздражение горит в её глазах, когда она кладет свои руки на бедра и свирепо смотрит на меня.

— Ты становишься болью в моей заднице потому, что ты здесь, или это твоя маленькая смертельная штука так огорчает тебя?

Мой взор быстро охватывает комнату, и я рычу:

— Понижь свой голос. Кто-нибудь может услышать тебя.

Она вскидывает руки в воздух и закатывает глаза. Она определенно пьяна, и её темная сторона рвется наружу.

— О, большие новости! Маленькая Эмми может видеть смерть! Разве это кого-то волнует?

Я выливаю её напиток в ближайшее мусорное ведро.

— Больше никаких напитков.

Она ворчит, матерясь, но долговязый парень, одетый в черные джинсы и черную футболку, прерывает нас.

— Смерть везде, друзья мои. И, в конечном итоге, она догонит нас, так какой смысл бежать от неё? Вместо этого, мы должны жить полной жизнью.

Его зеленые глаза подведены черным, а на запястьях красуется изображение скрещенных костей. Он кладет руку на плечо Рейвен и, пьяно пошатнувшись вперед, случайно натывается на моё колено.

Тяжесть проходит через мое тело, разливаясь по моим венам словно огонь.

Чёрная вода. Деревья. Дождь льется с темного неба. Стекло везде. Кровь... они не могут дышать... они не могут дышать! Перья падают на землю.

Я пытаюсь ловить ртом воздух, почти задохнувшись от осознания того, насколько это напоминает смерть моего отца, место, где была найдена его машина.

— Это пугает тебя? — его глаза пристально изучают меня, отмечая готический стиль моей одежды. — Судя по твоему виду, я бы так не подумал. Но, эй, может ты просто выпендрейница?

— Ты знаешь, ты не должен судить людей по их внешнему виду, — я позволяю своим волосам упасть на лицо и закрываю глаза. Я не хочу смотреть на него. Его жизнь приближается к концу, последний лепесток розы слабеет на затухающем стебле. Я заправляю пряди волос за уши и вздыхаю. — У тебя есть 'DD'?

— Что за 'DD', черт возьми? — нечленораздельно произносит он, спотыкаясь и проливая свой напиток на пол.

Я потираю виски. *Идиот.*

— Все, включая тебя, окажите услугу и не садитесь за руль сегодня. Окей?

Парень трясется в приступе язвительного смеха.

— Что это, предзнаменование или что-то типа того? — он поднимает руки вверх. — Ууу, страшно... — он останавливается, и узнавание проскальзывает в выражении его лица. — Хэй, подожди минутку. Это не ты та девушка, которая убила своего отца?

Я тяжело сглатываю и делаю шаг назад.

— Нет, я думаю, ты путаешь меня с кем-то другим.

Он всматривается в моё лицо.

— Нет, я вполне уверен, что это была ты. Разве не ты позвонила в полицию и призналась, а потом, типа сбежала... — он спотыкается и хватается за руку чтобы не упасть. Снова я вижу его неминуемую смерть. — Подожди... что я только что сказал?

Я освобождаю руку и отхожу от пьяного идиота.

— Ты сказал, что тебе нужно бросить пить.

— Ты в порядке, Эм? — спрашивает Рейвен, её голос сочится беспокойством, — ты выглядишь немного бледной.

— Я всегда выгляжу бледной, — говорю я, обнимая себя руками, — и у меня началась головная боль.

Наш код для «у меня было видение смерти».

— О, понимаю, — она наматывает прядь волос на палец, и её ресницы трепещут, пока

она воображает план. — Ох! Окей, я поняла.

Парень-гот оглядывается и смотрит на нас.

— Поняла что? Подожди минуту? Вы двое боретесь за меня? — он ухмыляется, и я раздраженно качаю головой. — Не переживайте, дамы, у Ладена много любви для всех вокруг.

Рука Рейвен соскальзывает с груди Ладена, она больше не заинтересована в нем, но все же, надевает на лицо маску для игры с ним.

— Хэй, почему бы тебе и мне не сходить потанцевать? — она переплетает свои пальцы с его и наклоняется, чтобы быстро поцеловать меня в щеку, и я вздрагиваю. — Прости, что я слегка вспылила.

Она виляет бедрами, пока ведет Ладена на танцпол. Перед тем, как исчезнуть в толпе, она смотрит на меня через плечо и шепчет: *Я достану его ключи.*

Я прислоняюсь к стене, позволяя голове откинуться назад, и закрываю глаза.

— Дыши, Эмбер, дыши. Ты не можешь остановить смерть — это невозможно.

— Боже, здесь будто начался брачный сезон, — глубокий мужской голос окружает меня и посылает покалывающие вибрации через мое тело.

Я вздрагиваю, оступаюсь, спотыкаясь о свои ноги, и наступаю на носок его туфель. На самом деле, это ботинки — черные с серебряными черепами на пряжках. Мне нравятся его ботинки. Мои глаза постепенно путешествуют вверх, пока я оглядываю его: темные джинсы, клетчатая рубашка, поверх черной футболки, и ожерелье с черепом на его шее. А также кожаные полосы на его запястьях и металлическое кольцо, украшающее бровь. Его угольно-черные волосы падают на серо-голубые глаза и свисают поверх ушей.

Его напряженный взгляд дразнит меня, когда он осматривает меня.

— Прости, я не хотел тебя напугать.

Я снова вздрагиваю при звуке его страстного голоса, пока он переливается на моей коже.

— Извини за обувь, — я отступаю назад, пытаюсь увеличить пространство между нами. Последняя вещь, которую я хочу узнать, когда этот великолепный парень умрет. — Просто переполненные комнаты даются мне нелегко.

Он мягко смеется, пока бросает свой стакан в мусор.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Всё это, — он показывает рукой на людей, трущихся друг об друга, — повод для них, чтобы вылизать друг друга на публике.

Я почти улыбаюсь схожести наших мыслей.

— Это довольно хорошее наблюдение.

Он поджимает губы, а затем с неуверенным взглядом наклоняется через мое плечо, шевеля губами рядом с моим ухом. Я напрягаюсь, боясь, что он прикоснется ко мне, и этот волшебный момент закончится, но он осторожен, оставляя кусочек пространства между его губами и моим ухом.

— Например, эти двое. Я думаю, что у них происходит их собственный ритуал спаривания. Хотя, мне кажется, что это вполне может быть и односторонним ритуалом спаривания, — он поворачивает голову в сторону и смотрит на толпу.

Я слеую за его взглядом на Рейвен, танцующую с Ладеном. Она положила одну руку на его бедро и вторую на его задний карман. Ладен движется по всей комнате, размахивая руками, пока он передвигает ногами, будто пытается совместить брейк-данс и диско вместе. Рейвен ловит мой взгляд и закатывает глаза.

— Думаю, ты прав, — я поворачиваю и встречаюсь с прекрасными глазами незнакомца. — Выглядит так, будто ей скучно.

Он отклоняется от моего уха, его язык выскальзывает, чтобы облизать губы, и я замечаю отблеск металла. Господь Всемогуший, у него пирсинг на языке.

— Она твоя подруга?

Я легко представляю, что она может привлечь его. Большинство парней обращают на неё внимание, но это никогда не беспокоило меня, до сих пор. Рейвен смелая и кокетливая — не то, что я. И я смирилась с этим. Но этот парень заставляет мои внутренности изгибаться и закручиваться с таким изнуряющим жаром, что я почти вспотела.

— Её зовут Рейвен, — говорю я ему, внимательно следя за реакцией на его лице.

— Как стихотворение? — он пронзительно выгибает бровь.

— Ты знаешь Эдгара Аллана По? — спрашиваю я, не ожидая много, потому что «Ворон» — это одно из легендарнейших стихотворений Эдгара Аллана По (*с английского raven это ворон).

— Чуть-чуть, — он глядит на меня, будто пытается разгадать ребус. — А как тебя зовут?

— Эмбер, — я приближаюсь на дюйм вперед, затаив дыхание.

— Эмбер... мне нравится, — он придвигается ближе, и наши тела почти соприкасаются. Я могу чувствовать тепло, которое он излучает, как пламя, и я могу почувствовать запах его соблазнительного одеколona, — «...и в камине очертанья тускло тлеющих углей...» (*перевод К. Бальмонта), — он цитирует строчку из «Ворона» По.

— Я думала, ты сказал, что плохо его знаешь? — спрашиваю я, впечатленная.

Он пожимает плечами и засовывает руки в карманы.

— Что я могу сказать? Я очарован идеей... любовь, смерть и безумие, которое это приносит.

Неудобство растет из-за его упоминания о смерти, я сканирую толпу, ища Рейвен.

— Поверь мне, смерть вовсе не очаровательная, — я немного нервничаю из-за того, что не могу найти Рейвен. Я оборачиваюсь к таинственному незнакомцу, — было приятно с тобой пообщаться, но мне нужно... — я замираю от непристойного взгляда, которым он меня награждает, — что? — спрашиваю я, не уверенная, что хочу знать — не уверена, что смогу выдержать это. Я никогда не позволяла себе сблизиться с парнями. Какой смысл? Я не смогла бы целовать их — делать что-нибудь с ними — не видя при этом их смерти.

Он трясет головой, его глаза останавливаются на мне.

— Ничего... Просто я подумал, не хотела бы ты потанцевать?

Я немедленно качаю головой.

— Нет, спасибо. Я не танцую.

Он улыбается, поджимая губы, и я загипнотизирована движением его рта.

— Это нормально. Я буду вести, — он делает паузу, его глаза осматривают мое лицо, а затем перемещаются вниз по моему телу.

— Я, правда, не могу... — тому, как он смотрит на меня, сложно сопротивляться, — я просто... Я не фанат прикосновений... — я качаю головой того, как нелепо звучит мой ответ.

Уголки его губ поднимаются.

— Ну, что, если я пообещаю не прикасаться к тебе? — он выгибает бровь, пока оборачивается в сторону танцпола, удерживая мой взгляд.

Песня сменилась на «Degausser» группы Brand New, и я узнаю, что мои ноги могут жить

своей собственной жизнью, слова Рейвен эхом проносятся в моей голове. *Повеселись.* Я движусь с ним, поднимая руки над головой, чтобы маневрировать сквозь толпу людей, пытаюсь ни с кем не соприкоснуться.

Он идет до тех пор, пока не достигает края толпы, затем он останавливается и ждет меня, чтобы наверстать упущенное. Я благодарна за то, что он предпочитает держаться на расстоянии от других людей. После того, как я достигаю его, я осознаю, что не врала, когда сказала, что не могу танцевать.

— Не смейся надо мной, когда я упаду на задницу, — шучу я, — обещаю, что не будешь.

Его рот дразнит меня ухмылкой.

— Окей, я обещаю, — затем он кладет руки, словно собирается дотронуться до меня, и я втягиваю воздух. Но он останавливается, как если бы собирался коснуться моих бедер, и дюйма достаточно, чтобы я могла почувствовать тепло между нами, прикосновение его одежды, ощущение его дыхания; и тем не менее, он не касается меня.

Я вздыхаю, когда он начинает покачиваться в ритме музыки, но я не могу коснуться его, но закрываю глаза и свободно двигаюсь в такт, как могу. Мое сердце бьется в груди, когда я наклоняюсь немного ближе, чтобы я смогла почувствовать его, тем не менее, я не могу его чувствовать. Повсюду вокруг меня невидимые покалывания. Я представляю, что его руки могли бы быть на моих руках, моей спине, моих бедрах, схватить мою грудь и скользить ниже к развилке между бедер. Я хочу застонать так чертовски сильно, что приходится прикусить мою нижнюю губу, чтобы предотвратить это.

Я чувствую, как он наблюдает за мной, и я приоткрываю глаза, а затем распахиваю их шире, при виде его лица, его губ, его темных и похотливых глаз.

Я даже не знаю его, и все же я чувствую, что словно воспламеняюсь от близости к нему. Когда он движется ближе, я остаюсь на месте, буквально приросшая к полу, даже когда он наклоняется ко мне. Я выгибаю спину, и его грудь следует за моей грудью, его руки скользят вокруг меня, однако он до сих пор не прикасается ко мне.

Он склоняет голову вперед, и наши губы находятся всего лишь в нескольких дюймах; его дыхание опалает мои губы, мои щеки. Пуговицы его рубашки трутся о моё декольте, и легкий стон слетает с моих губ.

Музыка продолжает пульсировать вокруг нас, он тоже выпускает глубокий стон, и этот звук настолько эротичен, что заставляет меня дрожать. На секунду, я думаю, будто он собирается поцеловать меня, и я хочу позволить ему, желая и нуждаясь почувствовать то, каковы эти мягкие губы на вкус.

— Эмбер, — шепчет он, и затем закрывает глаза.

Облизывая губы, я закрываю глаза и жду того, что будет происходить дальше. Я жду и жду, и когда больше не могу терпеть, я открываю глаза.

Он ушел. Растворился в воздухе. Я делаю шаг назад, сканируя толпу, но я нигде не могу найти его.

— Он ведь даже не сказал мне своего имени, — бормочу я, чувствуя себя идиоткой. Мало того, что я нарушила все свои правила, находясь с ним здесь, так я еще и практически кончила перед ним, а он даже не коснулся меня.

Покачав головой и попытавшись дышать сквозь опьяняющие чувства, все еще пульсирующие во мне, я ищу Рейвен.

Я проверила лестницу, а затем прошлась взглядом по толпе, и наконец, нашла розовую голову Рейвен, подпрыгивающую вверх и вниз, в центре. Группа устанавливает свои

инструменты в передней части комнаты — они суетятся. Вдыхая, я расправляю плечи и осторожно двигаюсь по краю комнаты, стараясь не вступать в контакт с кем-либо.

— Рейвен! — кричу я сквозь музыку, когда её розовые волосы движутся дальше в толпу. Я прижимаюсь спиной к стене и пробираюсь к ней, стараясь ни на кого не нарваться.

Реми, низкая девушка с черными волосами и рваной челкой, встает на стул.

— Хорошо, люди! Вы готовы? — она показывает своей сильно татуированной рукой на группу, — встречайте «Breaking Up Mayhem»!

Гитарист перебирает струны гитары, и певец кричит.

— Все готовы?!

Окей, время перед тем, как все выйдет из-под контроля, на исходе.

Группа начинает играть взрывную песню, и все становятся дикими. Бутылки гремят по деревянному полу. Локти и плечи врезаются в меня. Видения смерти разливаются по моим венам.

— Я не могу дышать, — я спешу к двери. *Кровь. Боль. Тишина сердца... тени деревьев... почерневшее озеро. Кости ломаются. Кто-то не может дышать. Это больно... тут так много крови. Последний вздох слетает с губ прочь. Красный «X» окрашивает все это. Пустые песочные часы. Убийство. Мое тело трясется. Я ищу лица людей рядом со мной, но не могу сказать, кому принадлежит та или иная смерть. Я вытягиваю пальцы вдоль тела. Больничная койка. Старость. Разбитое сердце. Жертвоприношение.* Я не могу больше это терпеть. Я сбиваю людей на своем пути, пока бегу к входной двери.

— Эй, смотри куда идешь! — кричит кто-то.

Я врываюсь в дверь, хватая ртом воздух. Два парня пьют пиво на крыльце, и я расталкиваю их с пути, игнорируя видения их смертей, и пробегаю через разгромленный двор. Я останавливаюсь посередине газона, тяжело дыша и обливаясь потом, меня выворачивает наизнанку, когда я хватаюсь за горло. Луна ярко светит на фоне неба, и звезды сияют, словно бриллианты. Деревья вокруг трепещут от ветра, сбрасывая листья на траву.

Я сгибаюсь, упираясь руками в колени, и замедляю дыхание.

— Соберись, Эмбер, — шепчу я сама себе, — смерть-это смерть, в любой форме. Ты не можешь её остановить.

Вдыхая, я беру себя в руки и поворачиваю голову назад к дому, готовясь найти Рейвен и сказать ей, что пора уходить. Между незнакомцем, танцующим со мной, и предсказаниями смерти, я уже достаточно повеселилась на этой вечеринке за одну ночь.

Машины выстроены в линию бампером к бамперу, вниз по подъездной дороге, что делает практически невозможными попытки выбраться, но ржавый черный Кадиллак выезжает из-за линии и движется по траве. Когда он проезжает мимо меня, я вижу розовые волосы девушки, которая подмигивает мне своими синими сапфировыми глазами.

— Рейвен... Что ты делаешь? — я машу ей и тороплюсь к машине. Она слишком умная, чтобы сесть в машину со случайным парнем, тем более с тем, чью смерть я видела совсем недавно, — вылезай из машины!

Она посылает мне воздушный поцелуй и откидывает голову назад, смеясь, когда автомобиль ускоряется прочь, поднимая грязь и гравий.

— Проклятье, Рейвен, — я мчусь за машиной вниз по дороге и к деревьям, следуя за ними весь путь к шоссе, где они исчезают в ночи. Я смотрю вниз по пустынной дороге и запускаю пальцы в волосы, запыхавшись.

— Дерьмо, — я достаю мобильный телефон, — нет сигнала. Я бегу вниз по дороге, к

своей машине, побитый Додж Челленджер 1970-го года, который стоит между грузовиком и массивным внедорожником. Автомобиль принадлежал моему отцу. Мы работали, чтобы устранить его неполадки, а потом отец исчез. Прошло три года, с тех пор, как это случилось, но все еще больно думать о нем, особенно потому что я не знаю, жив он или мертв.

Я похлопываю по карманам в поисках ключей.

— Где они? — стараюсь не паниковать, я повторяю свои шаги, осматривая почву на предмет чего-то блестящего и металлического. — Ну же. Ну же. Где они?

— Потеряла что-то, сладенькая? — говорит парень с сальными волосами и толстой шеей, стоя на верхней ступеньке крыльца. Он выглядит как подражатель Дэнни Зуко, со своими бакенбардами и кожаной курткой, за исключением того, что у него есть странная черная татуировка «X», пересекающая его глаз.

Я возвращаюсь обратно, вниз к лестнице, качая головой.

— Неа, все в порядке.

Он допивает остатки своего напитка, сминает стакан и швыряет его через перила в кусты. Я вижу тьму в его глазах, это заставляет меня нервничать.

— Ты уверена? — спрашивает он. — Потому что, я мог бы помочь тебе с чем угодно.

— Нет, спасибо, — я продолжаю пятиться назад к своей машине, не сводя с него глаз, — у меня есть все, что мне нужно.

— Хэй, не ты ли та девчонка, которая убила своего отца? — спрашивает он, спускаясь вниз по лестнице с крыльца.

Мои глаза не моргают, даже когда он проходит рядом и врезается в меня.

— Я думаю, что ты говоришь о ком-то другом, потому что мой отец не мертв.

— Кстати, ты знаешь, я видел, что кто-то мочился на твою машину, — кричит он, и я останавливаюсь, мне любопытно, даже если этот парень полный псих, — этот Челленджер вон там — он твой, не так ли? — спрашивая, он кивает головой в сторону моей машины.

Я осторожно киваю.

— Ммм... да.

Он идет ко мне, делая большие шаги, приближаясь довольно быстро.

— Здесь был какой-то парень, который пришел сюда несколько минут назад. Он забрался внутрь, помочился и затем ушел.

Итак, возможно мои ключи были украдены, а не потеряны.

— Спасибо. Я прослежу, что ничего не пропало.

Зловещий взгляд появляется у него на лице.

— Я мог бы подвести тебя до дома, на всякий случай, — он щелкает пальцами и хватается меня за локоть, впиваясь окрашенными в черный цвет ногтями в мою руку. Это посылает отвратительные ощущения через мою кровь, густые как масло, и я сглатываю горький привкус. *Кровь пачкает его руки. Сквозь ночь он подходит к краю крыши. Темный плащ трепещет позади него. Он улыбается и прыгает.*

Он отпускает мою руку, и я отступаю назад, видя, как его губы растягиваются в зловещей ухмылке.

— Скажи мне, Эмбер, ты когда-нибудь танцевала со смертью или платила за визит Жнеца?

— Отвали от меня, черт возьми, — я отхожу к машине и запрыгиваю на переднее сидение. Парень отступает к дому, насвистывая мелодию, пока он прячет свои руки в карманы. Мое сердце замирает в груди, когда я осознаю его слова. Он знает о моем

проклятии?

— Мне жаль, — извиняюсь я перед автомобилем, нежно глядя руль, и затем, я беру отвертку из-под сидения и отделяю панель. Я выдергиваю нужные провода, скручиваю их вместе, нажимаю на педаль газа, и двигатель оживает. «The Kill» группы 30 Seconds to Mars взрывает динамики, когда я осторожно возвращаю провода на место и захлопываю дверь автомобиля.

Моему отцу и мне приходилось красть машины. Когда я была маленькой, я сидела на заднем сиденье, пока он работал с магией горячих проводов. Тем не менее, когда я стала постарше, он научил меня всему. Я была его протеже. В двенадцать лет, я не могла видеть всю картину целиком. Ситуация была запутанной, а это было маленьким знаком того, что мой отец потеряет свой разум, в конце концов.

Я поворачиваю руль в сторону и съезжаю на траву. Парень с сальными волосами смотрит на меня с крыльца, пока я пересекаю лужайку и еду вниз по дороге.

Деревья мелькают, когда я проезжаю мимо вниз по дороге, словно прокладывая себе путь, между озером и горой. Когда шины достигают асфальта, я вдавливаю педаль газа в пол, надеясь, что Ладен и Рейвен будут оставаться на шоссе, и я смогу их догнать.

Однажды, я случайно видела смерть Рейвен. Я обычно очень осторожна в стремлении не дотрагиваться до людей, особенно до тех, кто мне близок. Я не хочу знать, как все закончится для них, как я потеряю их, как я возненавижу себя за то, что не смогла спасти их. Но, когда Рейвен и я были маленькими, мы играли в домике на дереве Рейвен. Рейвен споткнулась и приземлилась возле края, практически падая. Инстинктивно я потянулась, чтобы схватить ее. Когда мои пальцы коснулись её руки, я захотела все стереть из памяти. Но я увидела. Наша дружба. Рейвен умрет молодой, очень болезненно и ужасно. Это произойдет в воде, во время ливня, так же как и с Ладеном. Только её жизнь будет украдена.

Облака покрывают небо, луна и звезды исчезают, и воздух пахнет свежестью, как перед ливнем. Я ускоряюсь, стараясь не паниковать. Я не обращаю внимания на то, как быстро еду, но я не боюсь. Моя смерть произойдет, когда придет время, так же как и у остальных. Это случится темной ночью, тусклый свет будет мерцать, и я буду одна. На самом деле, я не знаю, когда это произойдет. И я благодарна за это. Если кто-либо узнает, когда умрет, страх и одержимость изменения этого овладеют ими, и не останется жизни, которую он или она хотели спасти.

Хвостом за мной следует машина, и свет от ее фар отражается в моем зеркале.

— Отвали, придурок, — бормочу я, регулируя зеркало.

Машина подъезжает ближе до тех пор, пока не остается всего лишь несколько дюймов до столкновения с моей машиной. Между нами острый угол, поэтому я нажимаю на тормоза, но ничего не происходит. Я жму сильнее, но машина только разгоняется вниз по склону. Угол снова появляется, и я пытаюсь переключиться на меньшую передачу, но двигатель ворчит, а затем звучат выхлопы. Делая глубокий вдох, я поворачиваю руль вправо. Автомобиль вращается, и шины визжат, когда передняя часть моего автомобиля врезается в ограду. Звук оглушительен, будто поезд ревет на железнодорожных путях.

На долю секунды, когда машина парит над краем, будто она не сможет упасть, я задерживаю дыхание. Затем из ниоткуда появляется ворон, ныряет вниз и падает на капот. Секундой позже, водитель, идущий впритык к моему автомобилю, врезается в заднюю часть моей машины, и моя голова ударяется об лобовое стекло. Машина переворачивается, а затем катится вниз по склону. Ремень безопасности блокируется, и меня откидывает к сиденью,

как будто мое тело закололи ножом, избили и сломали. Затем автомобиль падает в озеро, и вдруг становится ясно: я умру сегодня.

Смерть ощущается естественно, как дыхание. Вода касается моей кожи и заполняет кабину автомобиля. Я отцепляю ремень и плыву к крыше, прижимая голову к потолку. Здесь темно, и вода поднимается до моей шеи, так что я передвигаю ноги так, чтобы плыть вверх, а затем я пинаю окно каблук моего ботинка до боли в моих икрах. Я продвигаю пальцы вдоль двери, берусь за ручку и жду, когда кабина полностью погрузится в воду.

Мой отец был хорош в выживании. Он научил меня таким приемам, типа как вылезти из машины, когда она тонет в воде. Если воды прибудет достаточно, то дверь откроется. Но как только она достигнет определенной точки, давление воды внутри должно сравняться с давлением воды снаружи. Это значит, что я должна ждать, пока автомобиль полностью не погрузится в воду, не утонув, в первую очередь.

Я остаюсь спокойной, пока вода прибывает и прибывает, и затем я наклоняю голову назад и делаю глубокий вдох, прежде чем вода поглощает меня полностью. Я немедленно дергаю ручку, но она защелкивается обратно. Пузырьки вылетают из моего рта, когда я стучу в дверь. Черная вода поглощает кабину, и я отплываю к другой двери, но врезаюсь в вогнутую крышу, которая становится преградой на пути к другой стороне. Я переворачиваюсь и ударяю кулаком по лобовому стеклу. Становится все темнее и холоднее, когда машина погружается глубже в озеро.

Мои глаза остаются открытыми, пока пузырьки булькают вокруг моего рта. Я не могу видеть. Я не могу дышать. Смерть больше не умиротворяет. Воздух ускользает, мое сердце умирает, и мое ожерелье спадает с шеи, но вода неподвижна. *Я мертва?* Металл от машины хрустит, поскольку он прогибается под тяжестью воды.

— Эмбер, — шепчет кто-то, — подожди.

Я смотрю то влево, то вправо. Темнота, и я одна, все как в предназначенной мне смерти. Слабый свет плывет по воде к окну, освещая внутреннюю часть машины, и я протягиваю к нему руку, чтобы прикоснуться.

— Эмбер, — рычит голос, — не трогай это.

Свет мигает, а затем превращается в черную массу.

— Эмми, — шепчет он, и черная масса обволакивает меня, — пойдём со мной.

Нет, не снова. Мое тело воспламеняется. Я кричу, когда открывается туннель и поглощает меня.

Глава 4

Своего первого предвестника смерти я увидела, когда мне было 4 года. Моя бабушка Нелли стала жить с нами, когда дела шли довольно нормально и еще не полностью покатались к чертовой матери. Бабушка Нелли была старой и страдала от слабоумия. К тому времени, как она переехала к нам, она уже была немного тронутая — многое забывала, бродила по ночам.

Мой дедушка умер несколько лет назад и некому было позаботиться о ней. В конце концов, она начала страдать от галлюцинаций и стала забывать кто есть кто. В ночь, когда она умерла, она пробралась в мою комнату и села на кровать рядом со мной. Я никогда не забуду ту ночь — это изменило мою жизнь навсегда.

Она сняла ожерелье и положила в мою руку.

— Вот, Эмми, теперь это твое.

Овальным кулон заполнил ладонь.

— Бабушка, что ты делаешь?

— Ты чувствуешь это, Эмбер?

Её глаза загорелись в предвкушении, когда она взяла мою руку и положила её в районе своего сердца. Её сердце билось быстро под моей ладонью. Я сидела в замешательстве.

— Чувствую что, бабуля? Твое сердце?

Она взволнованно покачала головой.

— Нет, Эмми, моя жизнь. Ты чувствуешь, как она уходит?

— Нет, — ответила я и взглянула на дверь.

— Ты в порядке, бабушка? Может быть, я должна пойти разбудить маму?

— Нет, нет, — прошептала она. — Ты должна прислушаться, Эмми. Ты услышишь это, моя жизнь ускользает. Ты должна принять это, ладно?

В ее взгляде было столько отчаяния, что я закрыла глаза и стала слушать стук ее сердца, шелест ее дыхания, затихающий танец крови в ее венах. Там было тепло, затем холодно, будто свет замерцал внутри меня, и на мгновение я почувствовала себя всемогущей. Когда я открыла глаза, она лежала на кровати и глаза ее были закрыты. Она выглядела умиротворенной, и я позволила ей лежать там некоторое время, прежде чем разбудить свою мать и сказать ей, что бабушка умерла.

Моя мама спросила, что случилось, и я рассказала ей. Она посмотрела на меня как будто это моя вина. Может быть, так и было. Я почувствовала, как жизнь покидает ее тело, и моя собственная жизнь растет.

После похорон, моя мать отправила меня жить с отцом-механиком и по совместительству автоугонщиком. Он пытался воспитывать меня, пока не исчез, затем он вернулся жить с моими мамой и братом.

— Открой глаза, — требует глубокий голос. — Давай же. Открой глаза, черт возьми.

Шепот изменяется в отчаянную мольбу.

— Пожалуйста, Эмбер... Пожалуйста, очнись... Ты должна быть одной из них — я знаю это.

Мягкие губы прикоснулись к моим, и разряд жизни бьет мое сердце, как дефибриллятор, заряжая его жизнью.

— Возьми это, пожалуйста... — голос умоляет. — Ты должна принять это.

Душевный и поэтичный голос шепчет в моей голове, чтобы вернуть мое тело обратно к жизни, затем еще одна жизнь вливается в каждую мою частичку и наполняет здоровьем мое тело. Мое сердце увеличивается и заставляет кровь снова течь по телу, затем рука давит мне на сердце и мои легкие раздуваются. Мои веки открыты, и вода устремляется вверх по горлу, и я как будто окунулась в грязную воду, пока поток кислорода попал мне в легкие. Мне кажется, мое тело парит выше деревьев, но все размыто, как несфокусированный объектив камеры. Я протираю глаза, встаю и тело испаряется в ночном небе.

— Ты в порядке? — кашляя, спрашивает мой спаситель.

Я вытираю глаза кончиками пальцев.

— Я думаю да... Как ты...?

— Что это было?

Луна выглядывает из туманного облака, и дождь накрапывает с неба, когда я, наконец, смотрю на своего спасителя. Великолепный парень с вечеринки, стоит на коленях на каменистом берегу рядом со мной, его глаза поглощают меня. Его черные волосы влажные и бусины воды стекают с его бледной кожи. Серебряный череп на его ожерелье блеснул в

лунном свете, и его длинные, черные ресницы подрагивают от дождя. Его красота захватывает дух, так что я мгновенно увязла в нем, и почти забываю, где я нахожусь.

— Ты... Ты прыгнул и спас меня? — я кашляю, зажав рот.

Он смотрит на меня так, как никто никогда не делал прежде. Так, будто я что-то ценное.

— Да... На секунду я подумал, что потерял тебя.

Я вижу порез у него на лбу и круги под глазами, которых не было на вечеринке.

— Ты в порядке?

Он кивает, его взгляд медленно прошелся по моему телу, пока он убирал волосы со лба.

— Я в порядке. А вот за тебя я волнуюсь.

— Что случилось? — я убрала мокрые волосы со лба. Неужели я чуть не умерла?

— Я не уверен, — говорит он, озадаченный. — Я ехал домой с вечеринки и увидел сломанное на части ограждение. Так не было, когда я ехал, и я решил проверить. Я увидел, как твой автомобиль погружается в озеро, побежал вниз и прыгнул.

— Это было очень смело. — мои легкие и горло словно избиты.

— Мне кажется, мы должны вызвать скорую и отвезти тебя к врачу. — он встает и отчищает свои джинсы от грязи и камушек. — Это была довольно серьезная авария, и ты не дышала, когда я вытащил тебя.

Я беру металлические фрагменты Челленджера, разбросанные на склоне горы, понемногу скатывающиеся обратно ко мне.

— Я думаю, что тормоза отказали, и тогда кто-то врезался в меня.

Его глаза увеличиваются.

— А потом они просто оставили тебя.

Я пожалала плечами, выжимая волосы.

— Они, наверное, думали, что я мертва.

Он сглатывает и прочищает горло.

— Ты должна сообщить об этом. Это как ударить и убежать.

— Нет, это не так. Мои тормоза, отказав, стали причиной катастрофы с самого начала. — я прикасаюсь к своей пульсирующей голове. — Хотя, я не уверена, как они сломались, и я только что проверила тормозные колодки и провода.

Кто-то порезал их? Владелец автомобиля, который врезался в меня? Или парень с татуировкой X на глазу? Но кто хотел навредить мне? Если задуматься, то многие люди.

Он недоуменно взглянул на меня.

— Ты сама заменила тормозные колодки?

— Мой папа был механиком, — объясняю я хмуро. — И ему очень нравилось учить меня, когда он работал с машиной.

— Был механиком?

— Он умер несколько лет назад.

— Мне жаль, я знаю, как это тяжело. Я тоже потерял отца. — он протягивает мне руку, чтобы помочь встать. — Мой телефон в машине. Как думаешь, ты сможешь идти? Или мне понести тебя?

Мне понравилась эта идея: его худощавые руки обвили мое тело, моя голова прижимается к его груди. Но тогда бы ему пришлось прикоснуться ко мне, и последнее, что я хочу видеть — как этот великолепный парень умрет.

— Я думаю, я смогу идти... — я напряглась, когда он прикоснулся к моей руке, его

пальцы скользнули по моим костяшкам, затем скользнули вниз по моей руке, переплетая наши пальцы.

О, Боже мой. Это, наконец, произошло, только после стольких лет шума, сейчас там тишина. Никто никогда не трогал меня так раньше, без душащей меня смерти, крадущий мой кислород. Но нет ни крови, ни боли, ни конечного срока. Это волнующе и страшно, мое тело целиком и полностью наполняется желанием. Но я понятия не имею, что с этим делать. Его взгляд остался на мне, когда он рывком поднимает меня на ноги, затем его глаза быстро осматривают мое тело, задерживаясь на моей рубашке, прилипшей к груди, одновременно рукой он скользит к моей пояснице.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и я клянусь, он знает мой секрет.

Я киваю, и дождь льет на нас, пока мы поднимаемся в гору. Мои ноги ватные, а моя кожа чешется и поцарапана. Я прикасаюсь к ложбинке на шее, и меня охватывает паника.

— О, мой Бог! — я разворачиваюсь к озеру, держась за шею. — Я потеряла свое ожерелье.

Он встает передо мной и кладет руки мне на плечи.

— Мне жаль. Оно было важно для тебя?

— Моя бабушка дала мне его перед смертью, — я смотрю через его плечо на рябь озера, представляя, как ожерелье плавает на самой вершине. Но моего воображения не хватит, чтобы вернуть его, и я сосредотачиваюсь на движении вверх по склону.

— Ты никогда не говорил мне свое имя, — говорю я, пока мы поднимались по гравию.

Он обнимает меня за талию, поднимая вверх и огибая очередную скалу на нашем пути.

— Ашер... Ашер Морган.

— Ашер... Мне нравится это имя. Ты только приехал в Хэлоус Гроув? — спросила я, пока мы по холму поднимались к шоссе. Дождь заканчивается, на земле месиво, грязь и лужи. Моя одежда промокла и липнет к телу. — Я никогда раньше не видела тебя.

— В понедельник будет мой первый день.

Он ведет нас вниз по дороге к ограждению, обнимая меня за талию.

— Я только что переехал сюда из Нью-Йорка.

— А зачем ты переехал сюда? — я оглянулась на темную пустую дорогу.

Он тихо смеется.

— За красивыми пейзажами.

Я хмуро гляжу на сосны, окаймляющие дорогу.

— Я думаю, что это может быть плюсом для некоторых людей, но я уверена, это не реальная причина твоего переезда сюда, не так ли?

— Тебе здесь не нравится? — спрашивает он, уклоняясь от ответа.

— Нет... Я не против низких слоев населения, но многие люди против. Моя лучшая подруга Рэйвен ненавидит это здесь. — за истекший час меня догоняет еще одна ужасная мысль и я почти падаю на землю. — О нет. — я выскальзываю из хватки Ашера и бегу вниз по дороге, спотыкаясь, как пьяная.

Он хватает меня за руку и разворачивает к себе лицом.

— Ты не можешь сбегать вот так, у тебя может быть сотрясение или что-то еще, а шок просто заглушает боль. Честно говоря, я даже не знаю, как ты выбралась живой.

Я тоже. Это случилось так же, как предвестник смерти говорил. Пока я стою здесь и дышу, мое сердце бьется.

— Я должна найти свою подругу Рэйвен... Ту девушку с розовыми волосами. Она

укатила с этим парнем, который... Который пил. Вот что я делала... Я пыталась преследовать ее. И я не могла поймать сигнал на своем телефоне. — я проверила пустые карманы. — Как далеко твоя машина?

— Это просто развилка на дороге. Я не хотел оставлять ее на улице и стать причиной очередной аварии. — он схватил меня за руку, и мы поспешили на развилку, где припаркован черный ГТО 1960-х годов с красными гоночными полосками. Дверь открыта, фары и двигатель работают, раздражающе пахнет выхлопными газами. Он прыгает на водительское сиденье и проверяет сеть на своем телефоне.

— Нет сигнала, — бормочет он, швыряя его в подстаканник.

Я стучу ногой по земле, присматриваясь к лесу. *Рэв, где ты? Я волнуюсь.*

— Позволь мне отвезти тебя в больницу, чтобы тебя осмотрели, — говорит Ашер. — Я уверен, к этому времени твоя подруга уже вернулась домой, а если нет, ты сможешь позвонить ей, как только мы поймем сигнал. И ты должна позвонить в полицию.

— Нет, спасибо. Сейчас я нормально себя чувствую. — больницы переполнены смертью, и я стараюсь избегать их любой ценой. — И никакой полиции.

— Я думаю, ты должна пойти. Сейчас ты чувствуешь себя хорошо, но это может быть просто шок, — его взгляд перемещается на мою голову. — И у тебя довольно неприятная рана на голове.

Я обхожу вокруг машины и направляюсь к пассажирской двери.

— Ты можешь отвезти меня домой? Я попрошу маму забрать меня, когда я скажу ей про машину. — я замолкаю, как всплывает еще одно воспоминание. — Может ты видел, как кто-то ехал перед тобой?

Он наклоняет голову, выбираясь из машины.

— Я никого не видел на дороге.

Я только взялась за ручку двери, как меня настигло головокружение.

— Черт, я надеялась, что ты видел, кто мог ударить меня.

Он идет прямо по грязи, огибая машину спереди и, дойдя до меня, останавливается.

— Ты помнишь что-нибудь о том, как выглядел автомобиль?

Я качаю головой и начинаю дергать дверь.

— Я видела только свет фар.

— Позволь мне сделать это, — он протягивает руку и открывает дверь машины.

— Спасибо, — говорю я Ашеру, представляя его в фетровой шляпе и полосатом костюме, будто сейчас 1940-е года, а парни джентльмены. Пригибая голову, я проскальзываю в машину, и он захлопывает дверь. Внутри машины приятно. Кожаные сиденья, противоугонная приборная панель — это то, что мой отец хотел сделать на Челенджер. Но теперь он ушел, покоится на дне озера, вместе с моей смертью, которую я больше не могу увидеть, почувствовать или попробовать.

Я тяжело вздохнула. Что, если моя смерть исчезла? Ашер прыгает в машину и пристегивается ремнем безопасности, затем смотрит на меня и хмурится.

— Что случилось?

— Ничего, — я пристегиваюсь ремнем безопасности. — Я просто думала о моей машине, лежащей на дне озера. На самом деле, это был автомобиль моего отца.

— Мне жаль, Эмбер. — он нежно сжимает мою руку, а затем переключает ручник, по-прежнему держа мою руку. Я напрягаюсь от прикосновения, но от спокойного отдыха расслабляется тело.

— Я в порядке. — я смотрю из окна на контуры деревьев, в то время, как он нежно гладит заднюю часть моего запястья, и у меня сбивается дыхание. — Он был старый и разваливался. Наверное, поэтому тормоза и отказали. — но в глубине души, мне кажется, были замешаны "Дэнни Зуко" или парень, которого он якобы видел в моей машине.

— Что это была за машина? — отпустив мою руку, он включает обогрев, и теплый воздух приятно согревает мою сырую одежду.

Я обняла себя за плечи.

— Додж Челленджер 1970 года.

Он медленно свистит.

— Черт, это плохо.

Я пожалала плечами, наблюдая, как мы петляем через горы вокруг озера.

— Это просто машина. Я буду жить.

— Вы с отцом были близки? — его голос звучит осторожно.

Я ковыряю черный лак на ногте большого пальца.

— Да, мы были довольно близки. Я к нему переехала, когда мне было четыре года и жила с ним, пока он не исчез.

— Как он умер? — спрашивает он и добавляет. — Можешь не говорить, если не хочешь.

— Я не уверена, — говорю я тихо. — Полицейские не нашли его тела, но они обнаружили его машину в горах и его... кровь была повсюду.

Его серые глаза увеличиваются:

— Это должно быть трудно для тебя, не знать, что с ним случилось?

Я киваю, опуская такие детали, как песочные часы, окрашенные кровью на лобовом стекле, массивное пятно в форме X на траве перед машиной, и черные перья везде.

— Я действительно не хочу говорить об этом.

Он смотрит сочувствующим взглядом, и пряди влажных волос падают на его лоб.

— Я понимаю. Моя мама любит говорить о моем отце, хотя это до сих пор причиняет боль.

— Позволь спросить, как он умер?

Он молчит, пока мы огибаем горы и проезжаем через деревья в равнину. Город молчит, все в безопасности в своих постелях.

Здесь ограничение скорости и он нажимает на тормоз, замедляя автомобиль. — Он был убит... на работе.

Он избегает зрительного контакта со мной, уставившись в окно пустым взглядом. Кажется, он скрывает подробности.

— Где он работал?

Ашер тяжело сглатывает, его костяшки побелели. Он берет свой телефон и проводит по экрану.

— У меня появился сигнал, ты будешь звонить своей подруге?

Я не буду давить на него. Если кто и сможет понять необходимость в секретах, то это я.

Я указала ему, где мой дом и затем набрала номер Рэйвен. Через несколько гудков, меня перекидывает на голосовую почту.

— Эй, Рэв, я просто интересуюсь, все ли у тебя в порядке, ведь ты спасла меня от этого гота. У меня была сумасшедшая ночь, и я потеряла свой телефон. Но я позвоню тебе, как только вернусь домой. — я положила трубку и отдала Ашеру телефон.

— Итак, я должен спросить и, не пойми неправильно, но как вы стали друзьями? —

спрашивает Ашер, облизав губы. — Вы кажетесь полными противоположностями.

— Так и есть, но она моя лучшая подруга, — я отвечаю, кусая свои ногти. — Единственный друг, на самом деле.

Он хмурится.

— Твой единственный друг? В это трудно поверить.

Мой голос полон сарказма.

— Правда?

Выворачивая руль вправо, он поворачивает вниз по моей улице, и затем улыбается мне.

— Почему тебя это удивляет? С тобой легко общаться, ты красивая и любишь машины.

Я кусаю губу, сдерживая ухмылку.

— Поэтому я не понимаю, что заставило тебя прыгнуть в озеро, чтобы спасти меня? — я смотрю на его мятую одежду с хлопьями грязи. — И испортить свою одежду.

Он припарковался напротив моего дома, узкого двухэтажного таунхауса, отчаянно нуждающегося в покраске.

— Ты шутишь? Ты позволила исполниться моей мечте стать героем, — он подмигивает мне.

— Да, да, я вижу. — я открываю дверь, сдерживая улыбку. — Я уверена после сегодняшнего вечера, ты забудешь про меня.

— Про кого? — он дразнит меня, ухмыляясь.

— Видишь, ты уже забыл, — шучу я и хватаюсь за сиденье, чтобы вылезти.

— Подожди, — он склоняется над консолью, его пальцы обхватывают мой локоть. Я останавливаюсь, повернув голову, встретившись с ним взглядом, спокойно дыша от его молчаливого прикосновения.

— Да?

Он облизывает свои губы.

— Пообещай, что хотя бы сходишь к врачу, просто убедиться, что все в порядке.

Сжав губы, я киваю.

— Ладно.

— И никто не сможет забыть тебя, Эмбер. Поверь мне.

Его глаза блестят, делая мою кожу горячей, а затем без предупреждения он приближается и нежно целует меня в уголок рта. Адреналин витает в моей крови, в то время как его руки скользят вниз по моим рукам, затем талии, и, наконец, останавливаясь на моих бедрах.

Когда он отстраняется, он смотрит мне в глаза, но ничего не говорит. Не зная, как реагировать, я выхожу из машины, закрываю дверь и машу ему, пока он отъезжает.

— Да, посмотрим, как ты поступишь, когда мы увидимся снова, — бормочу я под нос, но улыбка проскальзывает, когда я касаюсь пальцами губ.

— Йо, где ты была? — кричит Йен с дивана в гостиной. Он ест Fruit Loops и смотрит фильм, где у главных актеров сильный французский акцент.

— Перед уходом я говорила тебе, что иду на вечеринку, — я снимаю пиджак и бросаю на перила.

Он оглядывается через плечо и его рот распахивается.

— Почему ты выглядишь так, будто купалась в озере в одежде?

— Ты разве не слышал? Все крутые ребята так делают, — я тащу свою задницу вверх по

лестнице.

— С каких пор ты крутая? — кричит он, пока я бреду к своей комнате.

Я захлопнула дверь, включила светильник и начала снимать свои промокшие сапоги. Я стонала при каждом движении, руки и ноги отяжелели, голова раскалывалась.

— Это были мои любимые сапоги! — я тащусь к шкафу, чтобы положить их обратно, надеясь, что они высохнут и не будут загублены.

Вдруг, звуки всхлипов доносятся из задней части шкафа. Я замираю.

— Привет, — я отдернула занавес. — Кто там?

Рэйвен выбегает и бросается мне на шею.

— Боже мой! Где ты была?!

Дождь, вода, кровь. Она не дышит. Я поглаживаю её спину, но я раздражена.

— Где я была? Это я у тебя должна спросить, где ты была? Ты просто оставила меня там и ушла с парнем, чью смерть я видела.

— Я знаю, — её слезы намочили мою рубашку. — Прости, Эм. Я думала... Я не знаю, о чем я думала. Трудно вспомнить хоть что-то.

Я оторвалась от нее и нахмурилась.

— Рэйвен, ты ведь не пила из предложенной тебе чашки?

Она кусает губу и смотрит виновато.

— Мне нужно было еще выпить, а мою ты выбросила в мусор. Поэтому я выпила ту, которую мне предложил тот очень милый парень. Ну, не считая эту странную тату у него на глазу.

— Рэйвен, — я успокаивающе вздыхаю, напоминая себе, что должна быть терпеливой. — Я люблю тебя, но иногда ты такая идиотка! Сколько раз мы говорили о том, что нельзя пить из чашек людей, которых мы не знаем? Особенно, нравится, как ты его описала. Потому что я думаю, что этот парень не был милым, он был подонком. Но ты была слишком пьяна, чтобы заметить это.

— Я знаю, — вопит она. — Я сожалею.

Я плохо себя чувствую.

— Я знаю, но ты должна быть осторожна.

Тыльной стороной ладони, она вытирает следы туши.

— Ты думаешь, мне подсунули снотворное или типа того?

— Я не уверена. — обняв ее за плечи, я веду Рэв к кровати, где она сворачивается клубком, как маленький испуганный ребенок. — Ты помнишь, что случилось с Ладеном?

Она быстро качает головой и прижимает подушку к груди.

— Все размыто, — у неё дергается глаз. — Но, Эм, мне кажется, сегодня вечером я видела смерть.

Мои мышцы напряглись, и с губ готовы были сорваться сотни вопросов, но её плач превратился в истерические рыдания. Я вздохнула, решив не настаивать до утра, когда она немного отдохнет и протрезвеет. Схватив пижаму, я направляюсь в сторону ванной, чтобы принять душ.

— Эм... Почему ты выглядишь так, словно купалась? И что ты сделала со своей головой?

— Это долгая история, — я зеваю и потягиваюсь, подняв руки над головой. — Я объясню утром, когда мы немного отдохнем.

Она закрывает глаза. —

Оставь свет включенным, ладно?

После горячего душа и надев чистую одежду, я смотрю на себя в зеркало, положив руку на сердце. Я умерла сегодня вечером. Мое сердце перестало биться, а потом ожило, все из-за Ашера. Но как он спас мою жизнь? Это ощущалось так же, как когда бабушка умерла и её жизнь вошла в меня.

Я на цыпочках вернулась в комнату. Рэйвен вырубилась на животе, заняв всю кровать, поэтому я накрыла её одеялом, заметив синяки на ее запястьях и локтях. Ее рубашка порвалась и есть небольшая царапина на плече от лезвия в форме буквы X.

— Что же с тобой сегодня случилось? — шепчу я, кладя руку на порез, она морщится и переворачивается.

Мой мозг рычит, и череп будто треснул. Я беру одеяло, хватаю черный маркер из комода и располагаюсь на полу, возле стены, которая отображает всю мою бредятину. Я вожу маркером по стене, будто моя рука одержима.

Как перышко в пыльном шторме, без направления

Ворона летит по жизни, беспомощная и опустошенная,

Приходит ночь, и ветер исчезает.

Затем он летит на землю камнем

И, оторвавшись, становится угольком.

Я решаю закончить на сегодня со стихами, но моя рука живет собственной жизнью, заставляя вернуться к стене снова. Я царапаю букву X сверху вниз, пока она не покрывает всю стену. Затем в центре я рисую эскиз песочных часов.

Когда я закончила, маркер падает из моей руки, и я отшатываюсь от стены. Я моргаю несколько раз, но рисунок остается. Это после аварии? Или я начинаю сходить с ума как отец?

Обессиленная, я падаю на пол. Спустя несколько секунд я засыпаю.

Глава 5

За неделю до исчезновения, мой отец стал вести себя странно, его поведение и отношение стали более неприветливыми, чем обычно. Однажды, когда я пришла домой из школы, я нашла его в гараже, с засунутой головой под капот машины и при работающем двигателе. Я торопливо открыла гараж, и он закашлялся, когда дверь открылась.

— Мне жаль, Эмми, — сказал он, банально. — Я не сообразил, что она закрыта.

Я побежала вниз по ступенькам и заглянула под капот. — Пап, ты в порядке... — внутри капот был покрыт маленькими красными крестиками. — Что это?

— Я не уверен... я не знаю, как они там оказались. — Он захлопнул капот и, мне пришлось отшатнуться, чтобы мои пальцы не оказались сплющены металлом. — Но тебе не нужно беспокоиться обо мне, Эмми. У меня все под контролем. Что мне нужно для тебя сделать, так это найти ожерелье, которое бабушка дала тебе.

— Один камушек темно-бордового цвета?

Он оживился, выпрямил плечи, подбородок поднялся вместе с настроением. — Да, ты знаешь, где он?

Я покачала головой. — Я не уверена, куда положила его... но я начну проверять с ящиков в подвале, если ты хочешь.

Он кивнул, и желтая искра промелькнула в его глазах. — Ты не могла бы сделать это для меня, Эмми? Пожалуйста — спросил он, и я кивнула, после чего он оглянулся на стену

через плечо. — Ты что-нибудь видишь сзади меня?

— Нет, там ничего нет, кроме стены и инструментов.

Он запрыгнул на пассажирское сиденье своей машины и вытащил небольшой нож из бардачка. — Хорошо. Теперь иди и найди ожерелье.

Я смотрела на него, удивляясь, почему он ведет себя так странно, как вдруг, прилетела ворона и приземлилась на балку, несколько перьев упало на пол. При виде вороны, папа озверел.

— Убирайся отсюда, ты, чертов маленький демон! — Он бросил отвертку в ворону, но промахнулся, и ворона каркнула. — Убирайся!

Замахав крыльями, ворона улетела, и папа расслабился, возвращая мне свое внимание.

— Эмми, если и есть вещь, которую тебе нужно знать о жизни — никогда никому и ничему не доверяй. Жизнь — просто игры разума, мы с тобой пешки.

Это был первый раз, когда я начала переживать, что, может быть, мой отец сходит с ума. После этого, он быстро пошел вниз, тем более, я пока не могла найти, этот чертов кулон.

Я проснулась на полу, прижимаясь щекой к паркету, с пером на лбу и странным рисунком на стене, прямо перед моими ногами.

— Какого черта? — встаю и потираю глаза, щурясь на солнечный свет, проникающий сквозь занавески. Затем, я беру перо и замечаю подтеки красной краски на руках. — Что я делала прошлой ночью? — я помню, как падала в озеро, Ашер спас меня, а Рэйвен плакала. После этого пустота, будто я с похмелья, но я вчера не пила ни капли алкоголя.

Рэйвен нет в постели, когда я выхожу, а в комнате порядок, одежда убрана, мои книги сложены на полку, мои карандаши, ручки и маркеры убраны обратно в ящик стола. Это её способ извиниться.

Сосед напротив наблюдает за мной со своего крыльца, когда я открываю окно и выбрасываю перо. Я тянусь закрыть окно, но застываю, замечая, что кто-то наблюдает за мной с тротуара. Его руки засунуты в карманы черных джинс, а пронзительные глаза подведены черным карандашом. У него бледная кожа, как призрачный туман, а волосы черные, как воронье перо.

— Ладен? — я прищуриваюсь, высунувшись.

Он пристально смотрит на меня, и злая улыбка кривит губы, его рот двигается, но он стоит слишком далеко, чтобы разобрать, что он говорит.

Качая головой, я просто закрываю окно и отхожу к кровати. Я переодеваюсь в пару черно-розовых клетчатых шорт и в свою любимую футболку с Alkaline Trio (рок-группа из Чикаго, основанная в 1996 году), а затем я оттираю красный маркер со своих рук и лица. Я подвела свои серые глаза карандашом, взъерошила свои длинные черные волосы и наклонила голову вниз. Ломота и боль от аварии стали утихать, за исключением незначительной головной боли и крошечного пореза на лбу, который стал заметно меньше.

Рэйвен и Йен сидят за столом, когда я вхожу на кухню. На Рэйвен джинсовая юбка, едва прикрывающая её бедра, и любимая розовая рубашка с глубоким декольте. На Йене серая вязаная шапочка, надвинутая на его грязные каштановые волосы, а его джинсы и футболка забрызганы разноцветной краской.

Рэйвен хлопает ему ресницами и скользит ногтями вверх по руке Йена.

— Боже, это так круто.

— Это потрясающе, правда? — он говорит своим глубоким голосом, который использует, когда хочет произвести впечатление на девчонок. — Ты обязательно должна прийти, проверить.

— Ох, наверняка, — Рэйвен облизывает губы и улыбается. Кажется, всё нормально. Она смотрит на меня, и её улыбка сияет. — Эмм, дорогая, я ждала, когда ты проснешься, — легко спрыгивает со стула и берет меня за руку, делая мне убийственный знак. — Увидимся позже, Йен, — она подмигивает ему и кокетливо машет рукой.

— Позже, красавица, — говорит он и обращает свое внимание на меня. — Эй, Эмм, ты в последнее время разговаривала с мамой?

— Нет, — отвечаю я, в то время как Рэйвен тянет меня к входной двери. Я шевелю рукой и вдыхаю затхлый воздух. — Зачем? Что-то случилось?

— Я не уверен, — он идет в холл, следуя за нами. — Она ведет себя странно, не как обычно... я поймал ее, разговаривающей сама с собой, но это было так, как будто она говорила кому-то, кого там не было.

— Ты переживаешь, что она снова перестала принимать лекарства? — я снимаю свою кожаную куртку с вешалки, она хрустит и пахнет грязной озерной водой вперемешку со свежим дождем.

— Я не уверен, — он смотрит на Рэйвен и, наклоняясь, понижает голос. — Когда мои закончились, я пошел взять немного у неё из пузырька, он был полон.

— Почему ты просто не получил еще? — я надеваю куртку, стряхнув с нее пыль и высохшую грязь. Иногда, я ощущаю себя нянькой для Йена и моей мамы. Интересно, что будет, если я когда-нибудь съеду — насколько все плохо, чтобы рухнуть. — У вас, ребята, даже не одинаковые рецепты.

— Мне все равно, — говорит он, беспечно пожав плечами. — Кроме того, не в этом дело. Рецепт закончился месяц назад.

У Рэйвен звонит телефон, она открывает дверь и выходит на лужайку перед домом, чтобы ответить.

— Ну, мы должны поговорить с ней, — говорю, чрезвычайно важно. — Ты знаешь, что ей нравится, когда она не на них, и последнее, что ей нужно, так это снова пройти через еще один кризис.

— Я знаю, — соглашается он, нахмурившись. — Почему бы тебе не прийти вечером домой, а я приготовлю что-нибудь, и мы сможем сесть и поговорить с ней?

— Ты приготовишь что-нибудь? — я сомневаюсь.

— Хорошо, я возьму кое-что.

— Ладно, я буду. — я вышла наружу и закрыла дверь, вдыхая прохладный воздух, пытаюсь расслабиться, но мама заставляет меня поволноваться.

Рэйвен все еще болтает по телефону, её голова качается вверх и вниз, пока я иду рядом с ней. — Ага, ага, — она спрашивает губами, — Где твоя машина?

— Это длинная история, — говорю я, тяжело вздыхая. У меня нет шансов попасть куда-либо, например, в школу или на работу. И я не могу позволить себе новую.

— Черт, — я ругаюсь, выдыхая.

Рэйвен кривится на мою реакцию

— Нет, не ты, — говорит она в трубку.

Она болтает, пока я стою на обочине в том месте, где Ашер оставил меня прошлой ночью. Шок прошел, и я сложила кусочки аварии, возвращаясь к каждой детали. Я пришла к

ошеломляющим выводам, что я должна была умереть; что я упала в озеро и была зажата в автомобиле, который утонул. Это случилось в точности, как мой предвестник смерти сказал, но мое сердце бьется, и мои легкие дышат под моими ребрами. Я сажусь на корточки на обочине и опускаю голову, приказываю себе дышать. Это всё неважно, потому что я жива.

— Итак, что случилось с твоей машиной? — Рэйвен прогуливается по обочине и прячет свой телефон в карман юбки. — И почему, ты устави́лась на обочину, словно она съела твоего щенка?

Я резко отвожу глаза и поднимаюсь на ноги.

— Что с тобой случилось прошлой ночью? Я волновалась.

Она прикусывает нижнюю губу, сдерживая улыбку.

— Ну, ситуация вышла из-под контроля, и я излишне остро отреагировала.

— Излишне остро отреагировала? — спросила я. — Из-за чего?

— Хм... Ладен — ничтожество. Я имею в виду, он пытался соблазнить меня и это нормально — я привыкла к этому. Но я действительно, была не в настроении, чтобы трахаться.

— Мне кажется, сегодня утром я видела его стоящим перед домом. — Я оглянулась на то место.

Её тело застывает, а глаза увеличиваются:

— Что он делал?

— Смотрел на меня, как маньяк, — моя интонация легкая, хотя тема слегка извращенская. — Что именно ты делала с ним прошлой ночью? Разбила его сердце на кусочки?

Она качает головой, глядя на улицу.

— Я ничего с ним не делала. Он был единственным, кто пытался слишком надавить на меня.

— Так вот почему ты плакала? — спросила я, наблюдая, как падают хрустящие осенние листья. — Потому что, он слишком давил на тебя?

— Слишком надавил... — она стягивает волосы в пучок и закрепляет их резинкой со своего запястья. — Слушай, Эмм, я знаю, что я сорвалась на тебя вчера вечером, но я клянусь, что это не то, что ты думаешь. Никто не подсыпал мне что-то, и я была не так пьяна, как ты думала.

Мы отпрыгиваем от обочины, когда включается поливочная система.

— Тогда, что ты скажешь о видении смерти?

— О чем ты говоришь? — спрашивает она, когда мы вскидываем руки над нашими головами и бежим к краю дороги, подальше от пульверизатора. Наша обувь и ноги снизу мокрые.

Я понижаю голос, выжимая волосы.

— Простой ночью ты сказала, что видела смерть?

Она вытирает воду с лица, достает пачку жвачки из кармана и кидает одну в рот. — Я сказала?

— Да и ты была больше, чем расстроена — ты просто сходила с ума.

Она надувает пузырь, пытаясь вспомнить.

— Мда, возможно, я была не такой трезвой, как думала. Или, может быть, твоя способность перепутала наши головы. — она медленно жует жвачку, обдумывая. — Ну, я не знаю, почему я говорила о смерти, но я была расстроена, потому что не понравилась

действительно горячему парню, так что я побрела с Ладеном, потому что он был заинтересован.

— Я никогда не видела тебя расстроенной, за исключением одного раза. — после того, как она нашла свою мать. — Парни для тебя одноразовые. Как ты могла расстроиться из-за того, что один отшил тебя?

— Ну, во-первых, он не отшивал меня. — она вскидывает руки и взлохмачивает свои волосы. — Он просто был взволнован. И, кроме того, это не единственная причина, почему я была расстроена. Ладен оставил меня на обочине, как полный придурок.

Я уставилась на нее.

— Как ты добралась домой?

— Я шла, — беспечно объяснила она. — Мы были прямо на мосту, так что, это не такое уж и большое дело.

— Прошлой ночью казалось большим делом, — отмечаю я.

Она вздыхает и садится на бордюр. Я сажусь рядом с ней, и мы вытягиваем ноги на дороге, в то время как теплый солнечный луч согревает нас.

— Помнишь, как мы сидели здесь и ждали, когда мой отец придет домой.

Я улыбаюсь и откидываюсь на руки.

— Он всегда нам что-то привозил, конфеты или Play-Doh (*детский пластилин*).

Она смеется, вспоминая, и в уголках глаз появляются морщинки.

— Боже, он казался таким хорошим отцом, а оказался полным придурком, бросив своих детей.

— Твоей вины нет в том, что он ушел.

Я смотрю на светильник Джека (*один из основных атрибутов праздника Хэллоуин, представляет собой вырезанную в виде головы тыкву с подсветкой (традиционно — свечой, но сегодня часто используется электрическая подсветка)*) на крыльце дома через дорогу, вспоминая, как отец Рэйвен помог нам сделать одного, похожего на кота. Это был один из редких моментов, полных невесомого смеха, тыквенных семечек и мягкого осеннего воздуха.

— Я знаю. Это была моя мать и её тупая наркозависимость. — она замолкает, сжимая челюсть. — Как мы оказались с такими дерьмовыми родителями? — её глаза расширяются. — О черт, я не это имела в виду. Твой отец был хорошим парнем. У него просто были некоторые дурные привычки.

— Как угон автомобилей, — бормочу я, глядя в ясное небо.

— Я же сказала, мне жаль... Слушай, я до сих пор злюсь из-за того парня прошлой ночью, и я даже не знаю, почему говорю такие вещи.

— Все нормально. — я щелчком сгоняю комара с моего колена. — Но я должна кое-что знать.

Она стирает немного блеска для губ над верхней губой.

— Что случилось?

Я знаю, что она хочет мне сказать то, что позволит ей чувствовать себя лучше.

— Насколько горяч был парень?

Её глаза загораются, и она визжит, брыкая ногами вверх и вниз.

— Боже мой, он был так чертовски горяч. Seriously, Эмм, жарче любого неудачника в этом городе.

— А сколько ему лет? — мне становится интересно. — Он не был стар, как тот парень, с которым вы встречались несколько месяцев назад... и он не был женат, верно? — с ней я

должна это проверить. Список парней Рэйвен бесконечен и ему нет предела. Она будет встречаться с кем-то, кого она сочтет достаточно горячим, который втянет ее в большие неприятности. Я жду, когда она изменится, повзрослеет, но этого не происходит.

— Я думаю, он наш ровесник... на самом деле, он только что переехал сюда из Нью-Йорка.

Комок поднимается у меня в горле.

— Да? Нью-Йорк? Это довольно круто.

— Это не круто. Это восхитительно! — она радостно улыбнулась. — И у него очень красивые темные глаза и сексуальное кольцо в брови.

— Похоже, твой тип, — ревность горит под моей кожей, когда я понимаю, о ком она говорит. Ашер. Мой Ашер.

— Нет, не совсем, но мне бы хотелось.

— Но вроде бы, ты говорила, что он не запал на тебя, верно?

Она щурится на меня.

— Пока нет, но он будет моим. И ты мне в этом поможешь. — она тянет меня за руку, её ногти впиваются мне в кожу, и я морщусь. — Завтра его первый день в школе, и я должна сказочно выглядеть, — её брови нахмурились, когда она посмотрела на подъездную дорожку у моего дома. — Ты так и не рассказала мне, где твоя машина?

— Я разбила её прошлой ночью, — говорю я, не желая ничего ей объяснять. — По пути домой.

— О нет, Эмм, мне очень жаль. — она обнимает и целует меня в щеку.

Я задерживаю дыхание, сжимая руки в кулаки.

— Все нормально. — я мягко похлопываю её, отчаянно нуждаюсь, чтобы она отпустила меня. — Это была всего лишь машина... Рэйвен, пожалуйста, не могла бы ты, отпустить меня?

— Ой, извини, — она шагает назад, освобождая меня от бремени её смерти. — Машину можно починить?

— Если только мы достанем её из озера, — мой тон солнечный, но мое сердце обуглилось.

— Подожди минутку. Ты загнала ее в озеро? — она отмахивается от моей руки, и я вздрагиваю. — Почему, ты не сказала мне прошлой ночью, когда я упомянула о твоей одежде?

— Ты была расстроена, — я пинаю мыском сапога камни на дороге. — Я не хотела сделать еще хуже.

— Мне жаль, — она морщится. — Я ужасный друг.

— Ты не ужасный друг, — заверяю её. — Просто, ты отвлеклась на свои собственные проблемы.

Она согласно кивает, в то время как мы идем в сторону её таунхауса с правой стороны дороги. На улице тихо и воздух нежно ласкает кожу. Хрустящие листья вихрем падают с ветвей деревьев, покрывая лужайки розовым и оранжевым. Сейчас конец октября и газоны украшены декорациями для Хэллоуина: ведьмы, поддельные надгробные плиты и пластиковые скелеты.

— Эмм, как ты выбралась из озера? — она останавливается, чтобы поправить ремешок на своей босоножке. — Живой?

— Все эти советы по выживанию от моего папы, ютящиеся в моей голове, наконец-то

помогли.

— Ты выбралась сама? Как? И как ты ходишь совершенно нормально?

— Я думаю, мне просто повезло, — я не знаю, почему я лгу. Есть какая-то часть меня, которая не хочет, чтобы она знала.

— Повезло? Больше похоже на чертово ходячее чудо. — она идет немного в стороне и в нескольких шагах передо мной, глядя мне в глаза. — Я не могу поверить, что меня не было рядом с тобой. Мне так жаль. — она останавливается, рассматривая что-то, а потом меняет тему, не мешая мне идти. — Давай. Нам с тобой нужно пройтись по магазинам, потому что тебе нужна поддержка, а мне что-то сексуальное завтра в школу. — Рэйвен спешит к дому.

Я слеую за ней и жду около её Toyota Corolla, пока она бежит в дом за ключами. Вот что я люблю в Рэйвен. Она почти не задает вопросы. Она не спрашивала, как я вернулась домой. Что я собиралась сделать с машиной моего отца. Почему я не пошла в больницу. Но так как я не люблю быть мнительной, мне интересно, что, если, с нашей дружбой что-то не так, если она должна была задать эти вопросы. Однажды, я прочитала цитату Уильяма Шекспира о дружбе «Человек должен терпимо относиться к недостаткам своего друга». Если, я сказала Рэйвен неправду — то, что она не хочет услышать — нашей дружбе конец?

— Итак, мы должны остановиться и заправиться, потому что бензина мало, — она крутит ключи на пальце, когда выходит из дома.

— Я думаю, мне нужно было остаться дома — говорю я ей, прислонившись к машине. — Я чувствую себя немного нехорошо.

Она указывает на меня пальцем, пока несется по ступенькам ко мне.

— Ни в коем случае. Ты должна быть моим модным консультантом. — она осмотрела мою одежду, останавливаясь передо мной. — Или, по крайней мере, составь мне компанию.

Я сдаюсь и лезу в машину.

— Мы можем, по крайней мере, остановиться и забрать мой телефон? По-моему, он где-то на дне озера.

— Конечно, — она залезает в машину и выезжает на дорогу, но дает по тормозам, так как по дороге проезжает грузовик, следующий за красным Jeep Wrangler. Грузовик паркуется на подъездной дорожке перед домом через улицу и две двери, а Jeep снаружи. Это один из крупнейших домов на улице, с обновленными верхними этажами и с цветущими кустами роз во дворе.

— Похоже, кто-то, наконец, переедет в дом старика Кэри. — говорит она.

Двое парней выходят из грузовика, одетые в серые комбинезоны; грузчики, я полагаю.

Мы выезжаем на улицу, когда парень вылезает из машины, вытягивая длинные ноги и Рэйвен замедляет движение. Его светлые волосы сверкают на солнце и власть в его пепельных глазах, которые пылают силой, когда он отправляется в дом. Джинсы свободно висят на бедрах, сапоги прикрывают ноги, а футболка Henley плотно облегает его стальной пресс и худые руки.

— Это тот парень, с кладбища, — бормочу я вслух, окидывая его взглядом при дневном свете.

— Какой парень с кладбища? — Рэйвен рассматривает его, будто он какая-то вкусняшка, пока он расхаживает по лужайке. Она обмахивается. — Боже, он горячий.

— Мы должны ехать, — я тянусь и переключаю коробку передач. — Я обещала Йену, что вернусь к обеду.

Мы припарковались посреди улицы и было очевидно, что мы пялимся на нового соседа.

Он идет через лужайку, но затем останавливается в центре, повернул голову в нашу сторону и смотрит на нас, улыбка играет на его рубиново-красных губах.

— О, Боже мой! Он — расхититель гробниц! — Рэйвен хлопает рукой по рулю, щелкая. — Мы должны пойти туда.

— Даже не думай, — шиплю я, но она уже поворачивает руль. — Ты же сама сказала, он — расхититель гробниц.

Её глаза лукаво сверкают, и я сутулюсь в кресле, пока она едет к его дому.

— В чем проблемы? — спрашивает она и выключает радио, подъезжая к обочине. — Разве ты не хочешь узнать, кто он? И почему, он копал могилу в середине ночи. Я имею в виду, может быть, ты неправильно поняла, что происходило, и теперь он мог бы это объяснить тебе.

Я качаю головой и закрываю лицо руками, позволяя моим волосам упасть вперед.

— Зачем? Чтобы ты могла с ним встречаться?

— Или, может быть, ты? — она паркуется перед джипом. — Тебе действительно нужно преодолеть свой страх перед мужчинами, Эмм. Мы — девятнадцатилетние. Мы можем пить и ходить в бары с поддельными документами, трахаться, когда мы хотим, однако, ты в таком, мать твою, ужасе, ты даже никогда с парнем не целовалась.

— Потому что, я не могу. А не потому, что не хочу, — я злюсь на нее. — Знаешь ли ты, на что это похоже, когда ты целуешь парня... и одновременно с этим чувствуешь течение его смерти? — я качаю головой, когда она закатывает глаза. — Неважно. Мы можем просто уехать?

— Иногда ты чертовски странная, — нажав на кнопку на двери, она открывает окно и машет ему. — Взбодрись!

Он подходит, развязно покачивая бедрами, делая большие шаги, дерзость сквозила в каждом движении. Каждый шаг источает самоуверенность и сексуальность практически капает с него, когда он наклоняется и упирается руками в дверь, его темные глаза скользят по нам неторопливо.

— Привет, красавчик, — Рэйвен соблазнительно мурлычет, пока её палец скользит вверх по его руке. — Мы заметили, что кто-то, наконец, переезжает в дом старика Кэри и решили приехать и представиться.

— Старика Кэри? — он кивает головой, усмехаясь, но за этим скрывается боль. — Я полагаю, ты говоришь о моем дедушке.

— О, он был твоим дедушкой? — Рэйвен прижимает руку к сердцу. — Мне очень жаль, что он умер.

— Ты знала его? — с сомнением спрашивает незнакомец. — Правда?

— Ах да, я приносила ему суп, пока он болел, — она медленно облизывает губы. — Я очень горевала, когда он умер.

— Я сомневаюсь, — его взгляд фокусируется на мне, заставляя меня напрячься от напряжения. — Ты получила обратно свой блокнот, Эмбер?

Я сжимаю губы, шокированная. Я думала, он будет отрицать, что знает меня, учитывая, при каких обстоятельствах мы встретились.

— Получила, — я выпрямилась на сиденье и заправила волосы за уши. — Спасибо, что заглянул ко мне домой.

— Мне показалось, он важен тебе, — его взгляд проникает мне под кожу, пока он склоняется к открытому окну. — Ты получила мое сообщение?

— Ты имеешь в виду стихотворение? — я спрашиваю, и он кивает. — Да, я получила... Оно печальное и красивое.

— Но ты поняла его, поняла? — его голос навязчиво уносит меня в ночь, когда я впервые увидела его. Он посасывает зажатую зубами губу, ожидая моего ответа.

— Я не уверена, — я не могу оторвать от него взгляд, потребность прикоснуться к нему распаленным телом, будто в моих венах жидкий огонь. Я напряжена, будто стою на краю обрыва, готовясь к прыжку, но не уверена, что парашют раскроется.

— Читай лучше. — его глаза затуманены страстью, он выпускает закусенную губу и из меня вырывается небольшой вздох. Он улыбается, довольный моей реакцией. — Думаю, в конце концов, ты поймешь.

Я бы покраснела, если бы не сексуальное напряжение внутри.

— Я уверена в этом.

Рэйвен прочищает горло и ее тон недовольный.

— Извините, ребята, что прерываю вас в такой момент — хотя, я с удовольствием бы посмотрела, как вы трахаете друг друга. — она закатывает глаза. — Но мы должны ехать.

Я моргнула при звуке ее голоса. Я и забыла, что она здесь.

— Да, мы должны ехать.

— Хорошо, — он захлопывает дверь машины и наклоняет голову, отходя. — Может быть, позже вечером увидимся, Эмбер. — он подмигивает мне. — На кладбище.

Мой желудок трепещет от страха и восторга.

— Да, возможно.

Рэйвен бросает машину вперед, и он отходит.

— Подожди, — зову я и он останавливается. — Ты никогда не говорил мне своего имени.

Рэйвен осуждающе поднимает брови.

— Ты имела в виду нам?

— Камерон, — Он сверкает сексуальной ухмылкой. — Камерон Логан. — он машет и отворачивается от нас, подпирая открытый багажник грузовика.

Подруга закрывает окно и разворачивает машину к главной дороге.

— Хорошо, что за херня? С каких пор, ты ведешь себя как маленькая шлюшка?

— Я не шлюха, — протестую я, не принимая это на свой счет, потому что Рэйвен почти всех так называет. — Я была дружелюбной.

— Ты никогда не говорила с парнями так, — обвиняет она, дорожное покрытие заканчивается в конце нашей улицы, затем она поворачивает направо и срывается по шоссе. — И откуда он знает твое имя? И где ты живешь?

— Это было в моем блокноте, — я пожимаю плечами, все еще ошеломленная произошедшим.

— Все-таки, это жутко, — она опускает козырек вниз. — И о каком стихотворении вы, ребята, говорили?

Я опускаю окно и позволяю ветру охладить мою пересохшую кожу.

— Он писал в моем блокноте.

— Ты имеешь в виду одну из той жути, что ты повесила на стену? — она морщится. — Это звучит так, будто он был написан серийным убийцей.

— Ты это говоришь обо всех стихотворениях, — напоминаю я ей. — И он был просто глубоким.

— Все, Эмм. На мой взгляд, этот парень — полный мерзавец... глядя на тебя... ты практически испытала оргазм.

— Нет, — протестую я. — И почему он мерзавец? Потому что, он знает мое имя и пишет стихи?

Она брезгливо смеется.

— Я не ревную к тебе.

Я переключаю радиостанции.

— Я никогда этого не говорила.

Она смахивает мою руку со стерео и поворачивает на какую-то попсовую музыку, зная, что я ее не люблю. Она подпевает на всю мощь своих легких, размахивая руками и покачивая головой. Я откидываю назад голову и смотрю на мелькающие деревья. Я почти уснула, когда она притормаживает.

Я открываю глаза и начинаю расстегивать ремень, но мы остановились в очереди машин, не у магазина.

— Где мы? — я протираю уставшие глаза.

— Застряли в пробке. — она нетерпеливо барабанит по рулю.

— Подожди, что... пробка? — я быстро сажусь. Этот город слишком мал для пробок, уже несколько машин выстроились в ряд в каждую сторону на мосту и вниз по дороге. Полицейские автомобили заблокировали улицы, а полицейский ограждает центр моста желтой лентой и пытается направить всех в объезд.

— Что происходит? — мямлю я, опуская окно вниз, чтобы лучше все рассмотреть.

— Наверное, кто-то сделал что-то глупое, — скучающе протянула она. Рассматривая свои ногти в поисках изъян.

Ряд машин ползет вперед и Рэйвен давит на газ, медленно продвигаясь. В середине секции, Х распылены по асфальту, а в бетонное ограждение моста врезался старый заржавевший Кадиллак. Окна разбиты, капот всмятку и с задней шины капает кровь. Черные перья на земле и капоте.

— Разве это не Ладена? — я прищуриваюсь на машину. — О Боже, это она.

— Хм... Я думаю, прошлой ночью, он попал в беду. — она улыбается от этой мысли.

— Это не могло случиться прошлой ночью, — говорю я. — Я видела Ладена сегодня утром.

— Как ты можешь быть уверена, что видела его? — спрашивает она с искорками в глазах.

Я смотрю на нее подозрительно.

— Ты мне что-то недоговариваешь?

— Есть много вещей, о которых я не говорю тебе, — ухмыляется она и подкручивает стерео.

Я оглядываюсь на место происшествия. Есть песочные часы, нарисованные на заднем стекле красным, и перья по всему капоту и на земле. Это точная картинка того места, где полиция нашла машину моего отца, только географическое положение другое. И я боюсь, что, как и с исчезновением моего отца, я стану главной подозреваемой.

Глава 6

Когда наступила ночь, я не пошла на кладбище. В новостях объявили, что Ладен считался пропавшим без вести и что есть доказательства грязной игры. Моя мама, в итоге, пропустила ужин, и Рэйвен заняла свое место за столом. Она действовала как лунатик,

словно она была под кайфом от новости, что Ладен пропал или от чего-то другого.

В то время как мы с Рэйвен ходили по магазинам, я пыталась расспросить ее о подробностях прошлой ночи, но всякий раз она переводила разговор на одежду. Я рано ложусь, но глубокой ночью просыпаюсь от звука маминого голоса.

— Йен! — кричит она вверх по лестнице, пьяно бормоча. — Мне нужна твоя помощь.

Йен закрылся на чердаке, с очередной своей "музой", таинственными персонами, которые каждую ночь пробираются на чердак, чтобы он мог их нарисовать. Я поднимаюсь с кровати и встаю вверх по лестнице.

— Мам, Йен на чердаке, — говорю я устало, потирая глаза и зевая. — Что тебе нужно?

Она хмурится, глядя на меня.

— Мне нужна помощь, чтоб подняться по лестнице.

Я вздыхаю и бегу вниз по лестнице. Её каштановые волосы растрепаны и связаны в пучок, а глаза налились кровью. Она была красавицей, но её образ жизни быстро состарил её тело

Мама дергает вниз подол платья и, вздыхая, обвивает руками мою шею. Она пахнет текилой и сигаретами и видение ее смерти душит меня, как оно всегда делает, когда я соприкасаюсь с ней. *Она лежит в постели с таблетками и бутылками, умирая в своем собственном пламени.* Затаив дыхание, я веду её в комнату, укладываю на кровать и снимаю туфли.

Она щурится на меня мутным взглядом.

— Ты так похожа на него, — бормочет она. — У тебя его глаза и все.

Она имеет в виду моего отца.

— Тсс... Отдохни немного, — говорю я, бросая туфли на пол.

— Интересно, если ты такая же, как он, — говорит она, перекатившись на бок. — Я уверена, ты будешь... убийцей... Ты убила свою бабушку.

Её слова бьют меня в сердце, как ржавый, зазубренный нож, но она не в первый раз произносит это.

— Мам, папа никого не убивал.

— Да, он сделал... да, сделал, — она засыпает.

Я сдерживаю слезы и выбегаю из комнаты. Я не плачу. Я никогда не плачу, но я не могу уснуть. Я читаю стих Камерона, снова и снова, пока слова не сливаются и вообще теряют смысл. Как и моя жизнь.

На следующее утро я проспала, и, если я не потороплюсь поднять свой зад, то опоздаю на урок английского. Я выгляжу бледной, и у меня синяки под налившимися кровью глазами. Я быстро одеваюсь в рваные джинсы, серые армейские сапоги и черный жилет поверх полосатой футболки. Рэйвен пишет мне, пока я спускаюсь по лестнице, затягивая свои волосы в хвост.

Рэйвен: Нужно подвезти тебя сегодня.

Я останавливаюсь на лестнице и отвечаю.

Я: Зачем? Что-то случилось?

Она отвечает через секунду.

Рэйвен: Нужно кое-что сделать сегодня. Не опаздывай.

Я: Просто держись. Я почти у двери.

Рэйвен: Уже уехала.

Рэйвен: Кстати, в новостях сказали, что Ладен исчез в тот вечер.

Я: ...бред. Я видела его во дворе дома.

Рэйвен: Неважно. Ты сказала, что знаешь, как он умрет. Ты говорила, я помню. Вот почему я тусовалась с ним.

Я: Необязательно, что он умер, просто пропал.

Рэйвен: Ну, если ты так говоришь. Но в любом случае, мне пора. Увидимся на биологии.

Я бросаю свой телефон в сумку, удивляясь, как, черт возьми, я собираюсь идти на урок. Я уже пропустила слишком много, и я не хочу соскочить. Я раздумываю, пнуть ли Йена, чтобы он проснулся и отвезти его, но тогда мне придется объяснять, что случилось с папиной машиной. Я к этому не готова. Единственный вариант — сесть в чрезмерно переполненный пассажирский автобус, наполненный неизбежными знаками смерти.

— Что с тобой? — спрашивает Йен, жуя печенье в дверях кухни.

— Ничего, — я хватаю свои ключи со стола. — Просто устала.

— Мама говорила тебе что-нибудь прошлой ночью? — спрашивает он. — Что-то типа почему она не принимает свои лекарства?

— Она когда-то о чем-то говорит? — я щелкаю, засунув ключи в карман.

Йен поднимает руки и отступает.

— Извини. Я просто спросил. Но лучше я буду держать рот на замке.

Я открываю рот, чтобы извиниться, но он возвращается на кухню, отгораживаясь от меня. Я хватаю куртку с перил и выхожу на улицу. Надеваю куртку и смотрю в конец улицы на скамейки перед автобусной остановкой. Ходить пешком или ездить на автобусе? Боже, я понятия не имею.

Джип Камерона вдруг появляется у обочины. Он опускает вниз окно и манит меня пальцем.

Я начинаю идти, но потом колеблюсь.

— Обещаю, я не кусаюсь, — он ослепляет меня восхитительной улыбкой. — Конечно, разве что, ты этого хочешь.

Я начинаю тяжело дышать, моя грудь вздымается. Мои ноги по собственному желанию несут меня вниз по ступенькам, через траву и я останавливаюсь на расстоянии нескольких сантиметров от его двери.

— Ты выглядишь потерянной, — говорит он, его темный взгляд под очками скользит по моему телу.

— Мне нужно на урок, — говорю я, обхватывая себя руками. Его взгляд заставляет чувствовать меня голой, и я не уверена, нравится ли мне это или это заставляет чувствовать меня дискомфорт. — Но моя машина... сломалась, — я неловко мнусь.

— Запрыгивай, — он кивает на пассажирское сиденье — Я отвезу тебя в колледж... мне все равно записываться на следующий семестр.

— Я собиралась идти пешком, — я регулирую ремешок своей сумки. — Это не такая уж проблема.

Он качает головой и смеется, снимая очки:

— Запрыгивай, Эмбер. Я не против подвезти тебя. Поверь мне... На самом деле, я более чем рад.

Я удерживаю его взгляд на мгновение, в поисках скрытого смысла, затем я смотрю на угол улицы, где люди ждут автобус.

— Хорошо... Спасибо. — я обхожу капот и сажусь на переднее сиденье. Внутри

машины пахнет ванилью, смешанной с оттенком землистого одеколона. Камерон ждет, пока я пристегнусь ремнем, затем надевает очки и гонит по дороге. Он носит темно-синие джинсы и черную рубашку на пуговицах с закатанными до локтей рукавами. Его рука лежит на коробке передач, а пальцы постукивают в такт журчащей из магнитолы музыки. Принуждение давит, и я переплетаю пальцы, его близость поглощает меня.

— Ты всегда такая тихая? — спрашивает он после минуты неловкого молчания.

Я отворачиваюсь от окна.

— Я просто не вижу смысла в разговоре, если нечего сказать.

Его глаза увеличились.

— Ладно, извини, что спросил.

Я тереблю свой кожаный браслет.

— Извини. Я не думала, что выйдет так злобно. Просто тяжелое утро.

Он кивает и продолжает с осторожностью.

— Но уверен, нам есть, что сказать, и вопрос в том, ты сама скажешь или предоставишь это мне?

— Я не ожидала, что ты положишь его там, — говорю я, потрясенно. — Но ладно.

— Первое, что ты должна знать обо мне — я ненавижу тайны. Они бессмысленны и запрашивают от человека слишком много энергии, к тому же, раскрытие тайны приносит много боли другому человеку. — его губы двигаются, как перо поэта по листу бумаги.

— Итак, почему вы раскапывали могилу на кладбище в ту ночь? — я выпладываю карты на стол.

Он ухмыляется с интересом.

— Убедиться, что в гробах действительно мертвые тела.

Я не знала, как реагировать.

— Уверена, они там.

— Видишь, вот почему я думаю, что мы можем общаться, — ловко подмечает он. —

Многие люди выпрыгнули бы из машины после такого ответа.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я откидываю челку с глаз.

— Многие люди, прежде всего, не садятся в машину.

— Здорово подметила. — он щелкает поворотником и поворачивает на школьную дорогу. — Я делал грязную работу моих родителей. Мой дед — старик Кери, как зовет его твоя таинственная подруга — владел драгоценностью, которая дорога моей семье, как память. Она передавалась из поколения в поколение. Но никто не может найти, куда мой дед спрятал её, так что они послали меня, чтобы проверить в гробу, на всякий случай он просил похоронить его с ней и никогда не говорил никому, кроме своего друга, который занимался организацией похорон моего деда.

По какой-то причине его рассказ напоминает мне фильм 1980-х с Томом Хэнксом, который я однажды смотрела «Предместье».

— Ты нашел?

— Опять же, тебя это не напрягает, — он довольно ухмыляется, развлекаясь нашим разговором. — Нет, я не нашел.

— Вы не подумали спросить друга твоего деда, прежде чем рыться в его гробу? — спрашиваю я. — Возможно, было проще начать с этого.

— Хмм... — он глубокомысленно потирает подбородок. — Я никогда не думал об

этом. — он смеется. — Конечно, думал, но оказалось, что друг моего деда тоже умер, спустя несколько дней после похорон.

— Это странно, — я разрываюсь от того, что верю ему. — Так кто был тот человек, который действительно копал?

Его улыбка дрогнула, а лицо покраснело от гнева.

— Ты видела его?

Я медленно киваю.

— Да...

Его гнев меня пугает.

— Он мой дядя.

— Он тебе не нравится? — спрашиваю я.

Он тербит в руках брелок и грусть оттеняет его глаза.

— Он... терпимый. — он поворачивает на переполненную школьную стоянку, и все глазают на нас. У города очень маленькая населенность и неопознанная машина — это большая новость. Я почти вижу невидимый поток сплетен, перемещающийся из машины в машину.

— Вау, это как быть кинозвездой, — замечает он, в то время как паркуется на свободном месте.

Улыбка изгибает мои губы.

— О, все будет намного хуже. Поверь мне. Новый парень — это будет заголовком газеты. — я делаю движение рукой. — Ну, может, это не будет так грандиозно. Кто-то еще переехал сегодня сюда.

Он достает ключи из зажигания.

— Ты знаешь кто это?

— Да, я встретила его на вечеринке в субботу вечером, — я отстегнула ремень безопасности. — Его зовут Ашер Морган.

Темная тень появляется на его лице.

— И ты уже познакомилась с ним?

— Да... — я удивленно приподнимаю брови. — На вечеринке, я же сказала.

Он смотрит на приборную панель, беспокойно позвякивая ключами, а затем открывает дверь и вылезает из машины.

Я выскакиваю и обхожу его.

— Ты сказал, что ненавидишь секреты, — говорю я, пока мы загораживаем вход под навес. — Но это не касается тебя.

— Нет, я сказал, что секреты бессмысленны и могут причинить кому-то боль. — Он прибавляет шаг и машет через плечо. — Увидимся, Эмбер.

Все студентки пялятся на него, пока он поднимается, практически пуская слюни. Я закатываю глаза и направляюсь к боковому входу. После обеда он, вероятно, будет трахать Маккензи Бэйкер в подсобке.

Боковой вход — спокойный уголок в маленькой школе, ведущий прямо туда, где у меня английский. Я роюсь в сумке, пока иду в холл, достаю телефон и пишу Рэйвен.

Я: Ты еще в школе?

Я брожу по коридору, украшенному фальшивой паутиной и оранжевым и черным конфетти, укладывая все в своей голове пока жду ответа.

Я: Эй, ты в порядке?

Снова нет ответа. Я кладу телефон обратно в сумку и решаю проверить изостудию. Иногда Рэйвен ходит туда ради удовольствия, когда нет профессора, она говорит, что это наиболее спокойное место, чтобы рисовать горы снаружи, вместе с тренировкой на футбольном поле, где парни бегают без рубашек.

Я заглядываю внутрь, но там только один парень рисует в дальнем углу, так что я начинаю отступать.

— Эмбер, — окликает парень.

— Ашер? — я захожу в класс. — Что ты здесь делаешь?

Он прячет улыбку.

— Рисую.

— Но как ты здесь... Я не знала, что можно начать уроки в середине семестра.

— Я не начинал, — отвечает он. — Профессор — брат моего отца и я задержался, чтобы поздороваться с ним... одно приводит к другому. — он поднимает кисточку. — Я не удержался.

— Я смотрю, у тебя есть связи, — говорю я насмешливым тоном.

Улыбка освещает его синевато-серые глаза, затененные прядями волос.

— Я думаю, можно сказать и так.

Я борюсь с желанием пройти через комнату, пробежаться руками по его худощавым плечам, запустить пальцы в его волосы, наклонить его и засосать его язык в свой рот.

— Ну, еще увидимся, — я машу и отступаю назад, чтобы покинуть комнату.

— Разве тебе не интересно, что получилось? — он устанавливает кисти на поднос и движется ко мне.

Я ставлю свою сумку на стол и плетусь через парты, его взгляд все время удерживает меня. К тому времени, как я добираюсь до него, моя кожа шипит от его взгляда и сексуального напряжения между нами.

На нем черная толстовка, натянутая на футболку с изображением *At the Drive-In* (американская пост-хардкор группа из Эль-Пасо, Техас, существовавшая в период с 1993 по 2001 и в 2012 году.) и выцветшие джинсы, заляпанные капельками черной краски, Йен часто выглядит точно также. Он откидывает свои черные волосы с глаз, и я замечаю небольшой шрам вдоль брови, прямо под его пирсингом.

Он жестом указывает на холст.

— Итак, что ты думаешь?

Я поворачиваю голову и мой рот приоткрывается в удивлении. Это самая прекрасная картина, которую я когда-либо видела. Безупречные мазки кистью черной краской изображают ангела-мужчину с опущенной головой, а темные волосы свисают на глаза. Его ступни вычерчены черным кругом, как будто он привязан на одном месте, и он плачет. Стрдание и мука выражаются в нем настолько реально, что я хочу протянуть руку и утешить его.

— Это прекрасно, — я выдыхаю в восторге. — Я чувствую его боль и страдания. Словно это убивает его, находясь в ловушке в этом месте.

— Так значит, ты писатель, — говорит он, немного недовольно.

Я поворачиваюсь к нему лицом и понимаю, что он стоит намного ближе, чем я думала. По привычке, я делаю шаг назад и ногой сталкиваюсь с мольбертом.

— Когда-нибудь я хочу стать им.

Он берет прядь моих волос и заправляет ее за ухо, напоминая, что я должна бояться его

прикосновений; что его касание приносит только утешение, а не печаль.

— Ты знаешь, некоторые считают, что глаза — зеркало души? — спрашивает он негромко.

Я поднимаю брови.

— Ты знаешь, что это подкат, правда?

Его напряженное выражение захватывает дух, когда он проводит большим пальцем по моей щеке и ссадине вдоль скулы. Прикосновение его кожи к моей посылает покалывание по всему телу и наполняет меня чувствами, которые я никогда не испытывала прежде, потому что они могут прийти только через контакт с другими.

— Это сейчас, но давным-давно люди считали, что глаза человека позволяют постичь собственную душу. Они показывали их настоящие чувства и незащитность. — он нежно водит пальцем под моими глазами. — У тебя красивые глаза, но в них так много грусти.

Я проглатываю комочек в горле и сосредотачиваюсь на его губах. Господи Всевышний, у него такие сочные губы.

— Эмбер, — шепчет он и на время снимает цепи, которые связывают меня с каждой человеческой смертью. — Я хочу поцеловать тебя, — его голос падает до хриплого шепота, когда он наклоняется. — Пожалуйста, скажи мне, что я могу тебя поцеловать... Боже, пожалуйста, просто скажи это.

— Да... — выдыхаю я, и мне требуется секунда, чтобы понять весь смысл, сказанного мной; что после девятнадцати лет умышленного одиночества, я, наконец, поцелуюсь.

Он закрывает глаза, наклоняясь ближе. Мое сердце усиленно бухает в моей груди, когда его рот приближается, а затем, мгновение спустя, наши губы соприкасаются.

Стон мгновенно выскальзывает из моего рта, когда ощущение от его поцелуя спиралью проходит через все мое тело. Становится только хуже, когда он скользит своим языком между моих губ, и я открываю рот, впуская его, сплетая свой язык с его, нащупывая колечко на кончике его языка.

Его руки скользят вокруг моей талии, и он поддерживает меня, пока моя спина не прижимается к стене. Его крепкая грудь давит на мою, когда он наклоняет меня назад, удерживая меня, в то время как он исследует мой рот своим языком. Хриплый звук вырывается из моего рта и глубокий гортанный стон — из его.

— Эмбер, — шепчет он, двигая своими губами по моим. Он начинает прокладывать дорожку из поцелуев вниз по моему подбородку, к изгибу шеи, моя голова опускается на бок, когда он приближается к моей ключице и прикусывает мою кожу.

— О Боже мой... — я хватаю его за плечи для поддержки, желая больше — требуя больше.

Когда он достигает верха моей рубашки, я выгибаю спину, давая понять, чего я хочу. Его пальцы скользят вверх, над моими ребрами и грудью, и когда он достигает моего воротника, он тянет его вниз вместе с моим лифчиком, обнажая мою грудь. Спустя несколько секунд его рот обхватывает мой сосок, облизывая, покусывая его, холодный металл из его губ скользит по моей коже, добавляя возбуждающую пульсацию через мое тело. Я хочу собраться с духом, как колени начинают подгибаться, но все, что я могу сделать, это вцепиться пальцами в его волосы и держаться за него, когда я падаю. Его руки сжимают мои бока, удерживая меня в вертикальном положении, а затем одна из них скользит между моими коленями. Его ладонь скользит вверх и когда он достигает вершины, он начинает тереть рукой взад и вперед, управляя моим телом и сводя с ума.

— Ашер, что ты делаешь? — мужской голос разрушил момент.

Как по щелчку наши глаза открылись и, прежде чем отойти, он опускает мою блузку и лифчик обратно на грудь. К счастью, мы спрятались за мольбертом; в противном случае, профессор получил бы полное представление о том, чем мы занимались.

Профессор Морган, профессор искусства, стоит у своего стола, абсолютно сбитый с толку. Ему около сорока, каштановые волосы и карие глаза, и он носит штаны-карго и рубашки поло, вымазанные углем, краской и пластилином — любимым художественным материалом, на самом деле.

— О, привет, Эмбер. — он ставит стопку арт-работ на угол своего стола. — Ты сегодня видела Рэйвен? Обычно, она приходит сюда, чтобы отвлечься, но я не видел её. У меня есть пару вопросов по её последней картине. Я хочу поговорить с ней, прежде чем начну первый урок.

— Я думаю, что она опаздывает, — говорю я и сжимаю свои опухшие губы.

— О, я вижу, — он бросает взгляд на Ашера и что-то в его глазах заставляет меня уйти. — Не знаешь, она собиралась сегодня ко мне на урок?

Я пожимаю плечами.

— Не уверена.

— О, хорошо. — он выглядит рассеянным и продолжает стрелять в Ашера неприязненными взглядами.

Приняв это как сигнал к уходу, я машу Ашеру, прощаясь.

— Увидимся, наверное.

Возвращаясь к своему мольберту, он берет кисть, избегая зрительного контакта со мной.

— Да, конечно.

Стараясь не обращать на это внимания, я выхожу из комнаты и направляюсь в другой конец здания. Это очень короткая прогулка, из-за отсутствия надлежащего размера колледжа. Когда я прихожу, профессор Маккерли пишет на доске. Он также преподаёт английский в старшей школе, так что это практически мой третий раз с его тактикой обучения.

Я иду в конец аудитории незамеченной. Моя сумка падает, громко ударяясь об пол, и он оборачивается с маркером в руке.

— О, Эмбер, я не видел, как ты пришла. — он щелкает колпачком маркера и ставит его в лоток.

Мы изучаем "Ромео и Джульетта" Уильяма Шекспира и одно из его стихотворений, написанное на доске. Я прочитала книгу, когда мне было пятнадцать, после того, как Рэйвен заставила меня посмотреть фильм — в новой версии в главных ролях Леонардо Ди Каприо и Клэр Дэйнс — так что я уже знаю, что гласит история: любовь, соперничество, насилие и трагедия.

Профессор Маккерли перебирает бумаги у себя на столе, и народ в классе начинает витать в облаках. Внезапно, он направляет все свое внимание на меня.

— Мне понравилось стихотворение, которое ты написала в задании на прошлой неделе. — он постукивает пальцем по листу бумаги в его руке, исписанный моим почерком.

— Спасибо, — отвечаю я, ощущая неловкость. Я никогда не хотела сдавать именно это стихотворение. Я написала его в минуту слабости, а потом нечего было сдать, так что пришлось отдать его.

— Если ты не возражаешь, я бы хотел прочитать его вслух классу, — говорит он. Я

отрицательно качаю головой, но он уже отвернулся.

Вздыхнув, я откидываюсь на спинку стула, но тут же сажусь ровнее, так как в класс зашли Маккензи Бэйкер с Камероном на буксире. Я знаю Маккензи со времен детского сада, и мы никогда не были друзьями. Я тайно надеялась, что, когда мы закончим школу, она покинет город, но, как и все остальные, она намеревалась остаться здесь. Иногда, могу поклясться, этот город преследует и его невозможно оставить.

Маккензи — клубничная блондинка с зелеными глазами и носит одежду, из которой вываливается ее декольте. Она что-то вроде Рэйвен, только может немного в меньшей степени.

— Он сидел на одном из ваших занятий, — заявляет она профессору. — Чтобы понять, хочет ли он взять его на следующий семестр.

Камерон улыбается мне, как будто он что-то замышляет, и, поскольку это английский, это является основной предпосылкой.

Профессор с трудом осознает, что происходит и Маккензи садится, держась за Камерона, настаивая, чтобы он сел с ней. Но он выскальзывает из её хватки и кивает мне.

— Ты выглядишь немного расстроенной. — Камерон скользнул за мою парту, стараясь выглядеть беззаботно, но печаль преследует его глаза.

— Я в порядке. — я беру ручку и тетрадь из своей сумки. — У меня было тяжелое утро.

— Ты нашла свою подругу? — спрашивает он. — Ту, что с розовыми волосами?

Я качаю головой.

— Нет, но это Рэйвен. Она очень непостоянна.

Он внимательно изучает мое лицо, как будто ищет трещины, что позволит выявить некоторые скрытые тайны.

— Я видел тебя сегодня утром в изостудии.

Я вытаскиваю ручку изо рта, когда моя челюсть падает.

— Когда?

Он кусает губы, и я не могу сказать, выглядит он раздраженным или заинтригованным.

— Я просто видел, как ты зашла и стала разговаривать с каким-то парнем.

— Этот парень еще один новичок в этом городе, я говорила тебе о нем утром.

— Я знаю.

— Похоже, ты его знаешь?

— Да так, сарафанное радио. — положив руки на стол, он наклонился, пахнувший мятой с оттенком леса. — Я знал, ты была права, когда говорила про нового парня. Даже декана, казалось, возбудила моя внешность.

— Я же говорила, что они захотят съесть тебя, — замечаю я с небольшой улыбкой.

— Нет, ты говорила, что они будут относиться ко мне как к кинозвезде. — он ухмыляется, медленно приближая свое лицо к моему. — Единственная, кто выглядит так, будто хочет съесть меня — это ты.

Я борюсь со своим инстинктом отвернуться от него.

— Нет, это не я.

— Да, ты, — он завораживает меня улыбкой, и я качаю головой, сражаясь с собственной усмешкой.

— Ты всегда такой?

— Какой? Сексуальный? Великолепный? Очаровательный?

— Как заноза в заднице.

Он ухмыляется, ему нравится мое отношение.

— Ты само очарование.

Из-за стола в первом ряду, Маккензи закинула ногу на ногу и пальчиком поманила Камерона.

— Иди сюда, Камерон.

Камерон кланяется и прикасается к груди.

— Мои фанаты зовут меня, — говорит он, а я закатываю глаза, в то время как он подходит к Маккензи, что-то шепчет ей на ухо, и она хихикает, поглаживая его грудь.

После звонка мистер Маккерли проводит переключку, затем встает в центре комнаты с моим стихом в руках.

— Слушайте все. — он прочищает горло. — Я хочу поделиться с вами отличным стихотворением, которое было сдано на прошлой неделе. Но я собираюсь сохранить его анонимность. — он бросает взгляд на меня всего на секунду, но этого достаточно, чтобы все взгляды переместились на меня. — Стихотворение называется «Глеющий уголек» (*прим. англ. Ember, как и имя gg*), — каждый смотрит на меня, а мистер Маккерли еще раз откашливается перед чтением.

Уголек медленно умирает в холме из пепла. Тьма и скорбь, стремится сгореть в огне. Но дым и печаль пусть умрут. Искра нуждается в ярости. Но искра не сдается. Так уголек продолжает душить. В пепел, в прах, в ничто. И так будет вечно.

Хоть я и хотела быть уверенной в своих словах, я слишком долго была ненормальной девушкой, которую преследует смерть.

Все смотрят на меня как на сумасшедшую, постоянно с тех пор, как исчез мой отец. Но я отказываюсь прятаться, поэтому сижу прямо, и жду, когда мистер Маккерли продолжит.

Какой-то парень кашляет в руку:

— Псих-убийца.

Хихикает, вибрирует класс и Камерон поднимает руку.

— Да, — говорит мистер Маккерли. — Подождите, вы кто? Я никогда раньше не видел вас на своих уроках.

— Скажем так, я бы хотел остаться анонимом, — говорит он, перебивая профессора. — И лично я думаю, что это было удивительное стихотворение о боли и выживании.

Профессор снова просматривает стихотворение.

— Ну, это хорошая трактовка, но я думаю это больше естественный процесс смерти.

Камерон постукивает пальцем по столу.

— Смерть может быть темой, но я не думаю, что это целиком об этом. Я думаю это больше о боли тех, кто чувствует смерть, и они должны пройти через эту боль, даже если думают, что не смогут. Возможно, они потеряли кого-то близкого, и они пытаются освободиться от постоянных душевных страданий и мучений.

Все замолчали и клянусь, я могла бы поцеловать красивые губы этого парня. Он оборачивается и окидывает меня взглядом, который говорит: «Ты знаешь, что влюблена в меня».

— Ну, это очень глубокая мысль, — мистер Маккерли выглядит таким же озадаченным, как и остальные. — Но откуда ты взялся? Я не видел тебя здесь раньше.

Камерон щелкает ручкой.

— Я работаю на передаче... думаю, я возьму этот урок в следующем семестре.

Профессор перебирает какие-то бумаги.

— Где ты жил до приезда сюда?

— Нью-Йорк, — отвечает Камерон сухо.

— О, Большое Яблоко. — Мистер Маккерли выбирает лист бумаги из стопки, а остальные кладет на стол.

— Типа того, — Камерон звучит скучно.

— Ну, здорово, что ты здесь не просто как гость, а как новый член нашего города.

Профессор Маккерли также является членом комитета города, и он приветствует Камерона, прежде чем перейти на Шекспира. Камерон не смотрит на меня во время занятий, однако, я не могу отвести от него глаз. Он завораживает и одновременно пугает. Кто этот парень, который раскапывает могилы на кладбище? Кто говорит за меня в классе и пишет самые красивые слова? Кто из Нью-Йорка, как и Ашер?

Совпадение? По некоторым причинам, я так не думаю.

Мой следующий урок, как и оставшиеся, смертельно скучный. Я отправляюсь на свой третий и последний урок на сегодня, когда замечаю, что секретарь из главного офиса машет мне.

Она поднимает палец, пока продолжает разговаривать со стройной женщиной со светлыми волосами, острым носом и очках, закрывающих практически все ее узкое лицо. Ее волосы стянуты в тугий пучок, и она носит строгий брючный костюм в тонкую полоску. Я опускаюсь в кресло и жду.

— Да, я знаю, но я не понимаю, почему ты должна делать это здесь, — говорит женщине секретарь, миссис Финнели.

Женщина опирается на стойку.

— Не могла бы ты проверить еще раз?

Миссис Финнели вздыхает и что-то набирает на своей клавиатуре. Она откатывает свой стул к углу шкафа и достает тонкую папку.

— Держи, Бэт, но я не понимаю, как это поможет. На самом деле, она прямо здесь, так что ты можешь просто поговорить с ней.

Бэт оборачивается, и ее голубые глаза стремительно темнеют от ненависти.

— Эмбер Эдвардс, я детектив Краммер.

Мои губы кривятся.

— Ладно.

Она движется к двери психолога.

— Почему бы нам не пойти сюда, чтобы мы могли поговорить наедине.

Я следую за ней в кабинет психолога, который набит растениями и семейными фотографиями. Здесь сумка весит на вешалке в дальнем углу, а воздух пахнет тыквой и специями. Детектив Краммер садится в офисное кресло, а я сажусь перед столом.

Она открывает папку с моим именем.

— Ты преуспела в английском... но в математике слабовата, — она снимает очки и бросает их на стол. — Что ж, перейду сразу к сути, у нас всего несколько минут. — она катит кресло вперед и кладет руки на стол. — Я уверена, ты слышала, что Ладен Миллер пропал прошлой ночью. Итак, последнее место, где его видели — это вечеринка, на которой была и ты. Правильно?

— Да, — отвечаю я. — Но там было много людей.

— Простого «да» или «нет» будет достаточно, — ехидно говорит она. — Уже, как я

уверена, ты слышала, что внизу моста была найдена машина Ладена Миллера, в очень похожей ситуации нашли машину твоего отца, исчезнувшего три года назад. Ты была единственной, кто расследовал его исчезновение — у полиции не было никаких зацепок.

Я нагло скрещиваю руки.

— Обвинения против меня были сняты.

Она вытаскивает маленький блокнот из кармана пиджака.

— Я подняла дело твоего отца и там сказано, кто звонил ему перед исчезновением. Вызов был от тебя, и ты сказала, что он будет убит.

— Нет, я сказала, что он умрет. Это огромная разница.

— Огромная разница или нет, но это очень подозрительно. И сразу после этого ты сбежала.

Я предпочитаю промолчать, по опыту зная — чем меньше слов, тем меньше возможности исказить то, что я говорю.

Она шурит на меня глаза, потом делает какие-то пометки в блокноте.

— Это такое странное дело. Вороньи перья, песочные часы, ярко-красный крест на дороге. И, конечно же, кровь.

— Это все символы смерти, — говорю я. — Я говорила это полиции в последний раз.

Она хмурит брови, перечитывая свои записи.

— Хм... никто не принял это к сведению.

Я равнодушно пожимаю плечами.

— Ну, это правда. За исключением креста, все они символизируют смерть. Вы можете прогуглить это, если хотите. Это довольно общие знания.

— Ты сделала это до или после исчезновения своего отца?

— После.

Она покраснела от разочарования, стараясь оставаться хладнокровной.

— Знаешь, я нахожу весьма подозрительным то, что ты была на вечеринке, на которой присутствовал Ладен Миллер, а потом он исчез. И имеются свидетели, которые сказали, что видели, как ты садишься в машину сразу после того, как Ладен уехал с другой девушкой.

Свидетели?

— Я должна была быть в другом месте... моя мама... я была нужна ей дома для чего-то, — я лгу, но не очень хорошо.

Она просматривает блокнот.

— На самом деле, если я правильно прочла записку в твоей папке, твоя мать была довольно пассивным родителем. По сути, она отказалась от опеки над тобой и отослала тебя жить с твоим отцом, когда тебе было четыре.

— Пассивная или нет, она попросила меня быть дома пораньше, потому что ей была нужна моя помощь в чем-то. — я прилагаю усилия, чтобы не ерзать или она использует это против меня.

Её глаза внимательно изучают меня.

— Где ты была с двух до четырех часов утра в субботу?

Упала в озеро, рисовала безумные заметки на моей стене, отключилась. Дерьмо!

— Я была с Ашером Морганом.

Она выгибает брови.

— И кто это?

— Мой друг, — я копаю себе могилу размером с яму. Я хватаюсь за подлокотники,

надеясь, что она не заметит моего беспокойства.

Она записывает *Ашер Морган* на верхушке блокнота, а затем убирает его в карман. Потом она протягивает мне свою визитку.

— Будем на связи.

Я беру визитку, кладу в задний карман и покидаю кабинет, не оглядываясь.

Глава 7

Все в городе называли исчезнувшего Ладена Ангелом Смерти. Разнесся слух о том, что детектив допрашивала меня прямо в кампусе. Я как будто вернулась на три года назад, сразу после исчезновения моего отца. В коридорах витает шёпот: "уродка", "психопат" и "убийца". Но я иду с высоко поднятой головой. Немного сплетен и грязных взглядов ничто, по сравнению с ежедневными страданиями от видений смерти.

Я собираюсь идти на последний урок, а Рэйвен до сих пор не появилась, не позвонила и не ответила на мои сообщения, поэтому я решила пообедать в Макдональдсе по соседству.

Я дожидалась заказ, чтобы положить его на поднос, в то время как Маккензи Бэйкер, задела меня плечом и чуть не переломала свои высокие каблуки, пытаюсь сохранить равновесие. *Веревкой связаны её запястья, и заклеен рот. Тьма пожирает её. Выходи, выходи, где бы ты ни находилась.* Это игра и Маккензи проигрывает, потерявшись в море крови. Я и раньше видела её смерть, это всегда тяжело.

Глядя на меня, она откидывает волосы и возвращается к разговору с девушкой.

— Так я был прав? — волнующий мягкий голос Камерона посылает всплеск адреналина через мое тело, и я вздрагиваю.

Отступив назад, увеличиваю дистанцию между нами, но на самом деле очень хочу приблизиться к нему.

— О чем ты?

— О стихотворении, — говорит он с очаровательной улыбкой.

— Ты думаешь, мне больно? — спрашиваю я, пока кассир кладет картошку фри мне на поднос.

— Я думаю твоё сердце несет в себе много боли, — он делает шаг вперед, сокращая и без того маленькое расстояние между нами. — Однако ты скрываешь это, как и многое другое.

Его слова задевают за живое.

— Все что-то скрывают, разве нет? — спрашиваю я.

— Это слова истинного писателя. — он тянется ко мне, хватая меня за руку и ворует мою картошку. — Но вопрос в том, что скрываешь ты, Эмбер? — его тон обвинительный, значит он слышал сплетни.

— Трупы в подвале и полная печь праха, — говорю я мрачно.

Он невозмутимо запрокидывает голову и бросает в рот стыренную картошку.

— Странно, потому что в моем подвале то же самое.

— Я была бы счастлива, что у нас есть что-то общее, но мы оба знаем: ни у тебя, ни у меня в доме нет подвала.

— Да, но есть чердак, — говорит он серьезно. — И это отличное место, чтобы спрятать тело.

Я хватаю свою чашку с подноса и поворачиваюсь к фонтану.

Он смеется:

— Расслабься, я просто шучу.

Выдохнув, я слегка улыбаюсь ему, пока кидаю в стакан лед и наливаю содовую. Беру понос, окидывая взглядом комнату в поиске свободного места.

— Так какие у тебя планы на остаток дня? — спрашиваю я, направляясь к столику в углу. Камерон идет следом за мной. — Собираешься проскользнуть на уроки или будешь работать?

— Я работаю онлайн, — отвечает он невнятно.

— Что делаешь?

— Скучные вещи.

— Ты очень таинственный. Ты знаешь это?

— Знаю, — его губы растянулись в довольной улыбке.

В центре зала, переглядываясь, болтают про несправедливо обвиняемого убийцу. Кого я ищу? Замечаю Ашера за дальним столиком в углу в окружении людей, примерно моего возраста. Вау, он быстро нашел себе друзей.

Его взгляд находит меня, и глаза парня загораются, но потом он замечает Камерона, стоящего рядом, и легкомысленность сменяется на свирепость. Камерон отвечает таким же неприязненным блеском во взгляде.

— Мне казалось, ты говорил, что не знаешь его? — спрашиваю я Камерона с цинизмом.

Он моргает, блеск исчезает, и он вежливо улыбается.

— Я его не знаю. А теперь, если ты извинишь меня, мне нужно идти. — он идет к месту, где сидят Маккензи с её подругой, поедая салаты, и тут же начинает заигрывать с ней.

— Горячий и настолько же холодный, — бормочу я.

Ашер направляется ко мне. Я смущаюсь, но не его, а остальных людей, сидящих вокруг, которые боятся меня так же, как Маккензи. Но затем он улыбается, и я вспоминаю как попробовала его в изостудии, как он ощущался, как трогал меня, и мои сомнения и опасения таят.

Я сажусь за стол, и каждый кивает мне, кроме Фарры Таверсон, единственной девушки за столом. Она встречалась с Ладеном Миллером какое-то время. Она хмурится в мою сторону, подбирая свое платье эпохи Средневековья, пока выбирается из-за стола и отправляется на парковку.

— Похоже, тебе нужна помощь, — шепчет Ашер мне на ухо, мягко прикусывая мочку. — Этот парень беспокоит тебя?

Я пожимаю плечами, помешивая картошкой в чашке с соусом.

— Нет, он... — я замолчала, потому что понятия не имела, кем был мне Камерон.

— Итак, Рэйвен ещё не появилась, да? — спрашивает он. Я отрицательно качаю головой и хмурюсь, пока Ашер откусывает от своего бургера. Он слизывает каплю майонеза с губ, в моей голове тут же просыпаются фантазии о том, как я облизываю его, наряду со многими другими вещами. Моё тело начинает гореть от идеи, где бы его язык мог быть, я сжимаю колени вместе.

— Нет, я думаю, она забила и ходит весь день по магазинам. Она любит шопинг.

Он вымученно мне улыбается.

— Я уверен, так она и делает. — его глаза сканируют меня. — Ты в порядке? — он смотрит на мой лоб. — Ты ходила к врачу после аварии?

— Да, — вру я. — И я в порядке. — я шевелю руками, сгибая их. — Нет сломанных костей. Никакого сотрясения. Я — ходячее чудо.

— Что насчет твоей машины? — спрашивает он с беспокойством, наклоняясь ближе ко

мне, я чувствую тепло его дыхания на губах. Мое настроение резко падает.

— Ей, определенно, конец.

— А как насчет... Как ты справляешься с тем, о чем все болтают?

Я пожимаю плечами.

— Это не первый раз, когда они хотят сжечь меня на костре.

Откинувшись назад, он откусывает еще от своего бургера и меняет тему.

— Так ты и не ответила на мой вопрос.

— О чем ты? — спрашиваю я, потягивая свою содовую.

— О парне, который только что был с тобой? — он жует картофель фри.

— Это Камерон. — я разворачиваю свой куриный сэндвич. — Кстати, он еще один новичок здесь и тоже из Нью-Йорка

— Это странно, — его челюсть напрягается, и он бросает всю свою еду в сумку. — Я должен волноваться о том, что он будет соревноваться за тебя со мной?

Я фыркаю, полагая, что он шутит, но серьезное выражение его лица заставляет меня замолчать.

— Нет, ты не должен об этом волноваться. — тепло разливается у меня внутри, когда он улыбается и прикусывает губу.

— Не могла бы ты сделать мне одолжение? — он встает и собирает свои вещи. — Покажи мне город?

— Конечно... хотя, я удивлена, что еще никто не предложил тебе этого, особенно Маккензи, — я хватаю свой сэндвич и мусор, и встаю на ноги.

Он смеется, глядя в угол на Макензи, я поняла, что он уже разговаривал с ней.

— Я не думаю, что я в её вкусе.

Он выглядит, как неформал: клетчатая рубашка, черные джинсы, армейские ботинки, шипы и черепа на кожаном ремне, у него есть пирсинг, и, кажется, будто он слегка подводит черным веки и длинные густые ресницы. Он не её тип, но все же поразительно красив, особенно глаза.

— Дай ей время, — советую я. — На самом деле, я уверена, если ты решишь появиться на следующей вечеринке, то она, не раздумывая, потащит тебя в одну из комнат наверху.

Он бросает свой мусор в ведро, но оставляет картошку.

— А что насчет тебя? Ты бы потащила меня в комнату наверху?

Я выбрасываю мусор со своего подноса, по моей коже растекается тепло.

— Я не знаю... Тебе бы этого хотелось?

Он не отвечает, и моё сердце сжимается в груди. Я не понимаю, ведь он целовал меня и трогал. Все кончено.

Мы идем к выходу бок о бок, и в этот момент кажется, будто никого не существует. Я хочу прикоснуться к нему, почувствовать его каждой клеточкой своего тела.

Я ем сэндвич, пока мы идем по тротуару, гуляем по парку, городской площади, торговому центру. Я рассказываю, где что находится, что за люди гуляют вокруг, но это не занимает много времени, поскольку город представляет собой всего лишь маленькую точку в центре огромного кольца гор.

— Я использовала твое имя сегодня утром, — признаюсь я безмятежно, когда мы останавливаемся в центре парка. — Когда детектив привела меня на допрос. — кажется, он озадачен, поэтому я добавляю. — Допрос по делу об исчезновении Ладена.

— Я понял, что вы говорили об этом, — сказал он, подпирая вход в беседку. — Просто

не понимаю, почему ты говоришь так виновато. Я знаю, что ты была со мной.

— Часть времени, — говорю я, ковыряя землю носком. — Ты высадил меня около трех часов, а она хотела знать, где я была с двух до четырех.

У него такое забавное выражение лица, будто он хочет рассмеяться.

— Итак, и где же ты была в этот лишний час? Или ты сказала мы?

— Ты не должен прикрывать меня, — говорю я. — Твое имя случайно вырвалось, потому что это показалось лучше, чем говорить ей, что я была дома со своей на голову большой подругой. Я уже проходила через это, и оправдываться нелегко.

— Когда исчез твой отец?

— Как ты узнал об этом?

Его взгляд насторожен.

— Люди здесь о многом говорят, я заметил.

Я уклоняюсь.

— Мне очень жаль. Я найду детектива и расскажу ей правду. — Я разворачиваюсь к кампусу, но он резко загоразивает мне путь.

— Прошлая ночь была одной из лучших ночей в моей жизни, — начинает он. — Я никогда не целовался так долго до этого, и озеро было прекрасное, кристально чистое с яркой луной. Эмбер... Ты потрясающе целуешься.

— Да уж, я думаю, с последним предложением ты зашел слишком далеко, — я сдерживаю улыбку. — Возможно, ты хочешь забыть об этом.

Он качает головой.

— Еще с самого утра я понял, что последнее предложение — это чистая правда.

Я прикасаюсь пальцами к губам, стараясь не улыбнуться.

— Возможно, потому что ты слишком долго вдыхал пары краски.

— Исключено, — он бросает мне вызов, приподнимая брови. — Но просто, чтобы убедиться, я думаю, нужно повторить. — он выпрямляется и наматывает на палец прядь моих волос, наблюдая за моей реакцией.

Я не знаю, что сказать и меняю тему.

— Тебе, правда, не нужно прикрывать меня, — мой телефон звонит в сумке, но я игнорирую его. — Я могу придумать что-то другое.

— Все нормально, — отвечает он, отпуская мои волосы. — Я знаю, что ты этого не делала.

Нет слов, чтобы выразить всю мою благодарность.

— Спасибо. Я твоя должница.

Он играет с колечком в брови, засовывая внутрь кончик мизинца, прежде чем убрать руки в карманы. Вдруг он начинает нервничать.

— Ладно, я должен спросить тебя кое о чем. И не стесняйся быть абсолютно честной со мной.

— Хорошо... — я жду момента, когда он скажет, что пошутил, и на самом деле думает, что я убийца.

— Гипотетически, если бы я пригласил тебя на свидание, что бы ты ответила? — спрашивает он, щелкая колечком в языке по зубам.

Мое сердце взрывается внутри.

— Ну, если мы говорим чисто гипотетически, то я отвечу да.

Уголки его губ дергаются.

— А если я говорю не гипотетически.

— Тогда бы я сказала, что подумаю над этим, — Господи. Я провожу слишком много времени, наблюдая, как Рэйвен соблазняет парней.

Он тянется к моей сумке и, прежде чем я успеваю среагировать, достает мой телефон. Нажимает несколько кнопок и наклоняется вперед, чтобы положить его обратно, подходя ближе, чем необходимо.

Он прикасается губами к моему уху.

— Подумай об этом и дай мне знать, когда гипотетически это может стать реальностью. — он мягко целует чувствительное местечко чуть ниже моего уха, прежде чем отклониться.

Мои губы приоткрываются, а дыхание учащается.

— Хорошо.

Он подмигивает мне и оборачивается, спускаясь из беседки.

— Я должен идти на работу. У тебя есть мой номер.

Я наблюдаю, как он идет по траве, наслаждаясь тем, как он двигается, и поражаюсь ощущениям, которые он вызывает в моем теле. Он заставляет смерть молчать. Когда он скрывается из поля зрения, я направляюсь через парк к парковке кампуса.

Повернув за угол, нахожу Рэйвен, стоящую сбоку от входа. Парень с засаленными волосами и бакенбардами склонился над ней, упираясь руками в стену. Взгляд её влюбленных глаз прикован к нему, как у маленького щенка. Он косится в мою сторону, и я замечаю синяк на его глазу, оставшийся с той ночи.

— Что ты делаешь? — спешу я к ней.

Глаза Рэйвен красные и опухшие, а тушь размазалась. — Я ничего не делаю. Теперь, уходи.

— Ты не в порядке, — я тяну к ней руку. — Что он сделал с тобой?

— Она в порядке, — рычит этот подонок и толкает меня. — А теперь убирайся отсюда.

— Не трогай меня мудака, — предупреждаю я, дыша смрадом его смерти.

Рэйвен вытирает слезы воротником своей розовой рубашки.

— Эмбер, просто зайти внутрь. Пожалуйста.

Мои мышцы сковывает от мощи этого парня.

— Я уйду, но ты пойдешь со мной.

— Ты не должна лезть не в свое дело. — он бросается вперед и сильно пихает меня, выбивая дыхание.

— Она моя подруга, — говорю я твердо, восстанавливая равновесие. — Поэтому, это — мое дело.

Он смотрит на меня.

— Что ж, если ты хочешь, я могу сделать это непосредственно твоим делом. — он кидается на меня, хватая меня за руки и толкает спиной к кирпичной стене.

Его ужасная смерть душит меня. Он стоит посреди поля. *Гремит выстрел, и он падает на землю.*

Я моргнула, ошеломленная. Это не тот предвестник ночи, что был в прошлый раз.

Он улыбается, и озноб покалывает мою кожу.

— В чем дело, Эмбер? Ты напугана? — парень понижает свой голос, когда наклоняется, его несвежее дыхание обдает мое лицо, пальцы глубоко впиваются мне в талию. — Расскажи мне, как прошла поездка домой прошлой ночью?

— Это ты Расскажи мне. — я бью коленом ему между ног, уворачиваюсь от него и тянусь к Рэйвен.

Она качает головой и отскакивает от меня.

— Я не могу, Эм. Я должна остаться здесь.

Ярость мелькает на его лице, когда он снова бросается на меня и так сильно сжимает мои запястья, что кожа разрывается. Я вскрикнула и будто яд тысячи смертей парализует меня: *нанося самой себе боль, разбитое сердце, старость, помоги мне, помоги мне, помоги мне*. Их так много, что я не могу перебрать все. Это душит меня и разбивает мое сердце. Невыносимо и иронично, если предвестники смерти являются причиной моей бесконечной гибели?

— Отпусти её, — глубокий, требовательный голос разрывает тьму и боль.

Слизняк отпускает мои руки, и я падаю на землю, сжимая траву и хватая ртом воздух. Глубокий вдох. Глубокий вдох. Глубокий вдох.

Чья-то рука появляется в пределах видимости, но я качаю головой.

— Позволь мне помочь.

— Уходи. — давлюсь я. — Пожалуйста. Клянусь, я в порядке.

— Эмбер, возьми мою руку, — говорит Ашер и звук его голоса успокаивает меня.

Я вкладываю свою руку в его, и удовлетворение скользит через мое тело, подавляя боль.

Он помогает мне встать на ноги, взгляд его серых глаз пронизывает меня, пока он очищает от травы мои волосы, ощущение от его прикосновений бодрит.

— Ты в порядке?

Опьянение гудит в моей голове.

— Я в порядке... — Господи, пожалуйста, просто возьми меня сейчас.

Он проводит пальцами по моей скуле, шее, горлу, весь путь до моей груди. — Эмбер... — шепчет он и похоть заполняет его глаза.

Я подавляю стон, моя голова откидывается назад.

— Я думаю... я думаю...

— Не помешала бы помощь, — раздается всхлип Рэйвен, возвращая нас в реальность.

— Я думаю с тобой все в порядке. — его глаза фокусируются на дверях школы, и блеск пропадает из них. — Но я думаю тебе нужно забрать свою подругу домой.

Рэйвен забила под дверь, вся в слезах.

— Эм, помоги мне. Пожалуйста. Я не знаю, что происходит.

Я присела перед ней.

— Давай, пошли домой, — когда я ставлю ее на ноги, сосредотачиваясь на прошлом видении её смерти, я замечаю, что Ашер и слизняк исчезли.

— Где этот парень? Рав, ты видела, куда он пошел?

— Забери меня домой! — кричит она, сжимая мою руку. — Сейчас!

Вздыхнув, я веду её к стоянке, по пути поднимая свою сумку. Задержав дыхание, я выдыхаю знамение ее смерти: *кровь под её головой, боль в её теле, дождь падает с неба*. Я опускаю Рэйвен на пассажирское кресло её машины и пристегиваю, затем поднимаю водительское сидение.

— Твои ключи у тебя? — я регулирую спинку, нажимая на рычаг.

Слезы льются из её глаз, пока она ищет ключи в кармане рубашки.

— Извини меня. Я не знаю, почему накричала на тебя.

Я сжимаю губы, сражаясь с желанием наорать на нее, включаю двигатель. — Извини за

что?

— Что бросила тебя, чтобы встретиться с Гарриком. — она закрывает лицо руками и плачет, её плечи дрожат.

— Ты кинула меня сегодня утром, чтобы побыть с этим парнем с тату на глазу? — я в шоке. — Он же полный урод.

— Он нравится мне, — говорит она, смаргивая слезы, её взгляд одержим.

— Он добрый, у него красивая улыбка и он вежливый.

— Нет, это не про него. — Я задом выезжаю с парковки, замечая, как Pontiac GTC Ашера вылетает со стоянки. — Ладно... куда он едет?

— Эмбер! — с ужасом в глазах кричит Рэйвен. — Пожалуйста, отвези меня домой!

Я катаюсь по району, позволяя ей выплакаться в течение нескольких минут, а потом делаю радио тише.

— Хорошо, ты должна рассказать мне какого черта с тобой произошло в ночь исчезновения Ладена, — требую я мягким, но решительным тоном. — И почему ты была с парнем, который, вероятно, подсыпал тебе снотворное.

— Он не делал этого, — протестует она, быстро мотая головой. — Это был еще один парень, с такой же татуировкой на глазу.

— Я знаю, что ты лжешь, — обвиняю ее. — У тебя глаз дернулся.

Она тычет себе в глаза.

— Я плакала. Конечно, у меня глаз дернулся.

— Я не верю тебе, — резко говорю ей. — Ты лжешь, и ты начала лгать мне ещё с той ночи. Ты сама на себя не похожа... Ты что, снова принимаешь наркотики?

— Конечно, нет. — она закатывает глаза.

Мы едем по мосту, когда ее глаза стреляют на среднюю полосу. Там витает слабый запах смерти в воздухе, а на фонарном столбе наклеена синяя листовка с лицом Ладена. Его машины уже нет на улице, но большой красный крест на асфальте все еще виден.

— Какой позор, — намек на веселье появляется в её голосе, и её глаза, со смазанной тушью, расширяются, пока она таращится на место, где пропал Ладен. — Он действительно хорошо целуется. — она наклоняется вперед и кладет голову на приборную панель, закрывает глаза, убирает волосы в сторону и обмахивает свое потное лицо. — Это так горячо... или не так уж и горячо?

Я заметила, что царапина на её лопатке выглядит немного воспаленной.

— Что случилось с твоим плечом?

Она прячет это место рукой.

— Все было немного грубо между Ладеном и мной. Он любитель бандажа.

Я крепко сжимаю губы.

— Такой грубый?

Она вскидывает голову, и ее взгляд обжигает огнем.

— К чему ты клонишь? Что я имею отношение к его смерти?

— Нет никаких доказательств, что он мертв. — я сворачиваю вниз по дороге, ведущей к нашим домам. — И я не говорила, что ты замешана в этом. Просто царапина выглядит зараженной.

— Да, неважно. Если кого-то и можно обвинить в его убийстве, так это тебя, особенно с твоим я-видела-как-он-стоял-у-моего-дома этим утром. Лучше следи за тем, что говоришь, Эмбер, или люди подумают, что ты псих, как и твой отец. Ой, подожди, они уже так думают.

В этот момент я ненавижу ее. Она не моя лучшая подруга и меня не волнует, увижу ли я её снова. Я хочу вырвать ее волосы, ударить ее и наорать во все горло.

— Ты должна рассказать мне, что случилось. В подробностях, — требую я, поворачивая на подъездную дорожку у ее дома. На парковке я с усилием разворачиваюсь и кладу руку ей на плечо. — Похоже, ты одержима дьяволом или что-то в этом роде.

Она косится на мою руку и затем из ее глаз пропадают все эмоции.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. — Она скидывает мою руку и выпрыгивает из машины.

Я вытаскиваю ключи из замка зажигания и выскакиваю за ней.

— Рэйвен, мы еще не закончили. Я беспокоюсь о тебе. Ты ведешь себя так, будто сошла с ума.

— А ты у нас эксперт в этом, Смертельная Девушка. — она кричит, а затем несется перед машиной, толкая меня в руку. — Мои ключи, пожалуйста.

Я швыряю ключи ей в ладонь.

— Спасибо, Эмми. И я имею в виду за все. Но, честно говоря, мне нужно отдохнуть от тебя. Ты такая обуза. — она плавно удаляется в свой дом и захлопывает дверь, оставляя меня на пороге, пылающую от гнева. Я мечусь у своего дома, но черная вспышка в деревьях заставляет землю у меня под ногами содрогнуться.

Тело Ладена висит на дереве в моем дворе, с веревкой на шее, с губ капает кровь. Его кожа посинела, а глаза безжизненно уставились на меня.

Смерть. Тишина.

Стараясь не паниковать, я нащупываю телефон в своей сумке и чуть не роняю его. Начинаю набирать полицию, но, когда оглядываюсь на дерево, телефон выпадает из моих рук. Тело исчезло, но кровь все еще окрашивает траву.

Глава 8

Я работаю кассиром на одной заправочной станции в нашем городе. Это скучное занятие, и я надеюсь, что не останусь здесь на всю жизнь.

После того, как я заканчиваю работать, я иду домой и направляюсь к компьютерному столу. Я остаюсь там в течении нескольких часов, пока слова на экране не начинают расплываться от многочасового поиска в интернете. Одержимость духом. Одержимость демоном. Культовые ритуалы. Ничего не объясняет, что происходит с Рэйвен. Или что происходит со мной.

Я переключаю свое внимание на Гаррика. Предвестник смерти никогда не был столь мощным. Это как почувствовать тысячи смертей, каждая как шип на умирающей розе, индивидуальна, но связана той же лозой жизни. Я начала набирать что-то на клавиатуре, когда голова Йена появляется над моим плечом и он читает на экране.

— Вау, я должен волноваться? — спрашивает он, читая мою историю поиска, нависая над моим плечом.

— Мы изучаем мифологию и человеческую природу на английском, — легко вру я.

— Ну, если тебе понадобится помощь, дай мне знать, — говорит он. — Я изучал мифологию для урока по рисованию маслом, я брал его на первом курсе. Профессор серьезно относился к этому дерьму.

— Да, конечно. — я дождалась, пока он уйдет, а потом ввела "X — тату" в поиске. Ничего не нашлось, так что я удалила "тату" и ввела "символ". Я прокрутила варианты и кликнула по ссылке про уничтожение.

Я прочитала в статье: «символ "X" имеет много представлений, одним из которых является уничтожение жизни». Я откинулась на спинку стула и скрестила руки.

— Ну, посмотрим. Это имеет отношение к смерти.

Все-таки, почему у Гаррика тату "X" на глазу? Может ли Гаррик... Может ли Гаррик быть причиной исчезновений? И почему у него так много предвестников смерти?

Я разминаю пальцы и набираю: Предвестники смерти. Я выделяю кнопку поиска курсором, вращаясь в кресле, колеблясь, прежде чем нажать её. Я бегло просматриваю результаты поиска, пока не наткнулась на эскиз ангела с опущенной головой, слёзы текут из глаз, оставляя черные потеки на щеках. Её темные крылья растянуты на всю страницу и мертвая роза осыпается с её руки. Костная модель татуировки на её руках и ногах и круглый камень на полу под её босыми ногами.

— Это же как ангел, которого рисовал Ашер, — бормочу я. «Мрачный Ангел» — название эскиза. — Это как смесь между Мрачным Жнецом и Ангелом.

Я ввожу в поиск «Мрачный ангел» и читаю вслух: «Мрачный ангел- это уникальная порода, невосприимчивая к большинству способностей Ангелов Смерти и Мрачных Жнецов. Если верить, Мрачные Ангелы были сумасшедшим проклятием от гибридного скрещивания Ангела Смерти и Мрачного Жнеца, которых мучает постоянное бремя смерти. Они могут страдать от провалов в памяти и потери разума, если не будут должным образом заботиться...» Я прочитала заметку вслух еще раз. «Провалы в памяти и общее бремя постоянной смерти». Я вздрогнула и посмотрела через плечо, просто убедиться, что у меня не выросли крылья. Но внутренний голос глубоко внутри меня не согласен.

После прочтения еще нескольких сайтов и не найдя ничего другого, я сдаюсь.

— Это что, из разряда чего-то мифического и секретного, о чем никто не должен говорить или что это?

Я отталкиваю стул, выключаю компьютер и плюхаюсь на диван рядом с Йеном.

— Мама дома?

Он переключает каналы на маленьком экране телевизора.

— Неа, она позвонила и сказала, что будет поздно.

— Ты проверял её пузырек с лекарством, он все еще полон?

— Да...и до сих пор полон. Она не принимала их как минимум неделю.

— Мы должны поговорить с ней об этом, — говорю я. — Она пришла прошлой ночью совсем пьяная и разглагольствовала о том, что папа убийца.

Йен делает телевизор потише и кладет пульт на подлокотник.

— А где был я?

Я указываю через плечо на лестницу.

— Наверху, на чердаке, со своей музыкой.

Он спокойно ерзает.

— Ты отвела её наверх?

Я хватаю горсть конфет Skittles из миски на журнальном столике и кидаю в рот.

— Да, отвела.

Он снимает свою шапочку, чтобы взлохматить волосы.

— Она была мила с тобой?

Я сжимаю губы и заставляю слезы отступить.

— Она была мила, кажется.

— Я вижу, когда ты лжешь, — Йен закатывает рукава рубашки и закидывает ноги на

стол. — Что она тебе сказала?

Йен в какой-то степени знает про мои напряженные отношения с матерью, но есть моменты, про которые я ему не рассказываю, например, про её обвинения в том, что я убила бабушку Нелли.

— Она была такой же приятной, как и обычно, — я зачерпнула горсть skittles и встала с дивана. — Я иду спать. Увидимся утром.

— Эмбер... — он пытается подобрать слова. — Ты знаешь, что можешь рассказать мне о любых проблемах. Мои лекарства помогают и думаю, что сейчас смогу с этим справиться.

— Я знаю, — говорю я, но он не сможет. Это в его глазах — страх, что я могла бы открыться и ему придется иметь с этим дело, так что я держала всё в себе. Авария, Рэйвен, смерть, тело Ладена, висящее на дереве. — Если мне захочется поговорить, ты будешь первым к кому я приду.

Он облегченно выдыхает и разворачивается обратно к телевизору, пока я тащусь в свою комнату, гадая, когда я сломаюсь.

Глава 9

Я не слышала и не видела Ашера весь следующий день и через день, а когда я ему написала о встрече, он ответил, что занят. По какой-то причине, меня это беспокоит. Я едва его знаю, но у меня внутри все сжимается в узел каждый раз, когда я вспоминаю, как он ощущался, когда прикасался ко мне. Как будто, я стала одержима его руками и губами, но, в то же время, мне не нравится, как сильно он поглощает меня.

Я в городской библиотеке, спряталась за столом в самом дальнем углу, пишу стихи о моем разочаровании с раскрытой книгой на ногах.

Посреди туманного поля спрятаны ответы

Но невозможное путешествие запрещено.

— Я уже говорила тебе, как сильно я сожалею, — сказала Рэйвен, двигая по столу шоколадный батончик.

Я взглянула из-за журнала.

— Сколько раз ты собираешься извиняться? — я беру шоколадный батончик. — Мои зубы сгниют, если ты не прекратишь.

— Столько, сколько потребуется, чтобы ты приняла это, — она достает журнал из своей сумки.

— Как ты узнала, что я здесь? — спрашиваю я.

Она улыбается.

— Ты всегда здесь, когда не на работе или не на уроках. Я думаю, ты просто можешь быть одержима словами.

Этим и красивым мужчиной с пирсингом. Но в слух говорю совсем другое:

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— О чем ты пишешь? — она сдвигает ремешок на своем топе, чуть выше и слой кожи слезает с ее лопатки.

Я царапаю название «Неизвестный» наверху страницы.

— Материя. Жизнь... Знаешь, ты должна показаться врачу. Я действительно думаю, что это заразно.

Она смахнула кожу на пол.

— Я уже была у врача, и он сказал, что все нормально, — её глаз дергается, и она делает вид, что убирает тушь с ресниц.

Кружу ручкой по листу, получается плохой эскиз Ангела.

— Ты можешь умереть от инфекции. Ты знаешь это?

Она снимает еще слой кожи, у нее как будто линька.

— Но ты знаешь, когда я умру и, если бы это было от инфекции, ты бы заставила меня пойти в больницу.

Она есть у меня здесь. Под названием своего стиха я пишу:

Жнец Смерти, Ангел Жизни.

Они ходят вместе днем и ночью.

— Рэйвен, ты когда-нибудь слышала о Мрачном Ангеле? — спрашиваю я.

Она стучит своими накрашенными ногтями по столу, обдумывая.

— Возможно... я видела в одной книге, когда готовила свой проект по живописи ангела. Но, я не могу точно вспомнить что это. А что? Что-то случилось?

— Просто, я смотрела кое-что в интернете прошлой ночью, и я наткнулась на один рисунок. Я никогда не слышала о них раньше.

— Почему ты смотришь что-то об ангеле в интернете?

— Я работаю над стихотворением, — я лгу беззаботно. — У тебя все еще остались те книги?

Она качает головой, ее розовые волосы собраны в пучок.

— Я вернула их сюда, и они были по специальному заказу, так что я не знаю здесь ли они еще.

Я понижаю голос, так как библиотекарь ходит и стреляет в меня грязным взглядом.

— Ты помнишь что-нибудь о них?

Она переворачивает страницу журнала.

— Только то, что они представляют собой смесь между Мрачным Жнецом и Ангелом Смерти. И то, что они суперсумасшедшие большую часть времени.

— Как именно происходит их безумие? — спросила я. — Я имею в виду, что определяет их как безумных? Они делают сверхъестественные вещи или декламируют бессвязные идеи?

— В книгах говорилось, что они тайно убивают невинных людей и забирают их души, — объясняет она. — Как будто — это игра или что-то типа того. И они страдают от галлюцинаций.

Мне нужно получить эти книги в свои руки.

— Так что у тебя с Ашером? — она резко меняет тему.

Я прекратила рисовать и посмотрела вверх.

— Что ты имеешь в виду?

Она давит меня взглядом из-за журнала.

— Не прикидывайся дурой, *Эмбер Роуз Эдвардс*. Ты знаешь, о чем я говорю- наш рыцарь в сияющих доспехах и причина, почему ты всю неделю была расстроенной.

— Я не прикидываюсь, *Рэйвен Лили Монро*, — возражаю я. — Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Рейвен сжимает губы со злобным взглядом в ее сапфировых глазах.

— Итак, ты не положила глаз на темноволосого незнакомца, который спас тебя от приступа видений смерти и который показал тебе свой рисунок Ангела... Хотя, как ты заиклилась на нем, я думаю, он показал тебе и что-то другое.

Я ненадолго представляю картину, как бы он выглядел голым, а затем сосредотачиваюсь на своем стихотворении.

— Я думала, у тебя что-то к нему есть. Разве он не причина твоего срыва в моем шкафу... И подожди, откуда ты знаешь про картину?

Она хихикает.

— Ох, Эмм, ты такой бунтарь. Ты не можешь целоваться с кем-то в арт-студии и ожидать, что никто не узнает об этом. — она промокает слезы в уголках глаз. — И я полностью забыла об Ашере. Парни для меня как туфли, ты ведь знаешь. Я надеваю их единой дугой, а затем становится скучно.

Я так сильно нажимаю на бумагу, что карандаш ломается.

— И фактически ты надевала Ашера?

Она осуждающе тычет в меня пальцем.

— Сам факт того, что ты спросила об этом, обозначает, что он тебе нравится. Что же, я думаю сейчас самое время узнать, где он. Если нравишься ему.

— Рэйвен, я же не во втором классе, — я откинулась в кресле и бросила карандаш в мусорное ведро.

Она осаждает меня взмахом руки.

— Позвони ему. Ты говорила, он дал тебе свой номер?

— Я уже пробовала писать ему, он сказал, что занят, — говорю я и закрываю журнал. — Знаешь, я думаю мне нужно забыть о нем. Слишком много всего происходит в моей жизни. — я закидываю сумку на плечо, но она хватается за ручку и вырывает её у меня из рук.

— Например? — она пятится, покачивая сумкой перед собой. — Твоя жизнь довольно проста, Эмм.

— Рэйвен, — предупреждаю я, когда она отступает в ближайший проход между стеллажами. — Даже не думай об этом. Клянусь Богом, я никогда не прощу тебя, если ты позвонишь ему.

— Не обманывай себя, Эмм. Ты всегда прощаешь меня, чтобы я не сделала, — резко развернувшись в своих сапогах с высоким каблуком она бросилась бежать по коридору.

Я побежала за ней, кипя от злости, когда она достала мой телефон и бросила сумку на пол. Я перепрыгиваю через сумку и хватаю её за рубашку, пока она нажимает на кнопки. Девушка в конце коридора отступает назад, глаза широко раскрыты, ноги трясутся, вероятно, она думает, что я пытаюсь убить Рэйвен. Рэйвен смеется, вырываясь из моей хватки и, проскальзывает за угол стеллажа, намеренно сбив несколько книг с полки.

— Рэйвен, пожалуйста, не звони ему, — я спотыкаюсь об книги и поворачиваю за угол. Она прижимает телефон к уху и отворачивается от меня, но подворачивает лодыжку и плюхается прямо на задницу.

Я прыгаю на неё, случайно стукнувшись об неё же коленом, и пинаю ряд книг на полу своим ботинком. Её смерть льется сквозь меня, но я выдыхаю ее.

— Отдай мне мой телефон.

Она смеется, пока я пытаюсь вырвать свой телефон у неё из пальцев. Она перекачивается на спину и волочит себя по полу, отталкиваясь ногами, а я ползу за ней.

— Привет, Ашер, это Рэйвен, — говорит она в телефон, и я прищуриваю глаза. — Позвони Эмбер, когда будет возможность. Ей нужно знать все ли с тобой в порядке и нравится ли она тебе, потому что это сводит её с ума. В прямом смысле.

Я сильно щипаю её за руку.

— Ты самый плохой друг на свете.

— Ой... — смеется она, закинув голову назад. Слезы от смеха наполнили ее глаза, пока она говорит по телефону. — На самом деле это вопрос жизни или смерти — она должна знать, как можно скорее. — Рейвен кладет трубку.

Я свирепо смотрю на нее и вырываю телефон из ее руки.

— Спасибо большое. Теперь он подумает, что я сумасшедшая.

— Правда? — она невинно взмахивает ресницами. — Кроме того, я просто пыталась помочь и тебя не должно волновать, что подумают другие люди. Ты пережила гораздо более худшее, чем, если какой-то парень подумает, что ты сталкер.

Я поворачиваюсь спиной, прокладывая расстояние от нее и её смерти.

— Не знаю почему, но я волнуюсь.

— Я бы не стала надеяться, — говорит она тяжелым взвешенным тоном. — Такие парни, как Ашер, не смотрят на таких девчонок, как ты. Они больше подходят мне.

Я не удивлюсь, если вся эта сцена была, чтобы Ашер подумал, что я безумна, тогда она сможет забрать его.

— Рэйвен, ты уверена...

Камерон прогуливается мимо нас, и я перестаю говорить, пока он, приподняв брови, смотрит, как мы с Рэйвен выползаем из кучи книг.

Он останавливается около нас и его губы кривятся в ехидной ухмылке:

— Мне очень любопытно, что привело к этому. Это был несчастный случай или это начало чего-то странного?

— Мы упали, — говорю я, прежде чем Рэйвен начнет рассказывать какую-нибудь грязную историю, а потом я хватаюсь за полку над моей головой и встаю на ноги.

Рэйвен тянет руку к Камерону и надувают нижнюю губу.

— Помоги, пожалуйста.

Камерон берет ее руку и тянет вверх. Она специально спотыкается и хватается за его плечи.

— О Боже мой, — она сжимает его бицепс. — Ты, должно быть, постоянно работаешь над этим.

Он убирает её руку со своего бицепса.

— Не совсем.

— Мы должны идти, — говорю я Рэйвен прежде, чем она опозорится еще больше.

Она обольстительно улыбается Камерону и перекидывает волосы прежде, чем пройти мимо него, преувеличенно покачивая задницей.

— Увидимся позже, Эмм, — она показывает на меня пальцем и заворачивает за угол.

— Извини за это, — говорю я Камерону, обходя стеллаж и поднимая свою сумку с пола, куда Рэйвен бросила ее. Когда я поворачиваюсь обратно, я практически сталкиваюсь с ним.

Он не отступает назад, смотрит на меня своими голодными глазами, как будто мог бы съесть меня.

— Ты обронила, — он протягивает мне мой телефон.

Я бросаю телефон в сумку и отступаю назад.

— Мне очень стыдно за Рэйвен. Она может быть немного...иногда слишком дружелюбной.

— Я думаю, у неё одни проблемы, — сообщает он мне с ленивой улыбкой.

— Разве не все? — я беру книгу, чтобы отвлечься от похоти в его глазах.

Он берет книгу у меня из рук, его пальцы почти касаются моих, но не совсем и тогда он

бросает книгу на полку.

— Итак, я перейду сразу к делу. Я думаю, мы должны пойти на свидание.

— Пойти на свидание? — я поднимаю брови. — Серьезно? Ты и я?

— Почему ты так удивлена? — спрашивает он, забавляясь.

Я смотрю на свои черные джинсы, перчатки без пальцев и безрукавку в красно-черную полоску, а затем на его черную рубашку на пуговицах и брендовые джинсы.

— Я думаю, это очевидно.

— Мы не такие разные, как ты думаешь, — с уверенностью убеждает он меня. — Тебе нравится поэзия, правда? Так что я думаю, мы могли бы сходить на поэтическую дуэль.

Я фыркаю со смешком.

— Жаль тебя разочаровывать, но здесь нигде нет поэтической дуэли. На самом деле, ближайшее, что ты сможешь найти — это банджо в ночной забегаловке «Картофель Фри от Мамочки». (*Банджо- струнно-щипковый музыкальный инструмент, род гитары с резонатором (расширенная часть инструмента крыта кожей, как барабан); 4–9 струн.*)

Он смеется и страдание мгновенно стирается из его взгляда.

— Думаешь, я не знаю этого, — он движется на дюйм вперед и мысок его ботинок зажимает мысок моих. — Однако, в субботу вечером есть поэтическая дуэль в Джексоне.

Я невзначай отступаю назад, оглядывая комнату прежде, чем мы случайно соприкоснемся.

— Что насчет Маккензи?

Шагом он подходит ко мне, наступая на меня, тепло от его тела всю меня обволакивает.

— А что с ней?

— Вы встречаетесь или что? Я множество раз видела вас вместе в городе, — локтем я задела шкаф и опрокинула книги с полки.

— Мы просто друзья, — он скрещивает руки на груди и небрежно прислоняется к книжной полке.

— Да, но перестанете ими быть, если ты пойдешь со мной, — говорю я и, он имитирует озадаченный взгляд. — Ох, не притворяйся, будто не слышал, что люди говорят обо мне: сектантка, поклонница Сатаны, убийца.

— А ты разве не слышала, что мне нравится проводить время на кладбище, раскапывать могилы. — он наклоняет ко мне голову, и его теплое дыхание опалает мои щеки. — Скажи «да», Эмбер. Пожалуйста. — его умоляющий тон заставляет мое сердце екать.

Мой разум кричит, что это неправильно, вся ситуация в целом, но меня тянет к нему словно он магнит, а я сварена из металла.

— Хорошо, — говорю я, пораженная своим ответом. — Так у нас свидание.

Он отступает спиной к двери.

— Я заеду за тобой завтра в восемь, — он сверкает своей совершенной улыбкой и толкает дверь.

— Я ненавижу это, — жалуется Рэйвен позже в тот же день в библиотеке. Я заставила ее остаться со мной в библиотеке, пока я искала книгу о Мрачном Ангеле и затем она сможет отвезти меня домой. Я еще не рассказала ей о своем свидании с Камероном, потому что знаю, что она психанет и устроит сцену.

— Я буду не слишком долго, — говорю я, продолжая поиск по каталогу книг.

— Ты не можешь просто поискать в интернете?

— Я уже искала.

— Отлично. Я иду в соседнюю дверь взять содовую. Когда я вернусь, тебе лучше закончить. — Рэйвен хватает свою сумку и журнал и выходит наружу.

Здесь нет книги, которую я ищу, поэтому я закрываю каталог и иду к стойке. Мисс Кинсли, библиотекарь среднего возраста с каштановыми волосами и зелеными глазами, смотрит в компьютер.

— Чем могу помочь? — её сдержанный тон, вероятно, означает, что она знает, кто я.

— У вас есть книги, — говорю я, — сфокусированные на более необычных существах мифологии?

Она что-то набирает на клавиатуре.

— Может быть в конце, в разделе мифологии, но я не знаю, на чем они сфокусированы.

— Спасибо, — говорю я и иду к книжным полкам. В конце раздел мифологии и я достаю самую тяжелую книгу, которую могу найти и устраиваюсь на полу. В каталоге нет ничего под названием Мрачные Ангелы, но есть раздел «Проклятие Ангелов».

Проклятие Ангелов — это результат битвы, которая произошла очень давно. Большинство относится к этому, как к битве между добром и злом, но в течение времени люди больше верили в зло.

Битва, якобы, началась со спора за души. Ангелы Смерти были перевозчиками невинных душ, а Мрачные Жнецы — злых душ. Однако, когда Жнецы стали жадными и начали похищать души невинных, борьба вспыхнула между ними. В качестве наказания, Михаил, владыка Ангелов Смерти, и Абаддон, повелитель Жнецов, низвергли воинов на землю и связали их с потомками, которые несли в себе обе группы крови.

Мрачный Ангел — на половину Мрачный Жнец, на половину Ангел Смерти- ходит по земле на протяжении многих веков незамеченный людьми. Лишь бы они были свободны, когда последний Мрачный Ангел сделает выбор между добром и злом.

Следующий раздел переключается на Легенды Фей. Я скребу пальцем по верху книги, не имея представления, что делать с тем, что я прочитала. Я начала ставить книгу обратно на полку, когда мокрые капли стали стекать сзади моей шеи.

Я вытерла их, оглянувшись назад, а затем посмотрела на руку.

— Кровь? — я взглянула на потолок и кровь брызнула мне на лоб. Я быстро вытираю ее и вскакиваю на ноги. С потолка на веревке висело тело Фарры Таверсон, ее средневековое платье пропиталось кровью, а глаза кровоточили.

— О, Боже мой, — выдыхаю я, пятясь назад. Что мне делать? Что мне делать? Протираю глаза, но она остается там, ноги качаются от ветерка из вентиляции рядом с её головой.

Я отхожу к краю шкафа, когда врезаюсь в кого-то. Я оборачиваюсь, выдыхая громко.

— Дерьмо.

— Эмбер, ты в порядке? — Камерон смотрит на меня и его взгляд падает на мой лоб.

— Ты ушиблась?

Я вытираю лоб рукавом рубашки и вижу на нем кровь.

— Мммм... — Я оглядываюсь на потолок, ее тело исчезло, но кровь настоящая.

— Должно быть, я поцарапалась о край полки, когда вытаскивала книгу, — лгу я.

Он опасно рассматривает меня.

— Ты уверена, что в порядке? Ты выглядишь, будто тебя сейчас стошнит или что-то вроде этого.

— Я в порядке, — сглотнула я, возвращаясь к столу.

Он следует за мной.

— Ты собираешься идти сегодня на кладбище?

— Не думаю... я действительно думаю, что мне нужно немного отдохнуть.

— Так, народ, — мисс Кинсли встает со стула и закрывает свой выключенный ноутбук. — Каждый должен забрать свои вещи и покинуть библиотеку. Мне нужно запереть её пораньше, чтобы пойти на собрание.

Пока я собираю свои книги и сумку со стола, Камерон убирает остатки крови с моих волос рукавом своей рубашки.

— Такой позор, — он ехидно ухмыляется. — Я умру от одиночества, но я думаю, могу подождать до завтра.

— Об этом, — я хочу все отменить, не желая добавлять еще больше трещин в своей броне. — Я думаю, что я...

— Я заеду за тобой в восемь, — он перебивает меня, почувствовав отказ. Пятясь, он проводит рукой по светлым прядям своих волос. — Обещаю, я доставлю тебе наслаждение, о котором можно только мечтать. — его слова посылают озноб по моей коже.

— О Господи, — Рэйвен подбегает ко мне с сумочкой на плече, в руке ключи от машины и бутылка содовой.

— Ты слышала?

Я качаю головой, мои глаза сфокусировались на Камероне, выходящем за дверь.

— Нет, что?

— Тело Фарры Таверсон было найдено рядом с озером — говорит Рэйвен, пока мы выходим из библиотеки и шагаем на тротуар. Улицы устрашающе пусты, как, если бы город стал — призраком.

— Я полагаю, она рассказала нескольким друзьям, что собирается идти искать Ладена. Какие-то лодочники нашли ее плавающей в воде с ножевыми ранениями, и у неё были перья в карманах платья. Они думают, что это убийство. И, наверно, тот, кто убил Ладена и твоего...

— Никто не нашел их тел. — мое сердце разламывается на мелкие кусочки и часть меня будто ударили ножом в живот. — Они могут быть и не мертвы.

Она дарит мне жалостливый взгляд.

— Да, возможно.

Я проглатываю комок в горле.

— Откуда ты знаешь это?

Она наклоняется и шепчет,

— Я слышала, как тот парень разговаривал с копом об этом, пока я шла на заправку.

Что если Рэйвен говорит правду? Как я увидела тело? Может, мои предвестники смерти развиваются, и теперь я могу видеть их, не касаясь кого-то? Я не уверена — я ни в чем больше не уверена.

— Что случилось, Эмм? — спрашивает Рэйвен, открывая свою машину. — Ты как будто увидела приведение или нечто.

Или нечто.

— Я в порядке. — я хмурюсь, открывая пассажирскую дверь.

Рейвен с сомнением хмурится на меня поверх автомобиля.

— Ты уверена?

Я киваю, ныряя в машину.

— Да, абсолютно, стопроцентно, в порядке.

— Хочешь узнать кое-что действительно жуткое, — говорит Рэйвен, поворачивая ключи в зажигании. — Я получила странное сообщение от Фарры, и теперь мне интересно, связано ли это как-то с этим. Как будто ее преследовал убийца, и она начала бояться.

— Почему она прислала тебе это сообщение? — я достаю телефон и проверяю сообщения. — Я не знала, что вы были друзьями.

— Мы много говорили в изо-классе, — она вытягивает голову и выезжает с парковки.

Я швыряю мобильник в сумку.

— Что было в сообщении?

Она пристально смотрит на меня внимательным взглядом.

— *Бойся Жнеца.*

— О, Боже мой! О, Боже мой! — Рэйвен подпрыгивает в центре моей спальни, держа меня за руку. Её браслеты звенят, а глаза сияют наравне с её блестящей подводкой для глаз. — Это же замечательно. Почему ты в машине мне не сказала?

— Потому что я знала, что ты захочешь попрыгать, образуя опасность на дороге. — я пошевелила свободной рукой, стряхивая её смерть. В последнее время, мне действительно плохо от её прикосновений. — Но тебе не кажется немного странным, что он пригласил меня на свидание? Я имею в виду, я совсем не его тип.

Она падает на мою кровать и драматично прикрывает голову руками.

— О, Эмм, ты иногда такая наивная. — она выглядывает из-под руки. — Ты когда-нибудь читала любовные романы, которые я тебе давала? Там есть много хороших советов про то, что потом происходит, — она смеется.

— Я знаю, как все происходит. — я чувствую себя дерьмово, но стараюсь вести себя, убеждая, что все произошедшее с Фаррой — это всего лишь мой развивающийся предвестник смерти. — Но я все еще не знаю, должна ли я идти...

— Ты сомневаешься из-за Ашера? — она морщится. — Потому что я не думаю, что тебе нужно с ним встречаться.

Я проверила свои сообщения и кинула телефон на комод.

— В библиотеке ты говорила обратное.

— Нет, я сказала, что ты должна позвонить и выяснить, нравишься ли ты ему. И, очевидно, он так и не перезвонил. — её губы растягиваются в улыбке, когда она выглядывает из-под руки. — И теперь у тебя есть высокий сексуальный блондин, который хочет тебя.

— Это просто свидание, — я пишу слово одиночество на моей стене, а затем ниже: *Знаешь ли ты меня вообще? Мои слова просто воздух? Легко ли уберечь своё сердце?* — И у меня его нет.

Она привстает на локтях и хмурится на мои слова.

— Зачем ты это написала?

Я пожала плечами и обвела в кружок слова: ты, мое и сердце.

— Почему я пишу что-то?

Она вскакивает с кровати, берет маркер у меня из рук и очерчивает письмо на буквах, пока они не превращаются в небольшой замысловатый эскиз Ангела. Затем она щелкает крышкой и отдает мне маркер.

— Вот. Так-то лучше.

Мы замолчали, и она стала собирать свою сумочку.

— Я пошла. Позвони мне завтра, прежде, чем идти на свидание и, если он хорош в постели, так же, как и выглядит... И надень что-нибудь сексуальное, что подчеркнет твои изгибы. — она осмотрела мою одежду и выскользнула в коридор.

Я падаю на кровать и беру любовный роман с прикроватной тумбочки. С каждой страницей у меня все больше вытягивается лицо, не от того, чем они занимаются, а от дешевой пошлости. Меня спасает телефонный звонок. Я отбрасываю книгу в сторону и хватаю телефон с тумбочки.

Я зевнула и вытянула руку.

— Алло.

— Привет, это я, — говорит Ашер.

Я медлю.

— Привет.

Он мнется.

— Послушай, Эмбер, мы можем лично кое о чем поговорить? Есть кое-что очень важное, что мне нужно рассказать тебе.

— Мммм... Если ты о сообщении, то это Рэйвен оставила его.

— Отчасти. — его тон осторожен. — Но есть еще кое-что, что я хочу показать тебе.

— Хорошо... Во сколько ты будешь здесь?

Его мрачный тон не ослабляет напряжения.

— Могу я забрать тебя в течение пятнадцати минут?

Я говорю ему «да» и мы прощаемся. Я надеваю черный жилет с клепками поверх своей черно-красной безрукавки, затем натягиваю пару дырявых джинс и ботинки. Я жду Ашера на диване в гостиной, стараясь не слишком заикливаться на том, что увижу его. Йена нет дома, и я не видела свою мать с тех пор, как она сказала, что я превращусь в убийцу, как и мой отец. Но это происходит, только когда она много пьет. Мой отец не был убийцей. Он любил драки в баре и делал некоторые сомнительные вещи, но он никогда никого не отправлял в могилу.

Я включаю телевизор, но спутник отключен.

— Она опять забыла оплатить счета? — я набираю мамин номер, но она посылает меня на голосовую почту. Я кладу трубку и ищу ящик со счетами. Здесь груда газет, батареек, кнопок, ручек, но не счетов.

Вдруг выключается свет и дом задыхается в темноте, за исключением слабого света, пробивавшегося сквозь шторы.

— Ладно... За электричество она тоже забыла заплатить? — я шарю в ящике и достаю фонарь. Я освещаю комнату пока иду к двери. Половицы скрепят под моими ногами, и я слышу тяжелое дыхание.

Я не одна.

Мой ботинок цепляется за что-то твердое, и я падаю лицом на пол, а фонарик вылетает из руки и катится по полу. Мои ноги запутались обо что-то, и тишина его тела пугает больше, чем, если бы я видела его смерть.

— Ашер? — я шурюсь на темноту у моих ног.

Темная фигура медленно поднимается с пола. Голова огромная, руки длинные и голова простирается к потолку. Капюшон стекает на землю и защита с лица спадает. Нет, это не Ашер.

— Эмбер, — выдыхает он, доходя до меня. — Не бойся. Ты знаешь, я никогда не причиню тебе вреда.

— Черт побери, держись от меня подальше, — я переворачиваюсь на живот, опираюсь на стол, поднимаясь на ноги и бегу через всю комнату за фонариком. Я забираю его и вращаю по кругу, освещая всю комнату. Но он ушел.

Я возвращаюсь к двери, доставая телефон из кармана. Я набираю номер Йена.

— Давай, давай, давай...

Звонок в дверь. Вздвигнув, я роняю телефон на пол, и задняя часть разлетается. Чертыхаясь, я хватаю куски и быстро распахиваю дверь.

Ашер выглядит сексуальным как ад, и мои ноги почти подкашиваются при виде него. Его чернильно-черные волосы свисают на его сланцевые глаза (темно-серые), и рукава его черной рубашки закатаны, демонстрируя его худые руки. Мои глаза спускаются ниже, туда, где его джинсы низко сидят на бедрах, и я представляю, как скольжу поцелуями вниз по его прессу и чувствую его через джинсы, как это было со мной в изостудии.

Черт, Рэйвен и её грязные книги. Они вскружили мне голову.

Он прикрывает глаза руками.

— Ты слепишь каждого парня, который появляется на твоём крыльце? — шутит он.

Я выключаю фонарик и бросаю его на стол.

— Извини, свет отключили.

Я закрываю дверь за собой и выхожу наружу, мы, молча, идем к машине и садимся в неё. Через окно гостиной гость наблюдает за мной, и я не могу отвести от него взгляд.

— На что ты смотришь? Забыла что-то выключить?

Я отрываю внимание от дома. Отвернуться от *него*.

— Нет, все хорошо. Так что ты хотел мне показать?

Он ухмыляется, выезжая на дорогу.

— Это сюрприз.

Я стараюсь быть счастливой, но сильно отвлекаюсь на возвращение старого друга, Мрачного Жнеца. В последний раз, когда он появился, он разрушил мою жизнь.

Глава 10

Впервые я увидела это создание, окутанное тайной, когда меня отправили жить с отцом. Я назвала его Мрачный Жнец, но только потому, что он выглядел как Хранитель Смерти. Когда я была маленькая, то думала, что он мой воображаемый друг, потому что кроме меня его никто не видел. После того, как он исчез из моей жизни, он появлялся еще один раз, прямо перед исчезновением моего отца. Он сказал, что в течение нескольких минут мой отец умрет, я запаниковала и позвонила в полицию, сказав им, что Патрик Эдвардс умирает. Это было одной из самых больших ошибок в моей жизни и поставило меня под большое подозрение.

Я смотрю на размытые силуэты деревьев, пытаюсь убедить себя, что я не видела Мрачного Жнеца, что он был лишь плодом моей фантазии. Небо затянуло тьмой, а поля и дворы накрыло тенью.

— С тобой точно все в порядке? — Ашер едет по главной дороге в сторону окраины города. — Ты кажешься немного рассеянной сегодня.

— Что? — я отвернулась от окна.

Вздвигнув, он наклоняется и берет мою руку.

— Тебе, наверное, интересно где я был последние несколько дней и почему я сбежал

после того случая с тем парнем с тату на глазу.

— Ты говоришь про Гаррика, — уточняю я. — И мне не интересно... Ты не обязан мне объяснять, Ашер. Я не твоя подружка, так что...

Он переплетает наши пальцы, и спокойствие моментально испаряется из моей головы. Внезапно, мой Мрачный Жнец и моя проблема с видениями Смерти становятся несущественными.

Ашер спрашивает.

— Ты знала Гаррика?

— Да, я встретила его на вечеринке, — объясняю я, стараясь не дрожать, пока он обводит кончики моих пальцев. — Перед тем, как встретила тебя.

— Ты встречалась с ним до или после нашего разговора в ту ночь?

— После. Он был прав. Прежде чем я кинулась догонять Рэйвен... Он сказал мне, что кто-то возился с моей машиной.

— И тогда у твоей машины отказали тормоза, — он стучит костяшками по рулю в такт мыслям. — Интересно, если...

— Если что? — говорю я с нажимом. — Ашер, ты знаешь этого парня? Это он возился с моими тормозами в ту ночь? Потому что он сказал мне, что кто-то возится с моей машиной, и я начинаю задумываться если это был он, то он мог быть и тем водителем.

Он скользит своей рукой под мою ладонь, и кладет её на коробку передач, я чувствую, как перчатка соскальзывает с моих пальцев.

— Эмбер, ты когда-нибудь слышала об Анамотти? — спрашивает он, и я качаю головой. — Ну, этот термин распространен во многих районах Нью-Йорка, в том числе и там, где я жил... Он означает что-то типа тайного сообщества.

— В каком районе ты жил? — интересуюсь я.

Он помедлил, поймав мой взгляд.

— Верхний Ист-Сайд.

— Так это тайное сообщество для богатых людей.

— Типа того.

— Я в смятении, — признаюсь я. — Какое это имеет отношение к Гаррику? Он член сообщества?

Он тревожно вертит в руках освежитель воздуха на зеркале заднего вида, переворачивая его.

— Да, он был... является его частью.

— Так Гаррик тоже из Нью-Йорка? — спрашиваю я. — Я не хочу показаться грубой, я не уверена, но мне кажется, что ты, Камерон и Гаррик переехали сюда в одно время и все из Нью-Йорка.

— Гаррик не переезжал сюда из Нью-Йорка, — сообщает Ашер приглушенным голосом. — Я сказал, что этот термин распространен во многих районах, но это не значит, что каждый член Анамотти живет там.

— Но, тем не менее, как ты узнал, что Гаррик является частью Анамотти? — интересуюсь я, слой за слоем сдирая черный лак с ногтей. Ужасная привычка.

— У него есть тату в виде "X", — Ашер пальцем показывает знак "X" на глазу. — Это символ Анамотти.

— Так что они значат? — я вспоминаю все, что нашла в интернете об этом символе. — О чем их тайное сообщество? И почему у всех есть такая тату?

Он беспокойно барабанит по коробке передач, его грудь приподнимается, когда он делает судорожный вздох и сплетает наши пальцы.

— Я боюсь, это может напугать тебя, тем более, что Гаррик заинтересован в тебе. — он подносит мою руку ко рту и задевает своими мягкими губами костяшки моих пальцев.

— Нет, похоже, он заинтересован в Рэйвен. — неспособная помочь себе, я глажу его ладонь большим пальцем. — Я думаю, он был с ней ночью, когда Ладен исчез.

— Может быть, — говорит он печально. — Но я думаю, он использует Рэйвен, чтобы подобраться к тебе.

— Для чего? — я начинаю вытаскивать руку. — И как ты узнал об этом... Ты тоже часть Анамотти?

— Я не могу сказать тебе прямо сейчас. — его рука сжимает мою, во взгляде мольба. — Я хочу, чтобы ты поверила мне. Мне нужно... Нам нужно провести некоторое время вместе. — Честность полыхает в его взгляде. — Пожалуйста, просто поверь мне, Эмбер.

Это странный ответ, но не принять его было бы как "уж кто бы говорил, а ты бы помалкивала".

— Ладно, я смогу подождать, я думаю.

Отпустив мою руку, он притягивает мое лицо и запускает пальцы в мои волосы, слегка дергая у основания и посылая разряд удовольствия через мое тело. Господь Всемогуший.

— Спасибо за доверие, — его голос закрепляет чувство тепла в моем теле, пока его пальцы скользят от моих волос к скуле.

Мы оставляем солнечную часть города позади и въезжаем в его мрачную часть, в которой старые и ветхие дома и склады заменяют старомодные магазины и рестораны. Ржавые машины загромаждают дворы, а табачные магазины заполняют бизнес секции. Это пугающе, когда в такой части города чувствуешь себя как дома.

Я сконцентрировалась на Ашере.

— Так, где это таинственное место, про которое ты говорил мне?

Он кладет руку на коробку передач и переключается на первую скорость.

— Это своего рода сюрприз, но я думаю, сначала нам нужно поесть. Я имею в виду, если ты не возражаешь.

Я опускаю окно и впускаю прохладный ветерок.

— Да, я не возражаю.

— Ты уверена, что тебя больше ничто не беспокоит? — спрашивает он. — Ты выглядишь немного... грустной. Или печальнее, чем обычно.

Ветер треплет мои волосы, и я закрываю глаза, вдыхая холодный воздух.

— Я в порядке. Обещаю. — я прячу грусть так далеко, насколько это возможно, и открывая глаза, вызывая небольшую улыбку. — Просто, на самом деле, я очень голодная.

— Хорошо. — он улыбается и поворачивает машину на переполненную стоянку "Шалости и развлечения у Фила". — Хмм... — Ашер смотри на вывеску. — Интересно, какого рода удовольствие он имеет в виду.

— Ты и не представляешь, — говорю я. Это бар, где ошивался мой отец, и я слишком хорошо знаю, какие бои идут внутри.

— Ты была здесь? — Ашер выключает двигатель и вытаскивает ключи.

— Раз или два. — я опускаю немного правды. — И я думаю, здесь вход по документам.

— Они про это не слышали, — он указывает пальцем на молодую парочку, которые ходят внутри, обнявшись. — И, я думаю, мы ходим с ними в школу.

— Да, возможно, ты прав, — я тяжело вздыхаю. — Я думаю, они впустили несовершеннолетних.

Мой отец часто приходил сюда и брал меня с собой. Я сидела в углу кабинки, раскрашивая картинки, в то время как он напивался до оцепенения, философски разглагольствуя об идеях жизни и смерти, при этом злил кого-то, чтобы с ним подрались. Затем Фил, владелец, который был мне как второй отец, грузил нас в свой Шевроле и отвозил домой.

— Ты не знаешь, здесь хорошая еда? — Ашер открывает дверь машины и выходит.

— Да, еда, обслуживание — все великолепно. — *за исключением воспоминаний.*

Прежде чем я выбираюсь из машины, Ашер спешит и открывает мне дверь, помогая выйти. Парень взрывает мне мозг своими джентльменскими замашками, и если бы я не знала лучше, то подумала бы, что он пришел из прошлого. Он взял меня за руку, пока мы шли по парковке, улыбаясь мне, будто я лучше всех на свете. Перед входом в бар выстроился ряд мотоциклов, неподалеку имеется и лавочка для курящих. Окна бара прикрыты мигающими неоновыми вывесками и листовками.

На входе Ашер отпускает мою руку, но только, чтобы открыть дверь. Я отгоняю дым от лица пока дверь плавно закрывается, а затем Ашер возвращает мою руку в свою. Бар полон, музыка грохочет, и нет свободных барных стульев. Пауки и ведьмы из папье-маше свисают с потолка, а на каждом столе есть миниатюрные тыквы.

— Привет, ребята. Меня зову Эми и сегодня я буду вашей официанткой. — перед нами появляется бойкая девушка двадцати с небольшим лет. Ее черная юбка едва прикрывает ноги, а ее белая рубашка достаточно тесная, чтобы показать, что она не носит лифчик — Сегодня вечером у нас только кабинки. Подойдет?

— Что ты думаешь? — спрашивает Ашер, смотря на меня. — Кабинки — это же хорошо?

— Кабинки лучше, — отвечаю я.

— Хорошо, — официантка ведет нас сквозь дым, и люди радостно расступаются перед ней.

Мы устроились за угловым столиком, сидя друг напротив друга, и она протягивает нам меню и плавно удаляется в сторону бара. Бармен сегодня Фил. Он огромный мужчина с покрытыми татуировками руками и шеей, его бритая голова отражает слабый свет, а его эспаньолка касается нижней части шеи. На нем футболка с оторванными рукавами, джинсы и байкерские ботинки, он наливает шот, пока официантка что-то говорит ему. Его глаза поднимаются на меня, в то время как я опускаюсь в кабинку, прячась за страницами меню, словно в укрытие.

— Пожалуйста, не подходи сюда. Пожалуйста, не подходи сюда, — бубню я себе под нос.

Ашер убирает меню от моего лица.

— Так, что случилось?

Я делаю вид, что очень заинтересована списком закусок.

— Ничего. Я просто читаю меню.

Он подозрительно смотрит на меня, затем переключает внимание на человека, стоящего за моей спиной.

— Святые бисквиты и соус для тебя.

Я делаю глубокий вздох.

— Привет, Фил, — на моем лице застыла фальшивая улыбка, и я смотрю на него.

Он улыбается и раскрывает руки, ожидая обнимашек. Внутренне поморщившись, я поднимаюсь на ноги и оборачиваю руки вокруг него. От него пахнет сигаретами и алкоголем, которые и станут причиной его смерти. Это то, что я знаю в течение многих лет.

Я отрываюсь от него и сажусь обратно.

— Я думала, ты собираешься бросить курить.

Он напряженно трет шею.

— Я бросал на некоторое время, но старые привычки с трудом умирают. Совсем взрослая. Я не видел тебя с той ночи как твой... — он замолкает. — Ну, впрочем. Как ты поживаешь? И как поживает твоя мама?

— Она в порядке, — я вытаскиваю арахисовые скорлупки, зажатые в щели на столе.

— Она все еще работает в закуской? — спрашивает он. — Или, наконец, она ушла из этого гадюшника?

— Нет, она все еще официантка там, — говорю я, и его глаза перемещаются на Ашера. — Оу, это Ашер. Ашер, это Фил.

Они кивают и говорят:

— Как вы?

Я начинаю нервничать и возиться с тыквой, вращая её на столе. Нахождение рядом с Филом навеивает воспоминания о ночах в баре с моим отцом. Когда Фил отвезет нас с отцом домой, то скажет мне вещь, от которой станет лучше — что отец в конечном итоге возьмет себя в руки. Нет вины Фила в том, что случилось, но он напоминает мне о времени, когда я была наивной, чтобы поверить в это.

Он замечает, что мне некомфортно.

— Хорошо, если что-нибудь понадобится, дай мне знать. — я киваю, и он возвращается на свое место за стойкой.

Ашер переворачивает страницу меню.

— Мне казалось, ты сказала, что была здесь раз или два.

Я пожимаю плечами, не готовая свернуть на этот путь правды. Создается неловкое молчание, и мы продолжаем листать меню. К тому времени как приходит официантка, чтобы забрать наш заказ, мне кажется, что Ашер готов сказать, что мы уходим.

Она зависает ручкой над книгой заказов.

— Что вам принести, ребята?

Ашер выстукивает пальцем по губам, и я ловлю Эми за облизыванием своих губ, когда она смотрит на него.

— Что именно означают «устрицы из Скалистых Гор»? — спрашивает он ее.

Я сдерживаю смех, когда лицо Эми искривляется в замешательстве.

— Ну... я думаю, они что-то вроде мяса. Не уверена, какое именно, но мне нравится. — она давит концом ручки на подбородок.

Я качаю головой Ашеру.

— Ты не хочешь их. Поверь мне.

Она стреляет в меня острым взглядом.

— Они не плохие. Я имею в виду, мясо немного жестковатое, но они хороши на вкус. — мне ее жалко. Отчасти. Она наклоняется над столом и её сиськи практически вываливаются из майки. — Выбирай, сладкий, все, что захочешь, ладно? — говорит она Ашеру.

Взгляд Ашера встречается с моим.

— Мне нравится знать, что я ем.

Ухмыльнувшись, я наклоняюсь над столом и на ушко шепчу ему, что такое «устрицы из Скалистых Гор».

Он выпячивает глаза, пока я откидываюсь назад.

— Так, я буду воду, картошку фри и гамбургер с дополнительной порцией соуса.

— Я буду куриный сэндвич и колу, — я закрываю меню, и Эми вырывает его у меня из рук. У Ашера она более деликатно берет меню и идет к окну заказов.

— Спасибо, — говорит он с улыбкой.

Я опускаю локти на стол.

— За что?

— Не позволила мне съесть это дерьмо.

Мы смеемся, а затем снова наступает тишина. На сцене женщина в ярко красном платье и ковбойских сапогах поет песню Фэйт Хилл "Этот поцелуй" (*американская певица в стиле кантри, обладательница премии «Грэмми»*), обвив своей ногой микрофонную стойку. В целом, картина очень глупая, но я начинаю расслабляться, как будто я, наконец-то, вернулась домой после трех лет.

— Мой отец и я обычно ходили сюда, — наконец говорю я сквозь громкую музыку.

Он обращает свое внимание на меня, переплетая перед собой пальцы.

— В самом деле? — он смотрит на грубый народ, атмосферу дыма и выстроившихся в баре байкеров. — Сколько тебе было лет?

— Мне было четыре года, когда он в первый раз привел меня сюда и продолжал приводить, пока не исполнилось шестнадцать — пока он не умер, фактически, — говорю я. — Мой отец действительно любил свой "Джек Дэниелс".

— Так делал и мой отец... Ну, ладно, вообще-то это был Джим Бим. — он делает паузу, и его улыбка мягкими невидимыми поцелуями прикасается к моей коже. — Видишь, это было не так сложно, и мы узнали, что у нас есть что-то общее.

— Я социально не ограничена, — возражаю я, вытирая соль со стола. — Просто мне нравится мое пространство... по личным причинам.

— За исключением, когда мы были в изостудии, — дразнит он.

— Да, я виню в этом пары краски, — парирую я игриво. — Они долбанули меня по голове.

Уголки его губ дергаются в улыбке, он скрещивает руки на столе и наклоняется.

— Я знаю, ты любишь свое личное пространство, и это мне в тебе нравится. Ты не из тех, вечно хихикающих и пытающихся запустить пальцы в мои волосы.

Я удивлюсь, если он говорит о Рэйвен.

— Некоторым парням нравится это.

— Нет, не нравится. — он проводит языком по зубам, и я закусываю губу, чтобы сдержать стон. — Я хочу, чтобы ты дала мне шанс. Я хочу, чтобы ты впустила меня в свою жизнь и позволила себя узнать.

Мою грудь сжимает от восторга, но, к счастью, мой голос звучит ровно.

— Что ты хочешь знать обо мне?

Он вертит перечницу в руках.

— Как давно ты знаешь Рэйвен?

Я пожимаю плечами.

— С нашего рождения.

— Она все время ведет себя так... — он замолкает.

— Развратно? — заканчиваю я за него.

Он смеется и это самый прекрасный звук, который когда-либо слышали мои уши.

— Я собирался сказать, как чокнутая, но подумал, что это будет звучать довольно грубо.

Она немного впечатлительная... и вся эта история с Гарриком. Как она вообще с ним познакомилась?

— На той же вечеринке, где я познакомилась с ним, — объясняю я. — Но я понятия не имею, почему она была с ним школе в тот день.

Он поджимает губы и изучает трещины на столе.

— Когда Гаррик удерживал тебя около школы... Ты выглядела так, будто собираешься упасть в обморок.

— Просто мне не нравится находиться рядом с людьми, — я ерошу пальцами свои волосы и смотрю на сцену с караоке в углу.

Он скользит рукой по столу и переплетает наши пальцы.

— Но ты не возражаешь, когда я прикасаюсь к тебе. На самом деле, у меня появилась мысль в голове — и, пожалуйста, дай мне знать, если я дал маху с ней — что я немного тебе нравлюсь.

Я пожимаю плечами.

— Думаю, можно сказать и так... Ты заставляешь меня чувствовать спокойствие и возбуждение, в зависимости от того, что мы делаем.

— Спокойствие и возбуждение, да? — размышляет он. — Это хорошо, верно?

— Это очень хорошо, — я улыбаюсь, и его глаза опускается на мои губы.

— У тебя красивая улыбка, — говорит он, проводя по своим губам языком. — И красивые губы. На вкус они очень хороши.

Моё сердце гулко стучит в груди.

— Ты льстишь мне.

— Я серьезно. — подушечкой большого пальца свободной руки он ласкает мою нижнюю губу. — Эти губы такие чертовски мягкие... Я не мог перестать думать о них с тех пор, как поцеловал тебя.

Я не уверена, играет он или искренне мил.

— Спасибо... я думаю.

Он смеется, удивленный, и отстраняется, когда официантка прерывает нас нашей едой.

— Вот и я, дорогой. — она протягивает перед Ашером его еду, затем с громким лязганьем опускает передо мной мою тарелку. — Если тебе что-то понадобится, дай мне знать.

— Я думаю, у нее есть кое-что для тебя, — говорю я, обмакнув фри в соус.

Ашер выглядит так, будто вот-вот засмеется.

— Ты думаешь?

— Ага. — я убираю лук со своего куриного сэндвича. — Почему ты смеешься?

Он поливает кетчупом свой бургер.

— Потому что, вероятно, ты права, но у нее нет шансов. Она не в моем вкусе. — он смотрит на убранный лук на моей тарелке. — Ты не любишь лук?

— Ты говоришь это так, будто я только что призналась, что ненавижу шоколад, а лук и шоколад на двух совершенно разных уровнях.

— Да, лук гораздо лучше.

— Можешь съесть его, если хочешь. — я придвигаю свою тарелку к нему. — Все мое — твое.

Он поднимает лук, наклоняет назад голову и кидает его в рот.

— Позже, я собираюсь обнять тебя. — его глаза темнеют от желания.

Покалывающие ощущения закручиваются внутри, между бедер, и я прочищаю горло, чтобы отвлечься, прежде чем откусить немного от своего куриного сэндвича.

— Итак, тебе нравится группа From Autumn to Ashes (*также FATA, американская группа из Нью-Йорка*)?

Он смотрит вниз на свою рубашку.

— Да, я приобрел эту рубашку на одном из их концертов. Они довольно хороши. Ты слышала, как они играют?

— Не в живую, — я закидываю фри в рот. — Но я скачала множество их песен.

Он вливается в свой гамбургер, и капелька кетчупа остается у него на губе. Вновь всплывает желание наклониться и пососать его губу, в то время как он сознательно облизывает ее, смотря на меня, будто знает, о чем я думаю.

Мы с жаром смотрим друг на друга, и желание пульсирует в наших телах. Это что-то, чего я не понимаю, потому что я едва знаю его, но я не хочу, чтобы это ощущение пропало.

— Ну, и чем же можно здесь заняться? — Голос Ашера звучит высоко, и он откашливается. — Кроме как болтаться в баре.

— Ты спрашиваешь не того человека, — говорю я ему. — Честно говоря, единственное, что я делаю — это хожу с Рэйвен на её вечеринки.

— Да, что это такое? — он выбирает листик салата из своего гамбургера. — Не похоже, что тебе действительно по вкусу вечеринки. Или все-таки по вкусу?

— Нет, но...

— Но Рэйвен — да, и она — босс, — заканчивает он за меня.

— Она не босс... хорошо, ну, может, есть немного, но у неё такой характер.

Он медленно жуёт, и я очарована тем, как двигается его рот.

— У меня был друг в Нью-Йорке, который был немного властным, и, наконец, однажды, я послал его к черту. И знаешь, мы все равно остались друзьями.

— Я уверена, ты не сказал катиться к черту, — замечаю я. — Ты кажешься слишком милым для этого.

Улыбка играет на его губах, и он ворует еще лука с моей тарелки.

— Я?

Я делаю глоток колы.

— Так про какой секрет ты мне пытаешься сказать?

— У меня есть... плохая сторона. — он колеблется. — Однако она пока ещё не вылезла наружу.

— Ну, я думаю, у всех есть стороны, которые редко выходят наружу, — я помешала соломинкой свой напиток.

Он кивает.

— Как насчет тебя?

Безумие.

— Я не знаю...

— Тебе не нужно делиться со мной, если ты не хочешь этого. — он делает глоток воды. — Я не заставлю тебя делать то, что тебе не хочется.

Кажется, в его словах есть скрытый смысл.

— Итак, ты хочешь стать художником?

Его челюсть плотно сжимается.

— Мой отец был художником, и он передал свой дар мне.

— У тебя расстроенный голос из-за этого. Ты боролся со своим отцом или что?

— Мой отец редко бывал с нами, но я люблю рисовать — это помогает мне выплеснуть свои чувства.

— Я знаю, о чем ты. — я думаю об его рисунке ангела и интересно, что он чувствовал, когда рисовал его — не удивлюсь, если он знает про Ангелов. — Вот почему я пишу стихи.

— Я бы с удовольствием прочитал твои стихи, — говорит он.

Я опускаю глаза на сэндвич, и волосы падают мне на лицо.

— Обычно, я не даю людям читать их. Ну, кроме Рэйвен, но она только читает то, что я пишу на своей стене. — и ещё Камерон, но это было случайно.

— Ты пишешь на стенах? — он сыплет соль на картошку и ставит шейкер обратно на поднос с краю стола. — Это уже кое-что, что ты позволила мне увидеть.

— Конечно. — я убираю волосы за ухо. — Там на стене и картины тоже есть — Рэйвен и мой брат.

Он вытирает салфеткой руки.

— Может быть, ты будешь достаточно доброй и позволишь мне как-то украсить её?

— Например, твоей картиной грустного ангела.

— Ты хочешь этого? Рисунок ангела, который будет всегда висеть на твоей стене?

— На ней уже есть один. Рэйвен повесила его, когда нам было восемь. — я ещё откусываю от своего сэндвича. — И мой брат повесил на нее Мрачного Жнеца, кто знает, по каким причинам, таким образом, у меня есть хорошая версия Смерти и Дьявола. — сказав это вслух, я подумала о книге, которую читала; о борьбе между добром и злом — между Ангелом Смерти и Мрачным Жнецом. Эта битва у меня на стенах.

Ашер выглядит поникшим.

— Но только кто из них добро, а кто зло?

Это очевидный ответ, но мои губы отказываются произносить слова, и образ моего воображаемого детского друга всплывает у меня в голове.

Подопшла официантка со счетом. Я пытаюсь оплатить свою половину, но Ашер не позволяет. Пока мы ждем официантку, чтобы она принесла нам сдачу, в бар зашли двое мужчин, привлечших мое внимание. Они выделяются своими деловыми костюмами и модными стрижками. Тот, что выше, имеет светлые волосы и темные глаза, которые кажутся очень знакомыми. Чем дольше я на него смотрю, тем больше понимаю, что он немного состаренная версия Камерона.

Ашер взглядом находит их и его глаза темнеют. Мужчина возвращает ему такой же, полный отвращения, взгляд.

— Ты их знаешь? — я киваю головой в сторону двух мужчин.

Взгляд Ашера остается на них, пока он качает головой.

— Нет, не знаю, — говорит он сквозь зубы. Он отводит взгляд и выглядит диким.

— Ашер, что случилось? — я начинаю поворачивать голову обратно к мужчинам, но мужчина с длинными каштановыми волосами и коренастым телом спотыкается о барный стул, указывая на меня пальцем.

— Не ты ли та девушка, убившая своего отца? — мямлит он, спотыкаясь о свои шнурки.

— Я не убивала его. — я неловко передергиваю плечами, отступая назад. — Просто копы какое-то время так думали.

Бедром он врезается в стол, опрокидывая мою колу и рассыпав лед по всему столу.

— Не ты ли сбежала, после того как позвонила в полицию и сообщила об убийстве? Да, да и они забрали тебя в тюрьму.

— Все произошло не так, — лгу я, собирая лед и кидая его в чашку.

Подошла официантка со счетом.

— Гэри, не можешь без проблем, да?

Он пьяно качает головой.

— Неее, просто общаюсь со своими хорошими друзьями. Эта та девушка, которая убила своего отца.

— Я не убивала его! — говорю я громче, чем хотела.

Теперь еще больше людей уставились на меня. Официантка заинтересованно похлопывает Ашера по плечу, будто думает, что я собираюсь убить его.

— Если тебе понадобится что-нибудь еще, просто дай мне знать. — она тянет Гэри за руку. — Давай, Гэри. Отвезем тебя домой.

Но он не двигается с места.

— Знаешь, я работал в том же магазине, что и твой отец, — он вытирает пот со лба. — Мы были приятелями.

— Это прекрасно. — я кладу чаевые на стол.

Ашер двигает деньги обратно ко мне.

— Ни за что.

Я толкаю их обратно в центр стола.

— Ты оплатил ужин и меньшее, что я могу сделать, это оставить чаевые.

Он борется, его челюсти плотно сжаты, но потом он сдается.

— Хорошо, но в следующий раз ты позволишь мне заплатить за все.

— А будет следующий раз? — спрашиваю я.

Он улыбается.

— Безусловно.

Я начинаю вставать, но Гэри преграждает мне выход из кабинки, и Эми спешит обратно к стойке за помощью.

— Не могли бы вы подвинуться, чтобы я встала? — спрашиваю так вежливо, как только могу.

Его ноги остаются на месте.

— Знаешь, он говорил о тебе, когда мы шли после работы куда-нибудь выпить. — он наклоняется к моему лицу, от него разит перегаром, когда он шепчет мне на ухо. — Он рассказал мне о твоём маленьком секрете — как ты можешь вызывать смерть.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — я снова начинаю вставать, но он толкает меня в грудь, и я ударяюсь локтем об стол, в то время как слабый запах его смерти отравляет мои легкие: *электричество, стул, люди с благодарностью наблюдают за его смертью.* Это мерзко и выбивает из меня дыхание.

Следующее, что я вижу, это то, что Гэри лежит на полу, схватившись за челюсть, а Ашер стоит над ним.

— Если ты еще раз к ней прикоснешься, я тебя убью, — он потягивает мне руку, и я с радостью принимаю ее.

Волна спокойствия проходит сквозь меня, пока мы быстро огибаем столы, направляясь к выходу. Группа мужчин встает с барных стульев и следует за нами. Воздух словно наэлектризован, кажется, в нем витают неприятности, как предупреждение перед бурей.

Люди в баре такие же хилые, как и Гэри, но некоторые огромные и мускулистые, с устрашающими шрамами на руках и лицах, они похожи на старые раны от драк в барах.

Люди ужинают за столами, нервно наблюдая за нами — чувствуют, что произойдет. Как и я.

Ближе к двери, мы с Ашером ускорились.

— Куда это вы собрались? — кричит один из здоровяков.

Ашер толкает дверь, но останавливается, напряженно раздумывая, а затем плавно поворачивается.

— Мы уходим. У тебя с этим проблемы?

Огромный мужик в охотничьих кожаных штанах и таком же жилете скрещивает руки на груди.

— Да. Ты не можешь просто так вырубить одного из моих друзей, а потом просто так уйти, не получив по заслугам. — он указывает на меня пальцем. — А она... абсолютно точно, грязная убийца, которой все легко сошло с рук.

— Ты даже не знал моего отца, — говорю я. — Так что заткни пасть.

— Я говорю не о твоём отце, — рычит он. — Я говорю о своём племяннике, Ладене Миллере.

— Я тут не причём. — мои коленки трясутся, но я отказываюсь отступить. — Я едва знала его.

— Ты так говоришь. — его глаза сверкают такой всепоглощающей ненавистью, что я хочу убежать и спрятаться. — Но ты знала своего папочку и, вероятно, убила его так же, как и убила моего племянника. Бьюсь об заклад, ты сделала что-то и с девушкой, с которой он всегда зависал. Эта девушка, Фарра. Да, наверно, ты убила и её тоже.

Ашер выпускает мою руку, его мышцы напряжены, словно он пытается усмирить свой гнев, чтобы он остался в теле. Он делает шаг к мужчине и раскрывает руки в объятиях.

— Лучше бы следующими словами, которые выйдут из твоего рта, были извинения.

Мужчина хрустит костяшками и шеей.

— А не то что?

Я смотрю на мужика, который в два раза больше Ашера и тяну Ашера за рукав, пытаюсь заманить его назад.

— Ашер, я думаю, мы должны уйти.

Дядя Ладена смеется и остальные присоединяются к нему.

— Оооо, маленькая девочка-убийца сказала, что вам пора идти. Тебе лучше послушаться, — без предупреждения, он тянет руку назад и ударяет Ашера кулаком в лицо.

От удара Ашер рухнул на землю, приземлившись на колени.

— Ну, это было подло, — бормочет он, схватившись за щеку.

— О Господи, — я наклоняюсь к Ашеру. — Ты в порядке?

Его серые глаза темнеют, когда он поднимает голову и начинает вставать.

— Отойди назад, — предупреждает он, отодвигая меня назад.

— Ты серьезно? — спрашиваю я. — Они убьют тебя.

— Эмбер, пожалуйста, отойди, — говорит он, глядя не на меня, а на дядю Ладена. — Я не хочу, чтобы ты пострадала.

Я не двигаюсь. В углу бара я вижу парня, похожего на Камерона, зачарованно наблюдавшего за Ашером, потягивая мартини из бокала. Ашер хрустит костяшками и шейей, затем он одним движением направляет руку и вырубает дядю Ладена.

— Святое дерьмо, — выдыхаю я, уставившись на потерявшего сознание мужчину, его ноги и руки распластались по полу и немного слюней скопилось в уголках губ.

Затем, словно ад наступает на земле.

Остальное мужичье на полной скорости подлетает к нему, Ашер уворачивается в сторону и отталкивает меня локтем. Несколько мужчин натыкаются на столы, заставляя людей вскакивать со своих стульев, тарелки взлетают в воздух. Все посетители бара вскакивают со своих мест, крича и практически снося дверь, рвутся наружу, в безопасность. Музыка переключается на тяжелый металл, и небольшая драка становится полноценным мордобоем. Я не удивлена. Я много раз видела, как это происходило. Мужчины замахиваются друг на друга, и даже некоторые девицы принимают участие. Головы разбивают бутылками, людей до смерти избивают стульями.

Высокий долговязый мужик подруливает ко мне с ухмылкой на лице.

— Что случилось, милая? Ты боишься? — он подходит ближе и дышит пивом мне в лицо. Когда его рука касается моей талии, я заезжаю коленом ему между ног. Смерть мелькает через меня, но это того стоит.

Он падает на пол, кряхтя и сжимая свое мужское достоинство.

— Ты долбанная сучка.

— Ну что, похожа я на ту, которая испугалась маленькой потасовки в баре? — покачав головой, я перешагиваю через него, ища Ашера. Я замечаю Фила, поспешно выходящего из задней комнаты с битой в руках и сотовым телефоном.

— Дерьмо, — я пытаюсь уворачиваться от летящих бутылок и кулаков.

— Ашер! — я спотыкаюсь о бессознательного человека, и стекло впивается мне в ладони, когда я падаю на пол. Держа низко голову, бросаюсь бежать по комнате, перепрыгивая через стулья и огибая столы.

Ашер возле задней двери дерется с лысым парнем с татуировкой в виде змеи, извивающейся на плече. Губы Ашера изранены, скула опухла. Он наносит удар за ударом, его движения почти нечеловечески быстры и сильны. Я восхищена и напугана одновременно.

Высокий парень с толстой шейей подкрадывается сзади к Ашеру, держа разбитую пивную бутылку в руке, и я подбираю стеклянный бокал с пола и швыряю его в голову парня. Бокал врезается ему в лоб, и он роняет бутылку, а затем падает на пол, как мешок картошки.

Ашер бьет противника в лицо, и кровь стекает у него изо рта. Он повторяет движения снова и снова, до тех пор, пока парень не теряет сознание.

Ашер тяжело дышит, яростно сжав руки.

— Прости, Эмбер... я просто...

Я хватаю его за руку и веду к задней двери.

— Фил собирался звонить в полицию... я не могу попасться в этом хаосе. Я уже на испытательном сроке.

Я толкаю дверь, и мы глубоко вдыхаем свежий воздух, вырываясь наружу. Дверь захлопывается за нашими спинами, и шум драки становится не слышен. Задняя парковка находится вдали от шоссе, небо черное и свет от неоновых вывесок мелькает на наших лицах, делая нас призрачными.

Ашер поворачивается ко мне лицом, тяжело дыша, глаза дикие, грудь опускается и

поднимается.

— Прости, Эмбер. Я не думал, что все выйдет из-под контроля.

Мое сердце стучит в груди. Я чувствую себя живой, на адреналине, будто я могу покорить весь мир.

— Все нормально. Верь мне, когда я говорю, что привыкла к дракам в баре. — я дотрагиваюсь кончиком пальца до его нижней губы. — Порезы у тебя на губах раскрылись. — я убираю кровь и начинаю тянуть руку назад, но он накрывает ее своей и прижимает к своим губам. Он целует мою ладонь, его взгляд пронизывает меня, заставляя чувствовать себя уязвимой, как он посасывает мою кожу и проводит по ней языком. Наше дыхание ускоряется в синхронном и совпадающем желании друг друга.

— Пожалуйста, блядь, скажи мне, что разрешишь мне поцеловать тебя прямо сейчас? — шепчет он с безмолвной мольбой в глазах. — Боже, пожалуйста... мне нужно...

Я киваю головой, и его губы обрушиваются на мои, но его прикосновения нежны. Моя кожа воспаляется, когда я оборачиваю руки вокруг его талии и тяну к себе, сокращая расстояние между нашими телами. Мои губы и его язык скользят так глубоко, что он может ласкать меня своим колечком в языке, отчего я издаю прерывистый стон.

Он слегка отстраняется, глядя мне в глаза, а затем рычит, когда его пальцы обхватывают мои бедра, и он поднимает меня. Я оборачиваю ноги вокруг него, пока он продолжает поглощать мой рот, прижав меня спиной к стене, в тень и отблески неоновых светов. Между нашими телами не осталось места, и я чувствую, как его твердость прижалась ко мне. Я извиваюсь, горю, задыхаюсь, пока он меня целует и дарит чувство восторга от головы до пяток. Его руки зарываются в мои волосы, затем опускаются на шею и, наконец, останавливаются на бедрах. Затем он скользит рукой по моей рубашке, и касание посылает разряд электричества по моему позвоночнику. Он вцепился в меня будто я его спасательный круг, словно если он отпустит меня, то утонет.

— Я хочу вечно целовать тебя, — стонет он у моих губ и крадет мое дыхание.

Мы будто спустили с привязи голодного зверя в каждом из нас. Я жажду его. Сейчас. Я слишком долго ждала, чтобы получить возможность быть так близко к кому-нибудь и мне нужно быть ближе, прямо в эту секунду.

— Ашер, — шепчу я напротив его губ. — Прикоснись ко мне, пожалуйста.

Он не спорит, его рука движется по моей спине к моему животу, я крепче сжимаю ноги, чтобы не упасть. Он прижимает меня к кирпичной стене, в то время как его губы двигаются напротив моих, а его рука скользит под рубашкой к моему лифчику. Подсунув под него руку, он проводит большим пальцем по моему соску, который мгновенно твердеет.

Я бормочу его имя, мои глаза закрыты, голова откинута назад.

Он мягко зажимает мой сосок, в то время как другая его рука путешествует по моей спине к заднице, и мои ноги еще больше сжимаются, когда ударная волна тепла закручивается внутри моего тела. Я вскрикиваю, когда его рука отпускает мою грудь и направляется к животу, затем он опускает её вниз, под пояс моих джинсов. Мои ноги падают с его талии и ударяются о землю. Но мы не разрываем связь наших губ и тел, его рука по-прежнему внизу и через несколько секунд он скользит пальцем внутрь меня.

— Черт... — стонет он, начиная двигать пальцем. Его губы отрываются от моих и путешествуют вниз. Моя шея изгибается в сторону, когда он целует мою ключицу. Я не могу проверить, что это происходит... это чувство намного лучше, чем даже молчание смерти.

— Ашер... — я начинаю задыхаться, когда он дергает вниз мою рубашку вместе с

лифчиком и начинает посасывать мою грудь, что, наконец, толкает меня через край.

Я хватаю его за плечи, выкрикивая его имя. Одной рукой он придерживает меня за талию, удерживая от падения на землю. Я задыхаюсь, ошеломленная произошедшим, когда я прихожу в себя, моя кожа влажная, а грудь вздымается.

Ашер вытаскивает палец из меня, но удерживает свое лицо возле моей груди. Я чувствую, как его дыхание скользит по моей коже, как он жадно вдыхает. Он ничего не говорит, и я собираюсь спросить его, что случилось, но звук сирены заставляет нас обоих вздрогнуть. Его глаза черны, как угли, а губы распухли, когда он отстраняется.

— Мы должны выбраться отсюда, — рычит он, выглядя так, будто снова готов поцеловать меня.

Я киваю и тяну рубашку и лифчик обратно на грудь. Держась за руки, мы бежим вдоль стены здания и быстро садимся в его машину. Красный и синий индикаторы мигают на темной стоянке и копы выскакивают из машин, крича на толпу людей, выскочивших за дверь.

Краем глаза, я смотрю на Ашера, и он встречает мой взгляд. Мое желание является зеркальным отражением его.

— Куда мы едем сейчас? — спрашиваю я, пристегиваясь ремнем безопасности.

Он пробегает колечком в языке вдоль опухших губ.

— Тебе придется подождать и увидеть.

Я откидываюсь назад и смотрю на деревья, впервые в жизни чувствуя себя живой и беззаботной. Я бы хотела ручку, чтобы записать этот момент и сохранить его навсегда. Я могла бы вспомнить эти чувства, когда смерть снова поглотит меня.

Глава 11

Мы едем по шоссе, немного болтая о драке, а “Forever” в исполнении Papa Roach тихо играет на заднем плане. (*Papa Roach — американская рок-группа из города Вакавилль, штат Калифорния, образованная в 1993 году.*) Ашер не задает вопросов о том, что было сказано в баре и когда он смотрит на меня, у меня такое ощущение, будто он видит ту девушку, что привезли в полицейский участок по подозрению в исчезновении своего отца.

Наконец, он сворачивает с главной дороги и паркует машину на повороте с видом на озеро. Гравий тихо шуршит под колесами. Воротником рубашки он протирает порез на губе, давая мне обзор на его прекрасно очерченные мышцы.

— Знаешь, эта ночь прошла не так, как я планировал, — говорит он, слизывая остатки крови с губы. — Однако не думаю, что променял бы ее на что-то другое.

Луна отражается на поверхности озера, временами ее отражение на водной глади дрожит от ветра. Вдалеке чернеют горы и силуэты деревьев.

— Как ты планировал, чтобы она прошла? — спрашиваю я, размышляя, хотел ли он когда-нибудь меня поцеловать и почувствовать меня изнутри.

Он опускает ручник.

— Чуть меньше драк в баре и больше поцелуев сзади бара.

Я решаю взглянуть на него, чтобы посмотреть, серьезен ли он и вижу, что он прожигает меня голодным взглядом.

— Как ты научился так хорошо драться? — интересуюсь я, щелкая ремнем безопасности, наклоняясь и приложив палец к его раненной губе. — Ты был великолепен.

Его челюсть напрягается.

— Меня научил мой отец.

— Да, меня мой тоже, — говорю я, опуская руку от его рта.

Он понемногу расслабляется, хотя его плечи по-прежнему напряжены.

— Да, я видел, как ты двинула коленом того парня... Ты совсем не колебалась.

— Колебание показывает слабость, — говорю я автоматически. — По крайней мере, так говорил мой отец. Он был «сделай-или-умри» парнем. — я замолкаю, нервно царапая шею. — Я не убивала его.

— Я знаю. — его голос спокойный, но взгляд свирепый.

Я опускаю руки на колени.

— Так ты не веришь в слухи?

Он качает головой, и прядь волос падает ему на глаза. Он наклоняется и проводит большим пальцем по моей нижней губе, затем тянется в бардачок.

— Пойдем, я хочу кое-что показать тебе, — он хватается фонарик и выходит из машины.

Я выхожу и встречаюсь с ним у капота машины. Мы спускаемся по грязной тропе, держась за руки, Ашер освещает путь фонариком. Вдалеке ухает филин, и сверчки поют мелодию, которая словно окутывает эту ночь. Это странное, но умиротворяющее знание, что только мы вдвоем разделяем этот момент, никто не прикоснется к нам.

Неожиданно Ашер резко сворачивает с тропы и ныряет в деревья. Листья и ветки хрустят под нашими ботинками, пока мы продираемся вглубь леса.

— Куда мы идем? — шепчу я, напрягая глаза, чтобы привыкнуть к темноте, а ветки царапают мою кожу.

Он отодвигает ветку в сторону, пропуская меня вперед.

— Здесь есть кое-что, что я хочу тебе показать.

— Что? Рулон скотча и лопата? — отвечаю я с сарказмом.

Он светит фонарем мне в лицо.

— Я пугаю тебя?

Прикрыв глаза рукой, я качаю головой.

— Я думаю, понадобится намного больше, чем прогулка по уютному лесу с очень горячим парнем, для того чтобы напугать меня.

— Ты правда думаешь, что я горячий, да? — практически крошечная тьма, но я слышу улыбку в его голосе.

Я закатываю глаза, и пытаюсь увести разговор в другую сторону, обыгрывая свою ошибку.

— Так что на самом деле...

Он затыкает меня своими губами, обрушиваясь на мои, и наши тела будто сливаются вместе и пылают, когда он прижимает меня к себе. Его пальцы находят мою талию, и он целует меня так, будто не может насытиться мной. Я целую его в ответ, для поддержки вцепившись в его руки, мечтая, чтобы была возможность остаться здесь навсегда, во мраке леса, вдали от мира и смерти.

Он отстраняется, жадно дыша.

— Ты красивая, ты знаешь это? — он трет свои губы об мои. — Особенно, когда смущаешься.

— Я не смущаюсь, — заверяю я его, передергивая плечами. — Просто неудобно.

Мы закончили прогулку, держась за руки и наслаждаясь спокойствием в компании друг друга. Наконец, мы вышли на плоский участок земли. Ашер освещает весь участок, останавливая луч фонарика на каменной статуе Ангела с крыльями, направленными в небо,

в то время как его голова склонена, а плечи сторблены. Вокруг него расположены маленькие деревянные кресты, обвитые лозой из роз.

— Как ты нашел это? — я осторожно прокладываю путь через крошечное кладбище, чувствуя, будто ступила на запретную территорию. — Кто-нибудь еще знает об этом месте?

— Мой отец привез меня сюда, когда я был моложе. — он пристально наблюдает за мной, продолжая светить фонариком. — И я не думаю, что кто-то еще знает, что оно существует.

— Откуда твой отец знает об этом? — я смотрю на статую Ангела.

— Его отец показал ему. — он светит на гравировку в ногах статуи.

Нагнувшись, я зачитываю ее вслух "Охраняя землю от Гнева Смерти, мы должны быть бдительны. Ради тех, кого мы стремимся защитить, ведь они могут уничтожить и нас, и себя".

— Ты знаешь, что означает эта надпись? — я пробегаю пальцами по замысловатым тиснениям. — Кажется, я слышала это раньше.

Он подходит сзади, садится на корточки и прижимает рот к моему уху.

— Некоторые люди считают, что Ангелы — это хранители умерших людей. Тем не менее, у большинства людей страх ко всему, что касается смерти. Давным-давно, люди использовали Ангелов Смерти в убийстве любого, кого подозревали.

— У них были черные перья в крыльях, — говорю я, наполовину шутя, но наполовину серьезно, думая обо всех перьях, с которыми я сталкивалась за всю свою жизнь.

— Ты говоришь о месте преступления Ладена? — серьезно спрашивает Ашер, когда я поворачиваю к нему лицо, опираясь на его грудь.

— Ты знаешь о перьях на мете преступления Ладена?

— Всем известно о месте преступления.

— Ты знаешь, что это было почти так же, как и на месте преступления моего отца?

Он кладет руку на мое бедро и слегка сжимает его.

— Да, я слышал об этом.

Тишина обволакивает нас, в то время, как мои воспоминания возвращаются к ночи исчезновения моего отца: паника заставила меня принять глупое решение сбежать.

— Ты знаешь, что некоторые люди считают, что ангелы существуют? — спрашивает он. — И что они ходят под масками, глядя на Мрачного Ангела, который спасет их?

— В это не слишком трудно поверить, я думаю. Я имею в виду, есть куча странных вещей в этом мире. — *как я.* — Но что за Гнев Смерти?

Его пальцы поднимаются к моему предплечью, раскаляя мою кожу, и внутри я дрожу от желания быть ближе к нему.

— Мрачный Жнец, — шепчет он, и я резко возвращаюсь в реальность.

Я отталкиваюсь, вскакиваю и случайно наступаю на крест. Я быстро беру его и втыкаю обратно во влажную землю.

— Что случилось? — спрашивает Ашер. — Я сказал что-то, что заставляет тебя нервничать? Потому что, если я это сделал, ты должна сказать мне.

Похоже, он знает. Задрав подбородок, я смотрю на статую, а потом на кресты в земле вокруг нее.

— Нет... просто уже поздно. Я лучше отправлюсь домой.

Он кивает, не подталкивая меня к откровениям.

— Да, мы можем вернуться.

Пока мы возвращаемся обратно через лес, я думаю о смерти. В своей голове я представила, как захожу домой, и он ждет меня на диване с чашкой чая, будто мы старые друзья. Но я слишком взрослая, чтобы видеть воображаемых людей и уж тем более пить с ними чай.

— Ты думаешь, что... я кажусь тебе немного сумасшедшей? — вдруг спрашиваю я, когда мы подходим к припаркованной машине.

Он останавливается, как вкопанный, скользит рукой мне за спину, притягивая меня ближе к себе так близко, что я вижу искренность в его взгляде.

— Я думаю, есть много людей, которые кажутся сумасшедшими, но просто они видели и пережили больше, чем среднестатистический человек может понять. — он целует меня в лоб, и я млею от тепла его губ и нежности поцелуя.

Я киваю, и мы расходимся, чтобы залезть в машину. Он запускает двигатель и кладет фонарик обратно в бардачок.

Я насторожено наблюдаю за ним, прежде чем решаюсь спросить:

— Ашер, зачем ты привез меня сюда?

Он кладет руку на мой подголовник.

— Потому что я хотел показать тебе, что людям свойственно бояться необычного, даже если это что-то хорошее.

— Как Ангелы?

— Да, как Ангелы и как люди, являющиеся необычными. — его пальцы ласково поглаживают мою шею.

— Но какое отношение это имеет к Гаррику и Анамотти? — спрашиваю я. — Или ты не можешь мне сказать?

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе сейчас? — он терпеливо ждет моего ответа, рисуя пальцем круги на моем плече.

Я немного колеблюсь, нервничая, каким может быть ответ.

— Ммм... да?

— Слово "Анамотти" означает смерть. И они считают, что Ангелы существуют. — говорит он, контролируя интонацию. — И они хотят их уничтожить.

Ангелы?

— Ты являешься частью этой группы?

Он качает головой.

— Я — нет, но я знаю тех, кто является.

Я понимаю, как много поменялось в эту ночь.

— Какое отношение это имеет ко мне?

Подцепив пальцем мой подбородок, он приподнимает его и ловит мой взгляд, смотря прямо в душу.

— Я могу сказать тебе, но я хочу, чтобы ты убедилась, что сможешь принять такой ответ, потому что это... тебе может быть тяжело принять это, особенно, когда испытываешь столько стресса в жизни. Я хочу, чтобы ты определилась, веришь ты мне или нет, и что ты сможешь справиться со всем, что я тебе расскажу.

— Откуда ты знаешь по мой стресс? — спрашиваю я, неспособная отвести от него взгляд.

— Из-за печали, что ты всегда носишь. — он проводит пальцем вдоль уголка моего глаза. — Она здесь, все время. Поэтому, пожалуйста, если ты не готова, это может

подождать.

Пугает, что он *видит* меня насквозь.

Он дает мне время подумать, и мои мысли возвращаются к Гаррику и к многочисленным знамениям его смерти. К Рэйвен. И Йену. Моей маниакально-депрессивной матери-алкоголичке. Исчезновению моего отца. *Ангелы и тайные общества?* Столько всего происходит в моей жизни и единственное спасение — Ашер. Сегодня была из лучших ночей в моей жизни, и я хочу удержать чувство блаженства сколько смогу. Чтобы он не говорил, это все изменит. Возможно, даже уничтожит его — я могу ощутить это по тону его голоса, по его движениям и тому, как его глаза смотрят на меня.

— Ты можешь отвезти меня домой? — я боюсь сейчас иметь дело с тем, что он мне скажет и беспокоюсь, что я сломаюсь и, в конечном итоге, сойду с ума. — Уже поздно.

Он кивает с пониманием в глазах, затем убирает руку, положив ее на руль.

— Все, что хочешь, Эмбер. Я серьезно. Я дам тебе все, что захочешь.

Интересно, что на самом деле это означает.

Внутренне освещение в доме выключено, когда мы подъезжаем. Либо электричество еще не дали, а мама и Йен в постели, либо никого нет дома.

— Здесь есть кто-нибудь? — спрашивает Ашер, глядя на дом. — Похоже, что никого.

— Да, так и есть, — я бросаю взгляд на часы. — Час ночи. Черт, как получилось, что уже так поздно?

— Время летит, когда веселишься, — он дразнит меня мягким смехом и улыбкой, заставляющей-все-внутри-таять.

Темные мысли исчезли из моей головы, и дорога домой была наполнена легким разговором о музыке, школе, искусстве и писательстве. На данный момент я отказываюсь думать об Ангелах, Мрачных Жнецах и Анамотти. Я просто хочу быть свободной от смерти и всего, что с ней связано.

— Сегодня было весело, правда. — я подергала ручку и открыла дверь. — И мне нужно было немного повеселиться.

Он захватывает подол моей рубашки и костяшками поглаживает живот, затягивая обратно в машину.

— Тогда почему это должно закончиться?

Он спрашивает то, о чем я подумала? Мои глаза поднимаются к окну на втором этаже, к спальне Рэйвен. В окне горит свет, и я почти слышу её голос: *сделай это, сделай это, сделай это!*

— Ты хочешь зайти? — я невольно взглянула на его блестящие губы и потом облизнула свои собственные.

Он кивает, своим взглядом разбивая меня на тысячи бессвязных кусочков.

— По крайней мере, пока кто-нибудь не появится; ты не должна быть здесь одна.

— Мне девятнадцать, — говорю я. — И я могу жить одна.

— Ты не должна становиться той, кем не являешься, — тихо говорит он.

Я смотрю на мой дом.

— Позволь мне сначала сбегать, проверить электричество. — на самом деле, я хочу проверить, что никого из моей семьи нет дома.

Он улыбается и выпускает мою футболку, я вылезая из машины. Я забегаю внутрь и щелкаю выключателем.

— Ну, электричество снова с нами, — я проверяю гостиную, частично ожидая найти смерть, ждущую меня, но дома пусто и тихо, как на кладбище.

Я делаю шаг наружу и машу Ашеру, чтобы он входил. Он вылезает из машины и идет медленным прогулочным шагом. С каждым шагом он приближается, и я понимаю, что я счастлива, что он останется со мной. Если бы не он, то я, вероятно, проснулась бы через несколько часов, преследуемая мыслями о смерти и Жнецах. Я бы схватила свой ноутбук и отправилась на кладбище, где бы я делала заметки об одиночестве и боли. Ашер отвлекает меня от смерти, и тишина, что появляется в моей голове благодаря ему, позволяет моему телу чувствовать все это: опьянение от прикосновений, поцелуев, комфорта от близости с кем-то.

Я закрываю за ним дверь, и он осматривает мой дом, поворачиваясь кругом. На стене висят фотографии, где я маленькая. На некоторых я с Рэйвен, на некоторых с Йеном. Есть даже несколько, где я с папой и мамой, когда жизнь была радужной и солнечной. Ну, или я так считала. Или жизнь просто ждала, что из этого выйдет.

— Ты похожа на своего отца. — он щурится на фото, где я, двухлетняя, на коленях у своего отца. Мама оперлась на его плечо и что-то шепчет ему на ухо. Н заднем плане Йен, бьет пластиковыми нунчаками надувного Санта Клауса. Там же стоит рождественская елка, мигающая красными огоньками. Фото такое искреннее, а мы счастливы. На мгновение, я хочу вернуться.

Я направляюсь к лестнице, и Ашер следует за мной. Пока мы поднимаемся по лестнице, я физически ощущаю каждое движение его тела, малейшее повышение температуры, ритм его сердца.

Когда я достигаю комнаты, я открываю дверь, и он сразу же смотрит на рисунки на стене, стихи и фото мертвых поэтов. Он долго смотрит на Жнеца, затем на Ангела на стене напротив, прежде, чем фокусируется на рисунке Эдгара Алана По, который я прикрепила на дверцу шкафа.

— Если бы я не знал тебя, я бы подумал, что ты запала на него, — говорит он с каплей веселья в голосе. — Но опять же, я не слишком хорошо знаю тебя. — он смотрит на меня и дергает бровью с пирсингом. — Так это мои конкуренты?

— Я не влюблена в него, — отвечаю я, поднимая воронье перо с комода. Странно. Я думала, что убрала его. — Я влюблена в его работу.

— Я помню вечеринку... Ты практически упала в мои объятия, когда я процитировал единственную известную мне строчку. — он дразнит меня с самодовольной улыбкой.

Я прищуриваю глаза и стараюсь не улыбаться.

— Ты играл со мной? Так вот почему ты ушел и оставил меня на танцполе.

Он выглядит раскаивающимся.

— Я сожалею об этом... я просто... мне нужно было кое-где быть.

— Все нормально, — говорю я. — Мне все равно надоело танцевать.

Он дарит мне робкую улыбку, а затем вырывает перо из моих рук, и раскручивает его между пальцами.

— Это воронье перо?

— Да, а что?

Он качает головой и отдает перо мне.

— Где ты его взяла?

— В парке в Центре Техники и Передового Производства. — я оставила перо на комоду,

размышляя, как бы выглядело перо Ангела. — Это довольно распространенная птица.

Серьезное выражение его лица меняется на озорное, и он хватается меня за бедра.

— Мне просто интересно, как тщательно ты искала — как глубока твоя одержимость Эдгаром Алланом По.

— Ха-ха, — говорю я с сарказмом, игриво толкая его, но он удерживает мою руку напротив его груди. Мы резко останавливаемся, он тяжело сглатывает, смотря на мой рот.

— Могу я поцеловать тебя?

— Ты можешь делать что хочешь, — говорю я неуверенно.

— Могу? — потянув за руку, он притягивает меня к себе и наши губы и тела сталкиваются, от страсти превращаясь в жидкость.

Поцелуй быстро разгорается, и мы практически поглощаем друг друга, падая на кровать, наши тела переплетены. Мое сердце бешено колотится в груди, кровь стучит в висках, когда я касаюсь его языка своим. Руками он скользит по моим бедрам, и переворачивает нас, оказываясь сверху, опираясь на локти, удерживая свой вес. Колечко в его языке изучает каждый сантиметр моего рта, срывая крышу. Мои ноги оборачиваются вокруг его талии, и он издает глухой рык, когда я трусь бедрами напротив него.

— Черт...

Он двигается в такт мне, прокладывая дорожку из поцелуев вдоль шеи, скользя языком по моей коже. Когда он приближается к ложбинке ушей, мое дыхание сбивается, и я наклоняю голову.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— У тебя сердце колотится, — шепчет он напротив моей кожи.

Я киваю с закрытыми глазами, не в состоянии говорить от сжигающего жара, проходящего через все тело.

Он изводит меня поцелуем в шею, а затем останавливается.

— Может, мы должны... может, нам следует притормозить?

Я открываю глаза и наклоняю голову, что посмотреть на его лицо.

— Ты серьезно?

Он смотрит сквозь меня.

— Просто... все развивается очень быстро. — он перекачивается в сторону и морщит лоб, словно, не понимая, почему он так поступает.

Я тоже не понимаю, почему он вдруг сказал "нет".

— Ладно, — взволнованная, я поднимаюсь с кровати, не обращая внимания на бешеный грохот своего сердца, беру пижаму из комода и иду в стенной шкаф.

— Ты знаешь, эта занавеска очень тонкая... это почти как смотреть пип-шоу. *(Пип-шоу — это увлекательное эротическое зрелище, где полуобнаженные девушки исполняют различные трюки всеми частями своего тела.)* — говорит он с намеком на юмор, включает мой айпод, и звуки Dashboard Confessional группы "Hands Down" наполняют комнату.

Я так запуталась. Почему он остановился? Он не хочет меня? Я чертовски уверена, что он хочет меня. Я переодеваюсь в майку и шорты-боксеры. Я разжимаю свои шипованные браслеты и бросаю их на пол в угол рядом с безумным рисунком крестиков. Я едва помню, как рисовала его. Едва помню, как меня спасли. *Перья со всех мест преступлений. Я закрываю глаза и пытаюсь призвать более подробную информацию. Темная вода. Мое ожерелье уплывает. Черная масса — Мрачный Жнец.*

Я открываю глаза. Я схожу с ума как мой отец? Или все реально, просто запутанно?

Я возвращаюсь в комнату в подавленном настроении, пихая штору. Ашер лежит на моей кровати и читает книгу, сбросив ботинки и куртку на пол.

— Постой-ка... это... — я пытаюсь выхватить книгу у него в руках, но он перекачивается на бок, смеясь, когда читает строки из романа Рэйвен.

— И тогда он скользит своей рукой по моему бедру, нажимая глубоко внутри моей мокрой...

Я запрыгиваю на него и вырываю книгу из его рук.

— Это не мое. Это Рэйвен. — я кидаю книгу через всю комнату, и она приземляется в мусор.

Он смеется и кладет руки на мои бедра, когда я седлаю его.

— Так ты не хочешь, чтобы я положил свою руку на твою бедро и скользнул в твою мокрую... — он резко замолкает, увидев мое лицо. — Что случилось?

Я качаю головой.

— Ничего. — я начинаю слезать с него, но он хватается за талию, удерживая на месте.

— Что-то случилось, — говорит он. — В противном случае, ты бы так не хмурилась.

— Это ерунда. Правда... просто... Почему ты остановился?

— Остановился? — он выглядит озадаченным.

— Трогать меня... Целовать меня...

Его кадык двигается вверх-вниз, когда он тяжело сглатывает.

— Потому что я не хочу ничего делать без твоего разрешения.

Я понятие не имею, что происходит и почему он так заботится о вежливости.

— Но я хочу, — я хочу тишины. Я хочу его. Так плохо. Я запускаю пальцы в его волосы. — Я уже сказала, что ты можешь делать, что хочешь.

Вздых облегчения слетает с его губ.

— Ты уверена... мне нужно, чтобы ты была уверена.

Мой разум кричит, чтобы я была осторожна, но у моего рта другая идея.

— Да.

Спустя несколько секунд его губы сталкиваются с моими и забирают мое дыхание, в то время как его пальцы скользят вверх по внутренней стороне бедра и входят в меня без предупреждения. Он начинает двигать ими, а другой рукой хватается за мою майку, сдергивает ее и бросает на пол. Он мгновенно заводит руку мне за спину и расстегивает лифчик. Я едва могу отдышаться, когда моя грудь подвергается воздействию холодно воздуха и его безжалостного взгляда.

Он берет меня пальцами, подводя к краю, и я закрываю глаза. Его рот опускается на мой сосок, и он жестко сосет его, сжимая пальцами мою талию. Когда он покидает мою грудь, мои губы раскрываются в знак протеста, но тут же захлопываются, когда он своим пирсингом в языке проводит дорожку от шеи к моим губам, и затем кусает за нижнюю губу. Его пальцы сжимают мои бедра, он переворачивает нас, и я оказываюсь на спине, а затем его пальцы покидают меня, когда он склоняется ко мне.

Я опираюсь на локти, опуская голову вниз, наблюдаю, как он стягивает мои шорты вместе с трусиками вниз к коленкам. Я нервничаю, ожидая, что будет дальше.

Я лежу перед ним голая, он хватается за лодыжки, заставляя согнуть колени, а затем, не отрывая от меня взгляда, прокладывает дорожку поцелуев по внутренней стороне моего бедра. Положив руку на мои бедра, он раздвигает их, и я сжимаю одеяло в кулак,

одновременно с первым движением его языка.

— Вот черт... — клянусь, я плавлюсь внутри, сгораю. Я не могу дышать. Я отпускаю одеяло и запускаю пальцы в его волосы, в то время как моя спина выгибается от ощущений, что дарит его язык, и уже через секунду я кричу его имя.

Моя кожа влажная, когда он садится на колени между моих ног, наблюдая за моим возвращением. Я моргаю, обалдевшая от того, что сейчас произошло. Я всю жизнь думала, что было бы невозможно приблизиться к кому-то, быть с кем-то и вот это случилось. И это лучше, чем я могла себе представить. С ленивой улыбкой на лице, он хватает меня за руки и тянет вверх. Он натягивает мне через голову майку и надевает на меня шорты. Никто из нас не говорит ни слова, но это комфортное молчание.

Мы уютно располагаемся на постели, и я кладу голову ему на грудь, обнимая его рукой. Он убирает волосы с моего лба.

— Ты в порядке? Ты ведь не пожалела об этом?

Я качаю головой, улыбка касается моих губ.

— Нет.

— Хорошо, — говорит он, и я слышу улыбку в его голосе. — Тебе надо поспать. — он играет с моими волосами, расчесывая их пальцами. — Я останусь с тобой, пока ты не уснешь.

— Тебе не нужно беспокоиться обо мне. — я зеваю. — Я справлюсь сама, — прижимаюсь щекой к его груди, и его сердце замирает от этого. — Ашер, почему ты ушел в тот день? После того, как оттащил от меня Гаррика?

— Это еще один вопрос и подумай, действительно ли ты хочешь, чтобы я ответил на него.

Я настаиваю на его ответе, мою кожу еще покалывает там, где он касался меня.

— Я хочу знать.

Он издает нервный вздох.

— Потому что, если бы я не ушел, я бы догнал Гаррика и убил бы его.

Возможно, я должна была встать и убежать, но молчание моего тела — это святыня.

— Почему бы ты убил его?

— По нескольким причинам, — шепчет он и целует меня в макушку. — Одна из них в том, что он пытался навредить тебе. — он делает паузу. — Это пугает тебя?

— Ты думаешь, это пугает меня?

— Нет.

— Тогда ты прав.

Усталость берет свое, вместе со звуками лирики, что льются из колонок. Спустя несколько мгновений, я уплываю прочь в одну из самых спокойных ночей в своей жизни.

Глава 12

Я открываю глаза, теплые руки Ашера обнимают меня. Редкая улыбка украшает мои губы, я рада, что он заснул и "никогда не оставил", как он и говорил.

Свежий запах дождя и пение птиц льются в открытые окна спальни, когда я сажусь. Я вижу ворона, сидящего на ветке дерева, его черные глаза устремлены на меня. Я высовываю руку в окно, пытаюсь подманить его ближе.

— Привет, маленький приспешник смерти, — шепчу я, прищурившись. — Вы не оставите меня в покое? Пытаетесь сказать мне что-то о моей смерти? Потому что, мне жаль тебе это говорить, но я уже умерла, и теперь, похоже, в моем будущем нет смерти.

И тогда я заметила джип Камерона, припаркованный на обочине напротив моего дома.

Я взглянула на Ашера, крепко спавшего в моей постели, а затем обратно на джип, вспомнив, что собиралась на свидание с Камероном. Я осторожно выскользнула из-под руки Ашера и вышла в коридор, закрыв за собой дверь, и ступила на лестницу.

Камерон и Йен общались в холле. Йен с волнением в голосе рассказывал ему о новой "зашибенной" художественной выставке сегодня в Джексоне.

Пепел черных глаз Камерона мгновенно находит меня, и его губы искривляются в улыбке.

— Доброе утро, принцесса.

Принцесса? Я приглаживаю волосы и рысью спускаюсь вниз по лестнице. — Что ты здесь делаешь?

Камерон одет в темные джинсы, серую футболку Хэнли и черные ботинки, на запястье множество кожаных ремешков. Но с его светлыми волосами и загорелой кожей, он выглядит скорее винтажно, чем готично.

— Я пришел к тебе.

У Йена на голове шапочка, а брови и джинсы испачканы углем. Он выглядит неловко, стоя рядом с Камероном, который примерно на шесть дюймов выше него.

— Что ж, дам вам возможность поболтать. — он поднимает брови, глядя на меня, и в его глазах мелькает настороженность. Ему не нравится Камерон, и я нахожу это странным, потому что обычно у Йена "все о любви".

— Если что-то понадобится, просто крикни, — говорит Йен и поднимается вверх. Через несколько секунд дверь в его студию захлопывается.

— Я думала, мы пойдем позже, — быстро говорю я и пальцами расчесываю свои спутанные волосы, а затем скрещиваю руки на груди, потому что на мне нет лифчика. — И вообще, я собиралась позвонить тебе... Кое-что произошло, и я не думаю, что смогу сегодня хоть что-то сочинить.

— Ты меня отшиваешь? — его тон резкий, а челюсть сжата.

— Нет, — сбросила я его мрачный настрой. — Просто мне нужно кое-что сделать... моей маме нужна кое-какая помощь.

— Забавно, потому что твой брат сказал, что она уехала из города, — говорит он раздраженно.

— Он... — я ломаю мозг, ища какую-нибудь отговорку.

— А это не имеет ничего общего с владельцем ГТО, стоящим на твоей подъездной дорожке? — прямо спрашивает он, придвигаясь ближе ко мне, и я могу разглядеть насколько темные у него глаза, как черная тушь.

— Хм... — я не знаю, что сказать.

К счастью, открылась передняя дверь и зашла Рэйвен. Её розовые волосы начесаны спереди и стянуты в хвост. Ярко-розовая подводка обрамляет глаза, а одета она в черное платье с отделкой из багровой кожи.

— Привет, чика, — щебечет она. — Спасибо, что впустила Ашера и разрешила нам встретиться с ним здесь. Хреново, что мой брат его не одобряет, — она подмигивает, потом берет меня за руку и говорит Камерону: — Можешь подождать, дорогой? Я одолжу её на секунду.

Камерон движется к лестнице и улыбается.

— Конечно, вперед. Я могу подождать.

— Спасибо, прелесть. — Рэйвен тащит меня вверх по лестнице и останавливается, как

только мы оказываемся в коридоре вне поля зрения Камерона, и шлепает меня по руке.

— Ты, шлюшка. Пожалуйста, скажи мне, что он все еще голый в твоей постели.

— О чем ты говоришь? — я плохо играю.

Она закатывает глаза.

— Горячий сексуальный парень, чей автомобиль был припаркован здесь всю ночь.

— Я не спала с ним, — я понижаю голос. — Ну, не так, как ты думаешь. Мы просто заснули в моей кровати.

Она смотрит на меня, как коп, пытающийся расколоть преступника.

— Так ничего не было?

— Мы целовались, — говорю я. — И делали кое-какие... другие вещи.

Ухмылка озаряет ее лицо.

— Боже мой, пожалуйста, в деталях.

Я качаю головой. Хотя она мне все рассказывает, я чувствую, что не должна делиться с ней, по крайней мере, об Ашере. Это ощущается слишком личным, и делиться с ней кажется огромной ошибкой, будто так разрушится совершенство.

Она морщит губы.

— Ладно, вот что мы сделаем. Я собираюсь уговорить Ашера пойти со мной, и Камерон никогда об этом не узнает.

— Не думаю, что хочу встречаться с Камероном, — протестую я. — Мне очень нравится Ашер.

— Так, — говорит она, качая головой. — Это не похоже на свидание. Ты встречалась с ним всего раз.

— И он спас меня от утопления в озере, — проговариваюсь я.

Она снова ударяет меня по руке, и я вздрагиваю от искры ее смерти.

— Какого черта ты мне не сказала?

Я тру руку и пожимаю плечами.

— Ты говорила, как сильно его хотела, и я не знаю...

— И ты просто держала рот на замке, как всегда. — она берет меня за плечи и смотрит прямо в глаза, будто её слова самое важное, что я слышала в жизни. — Слушай, Эмм, я так сильно люблю тебя и поэтому собираюсь оказать тебе услугу. Ты пойдешь на свидание с Камероном. — я открываю рот, чтобы возразить, но она цыкает на меня. — Сделай это ради себя, чтобы не заводить серьезных отношений. Серьезные отношения предполагают вещи, к которым, я думаю, ты не готова.

Я гляжу на нее с опаской.

— Прошлой ночью мы делали довольно серьезные вещи.

— О, я уверена, — говорит она, словно я дилетант.

Дверь моей комнаты неожиданно открывается, и выходит Ашер, накидывая свою куртку. У него прическа я-только-что-из-постели, но это невероятно сексуально.

— Все пошло немного иначе, чем я планировал. Я не помню, как уснул. — он натягивает рукава куртки, игнорируя Рэйвен. — Я хочу отвезти тебя кое-куда сегодня, если ты не против.

Я открываю рот, чтобы согласиться, но вмешивается Рэйвен, встав между нами.

— У Эмм уже есть планы.

Я гневно смотрю на нее.

— Я собираюсь их отменить.

Ашер смотрит на Рэйвен, застегивая куртку.

— С тобой?

Она коварно смотрит на него.

— Нет, с Камероном. Знаешь, другой новый парень, тоже только что переехал сюда... я уверена, вы, как и все в этом в городе, знаете друг о друге все.

Ашер прищуривает глаза.

— Да, я знаю, кто он.

— Прекрасно, тогда мне не придется стоять здесь и объяснять это тебе. — она берет его под руку, и Ашер изумленно смотрит на меня. — Ты можешь провести сегодня время со мной.

Она ведет его по направлению к лестнице, и я удивлена, как слабо он сопротивляется.

— Подожди, — шиплю я, торопясь вслед за ними, но они игнорируют меня, спускаясь вниз по лестнице.

Когда Ашер и Камерон видят друг друга, воздух становится удушлив и безмолвен.

— Ну, вы развлекайтесь, — напевает Рэйвен, дергая Ашера вниз с последней ступеньки в сторону двери.

Я раздражаюсь, рысью спускаясь по лестнице.

— Рэйвен, подожди минутку. — я останавливаюсь рядом с ними. — Ашер, можно тебя на секунду? — я действительно не хочу идти с Камероном, по крайней мере, не больше, чем хочу провести день с Ашером.

Но Ашер отводит взгляд и, кажется, хочет побыстрее уйти.

— Еще увидимся, Эмбер, — говорит он, будто мы простые знакомые.

Я открываю рот, чтобы умолять его остаться, но они выходят за дверь, и Ашер забирает мое спокойствие и смертельную тишину с собой. Я ошарашена. Какого черта сейчас произошло, и почему он согласился уйти? Две эти мысли засоряют мой мозг, как назойливые букашки.

— Я думаю, мы могли бы провести день на озере, — голос Камерона вмешивается в мои мысли, и я с трудом отрываю взгляд от двери. Сегодня он ведет себя как-то странно; страдание и внутренняя мука, что так часто в нем видны, превратились в самоуверенность.

— Да... Мне просто нужно сначала переодеться. — Я отступаю к лестнице, в первую очередь, желая никогда не соглашаться на это свидание. Камерон не может прикоснуться ко мне, не сведя меня с ума, так какой смысл в собачьем взгляде и кокетливом разговоре? Я хочу вообще не этого. Я хочу Ашера.

Я спешу в свою комнату и надеваю черные шорты и высокие сапоги-гольфы, которые зашнурованы по центру темно-бордовой лентой. Я защелкиваю браслеты, беру свою кожаную куртку и встречаюсь с Камероном внизу.

Он смотрит на то же детское фото, что и Ашер ночью.

— Ты выглядишь здесь счастливой, — отмечает он.

— Мне было два года, — говорю я, вытаскивая свои волосы из-под воротника куртки. — Картонная коробочка могла заставить меня улыбнуться.

— Да, наверное, ты права. — он отворачивается от фото и открывает входную дверь, его взгляд медленно охватывает мои ноги и грудь. — После тебя, красавица.

Я выхожу на улицу и хмурюсь пустой подъездной дорожке. Автомобиль Рэйвен все еще стоит у её дома по соседству. Интересно, действительно ли они ушли вместе. Это беспокоит

меня. Очень. Может быть, больше, чем что-либо в моей жизни.

Глава 13

Первая половина поездки с Камероном была неловкой, но в основном потому, что отец Камерона продолжал названивать ему и отчитывать по телефону. Из того, что я слышала, он в городе и чем-то расстроен. Я размышляла, его ли я видела в баре, и на самом ли деле старший клон Камерона его отец?

К тому времени, как он заканчивает разговор, мы уже находимся в устье каньона, который опоясывает озеро. Печка включена, но на улице жарко, и моя кожа под курткой становится влажной.

— Итак, твоя подруга, наконец, нашла того, кто ее заинтересовал, да? — Камерон бросает свой телефон на консоль.

Я опускаю окно и вдыхаю свежий воздух.

— Ашер не заинтересован в ней... Они просто друзья.

Он выключает печку.

— Хмм... я видел другое. Как мне показалось, они были рады уехать в компании друг друга.

— Я с тобой не согласна, — говорю я слегка раздраженно. — И Ашер не её тип.

— Если спросишь меня, мне кажется, в её вкусе все, — комментирует он, переключая передачу. — Эмбер, что-то не так? Ты, кажется, по какой-то причине сердисься на меня.

Я встречаю его взгляд, и от боли в его глазах мне становится плохо.

— Извини, просто я не очень хорошо спала ночью.

Боль в глазах утихает, когда в его зрачках отражается солнечный свет. — Ну, ты могла бы прийти сегодня на кладбище и составить мне компанию.

— Почему ты был там? — спрашиваю я. — Опять ищешь сокровища?

— Нет, я отказался от этого, — отвечает он. — Я был там, надеясь, что ты снова появишься.

— Уверена, так и было, — мой тон веселый, но внутри я переживаю. В отличие от Ашера, Камерона заставляет меня ощущать беспокойство, как с хорошей стороны, так и с плохой. — А теперь ты собираешься сказать, что не можешь перестать думать обо мне.

Страсть на его лице усиливается, и он интимно понижает голос.

— На самом деле, я собирался сказать тебе, как сильно мне нравится эта рубашка.

Я взглянула на шнуровку на рубашке, которую мне дала Рэйвен и которую я до сих пор никогда не носила. Я даже не понимаю, почему выбрала ее. Может, подсознательно, чтобы оправдать кричащие стандарты Камерона, и, если это так, то я сильно разочарована в себе.

Он протягивает руку и вертит в руках тесьму на моей рубашке, оборачивая ее вокруг пальца.

— Ты так сильно отличаешься от других девушек, с которыми я встречался. — он нежно тянет за ленту, ослабив ее. — У тебя так много сущностей. И невинность.

Верх моей рубашки начал расходиться, и показался мой черный кружевной лифчик. Я хочу сказать ему, чтобы он остановился, но не могу вымолвить ни слова, поэтому я позволила ему раскрыть рубашку, скользнуть пальцами по верхней части груди. Я дышу как можно тише.

— Может и не так невинна, как я думал, — говорит он с укором, когда его пальцы опускаются ниже.

Я уклоняюсь в сторону и завязываю тесьму обратно.

— Не притворяйся, будто знаешь меня.

Становится тихо и неловко.

Он вздыхает, отступая, и переключает поворотник.

— Слушай, извини. Иногда я могу быть наглым, но, обещаю, сегодня я попытаюсь сбавить обороты.

Я снимаю куртку и скручиваю ее у себя на коленях.

— Нет, это ты извини. Я опять хамлю и не знаю, почему. — *потому что я хочу быть с Ашером.*

— Потому что я заставляю тебя нервничать, — говорит он просто и притормаживает. Он поворачивает вниз по ухабистой грунтовой дороге, которая склоняется к берегу озера. Крутой скалистый склон покрыт блестящими осколками — Челленджер моего отца. Это точное место, где произошел несчастный случай.

— Что случилось? — Камерон глушит двигатель и достает ключи зажигания.

Я отрываю взгляд от озера.

— Ничего... Что мы здесь делаем?

Он указывает на кострище посреди берега.

— Некоторые люди говорили, что это хорошее место, чтобы приехать сюда.

— Да, чтобы напиться и заняться сексом, — говорю я, думая об озере, что затянуло меня после вечеринки Рэйвен.

Он пихает дверь машины.

— Ты так говоришь, будто это плохо. — он хлопает дверью и идет к озеру.

Качая головой, я выпрыгиваю из машины и закрываю дверь. Металлические куски Челленджера блестят на солнце, как пятаки, я вырываю кусок из скалы и кручу его в руке.

— Похоже, с кем-то произошел несчастный случай. — Камерон появляется с моей стороны и берет кусок металла с моей руки. — Должно быть, они ехали очень быстро, раз так раздробило машину.

— Да, наверное, — я добрела до кромки берега, где вода встречается с песком. Ожерелье все еще там, в ловушке машины?

Камерон подошел ко мне сзади и, нагнувшись к плечу, прошептал мне на ухо:

— Скажи мне, о чем ты думаешь. — он использовал тот же соблазнительный голос, как на кладбище, тот самый, который тянул меня к нему, умоляя прикоснуться.

Почти загипнотизированная, я чувствую головокружение.

— Мне просто грустно...

— Скажи мне, почему, — мурлычет он. — Может быть, я смогу помочь.

Ощущение такое, будто я выпила бутылку вина и сверху дополнила еще несколькими шотами текилы.

— Тот, кто разбился, это я... и моя машина, она на дне озера.

— Там было что-то важное, не так ли?

Я киваю рассеяно.

— Ожерелье, которое дала мне бабушка.

Он движется в сторону от меня и срывает рубашку с плеч. Он бросает ее на землю и погружается по пояс в воду.

— Камерон, что ты делаешь? — зову я, подходя к линии воды. — Ты не можешь... — он скидывает руки и затем исчезает, "рыбкой" ныряя в воду. Я стою на берегу, ища, где он всплывет, но проходит слишком много времени, для задержки дыхания под водой.

Я оглаживаю карманы, в поисках телефона.

— Дерьмо, — я оставила его дома.

Я побежала обратно к джипу, чтобы взять телефон Камерона, видела, как он бросил его на консоль, но останавливаюсь, когда из-за деревьев выскакивает высокая фигура и прячется сзади джипа. Страх проносится сквозь меня, пока я смотрю на озеро, а потом на машину.

— Дерьмо. — я заколебалась на мгновение, а затем понеслась к машине, подобрав длинную острую палку, прежде чем открыла пассажирскую дверь. Не отрывая глаз от задней части джипа, я ощупываю внутри кабины, пытаюсь найти телефон Камерона.

Я провожу пальцем по экрану и открываю окно для набора номера, но почти роняю телефон, когда высокая фигура выходит из-за машины. Он одет в свой привычный плащ, который защищает глаза, но я знаю, что он смотрит на меня.

— Простой ночью я сказала, чтобы ты ушел. — я отхожу от Мрачного Жнеца, выставив палку перед собой. — И ты должен уйти, потому что я так сказала. Таковы правила.

— Ты не это имела в виду, — мурлычет он тихо, шагая ко мне, а плащ хвостом волочится за ним.

Я бросаю в него палку, и он уклоняется в бок, таким образом, пропуская удар по голове.

— Нет, это. И я сказала тебе уйти. Я не ребенок и не могу больше тебя видеть.

— Ты будешь видеть меня вечно. — шаг за шагом он крадет, глядя на меня.

Мои ноги застыли на месте, но не от страха. Странное, извращенное желание, мне всегда хотелось узнать, что под капюшоном. Когда он подходит достаточно близко, я тянусь к нему пальцами, и он позволяет мне ухватиться за край капюшона. Я начала поднимать его, но услышала плеск воды и обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как из воды показался Камерон. Он плывет, длинные руки направляют его к берегу, солнечный свет сверкает на загорелой коже.

Я отрываю от него взгляд, оборачиваюсь на Жнеца, но его уже нет.

— Я достал его для тебя, — зовет Камерон, выбравшись из озера. Бусины воды каплют с его волос вниз на хорошо очерченный пресс, солнце светит на небе позади него. Прямо, как из дрянного кино, где все подделка. *Подделка.*

Чем ближе Камерон подходит ко мне, тем более нервной я становлюсь; тем не менее, я не могу отвести от него глаз. Его мокрые джинсы низко сидят на бедрах, и моя голова начинает колдовать стихотворение со словом *совершенство*. Затем *поддельный, пластиковый, несуществующий*.

Он важно подходит ко мне с улыбкой на лице и ожерельем моей бабушки, висящем у него на пальцах.

— Я говорил, что я отличный пловец? — он останавливается передо мной, ухмыляясь, а затем защелкивает ожерелье вокруг моей шеи, не прерывая контакта с кожей.

Бордовый камень лежит в ямке у меня на шее, пока я глажу его. Я онемела не потому, что он принес мне ожерелье, а потому, что смог достать его со дна.

Внезапно, он кладет свои ладони на мои руки, и я напрягаюсь, задерживая дыхание.

— Тебе не нужно ничего говорить. — его ладони путешествуют вверх по моим рукам, на мои плечи, чуть ниже шеи, оставляя водяной след на коже.

Мое сердце хаотично бьется в груди, и его телефон выпадает у меня из рук. Он трогает меня, и я не слышу звуков смерти так же, как когда меня трогает Ашер. Господи. Как это может быть? Как я могу пройти через девятнадцать лет, задыхаясь от смерти, а потом вдруг в мою жизнь примерно в одно и то же время входят двое парней и дарят мне тишину?

Но Камерона вселяет другую тишину, нежели Ашер. Это намек на статику внутри моего тела и разума, и вместо спокойствия, я теряю контроль, как было, когда мой автомобиль упал в озеро.

— Твое сердце бьется так сильно, — шепчет он с надменной ухмылкой, надавливая ладонью на мою грудь, над неконтролируемым сердцем. Он опускает голову к шее и слизывает воду с кожи. Это кажется неправильным и, одновременно, почему-то правильным. С каждым дюймом его губы все ближе и ближе, и с моих губ срывается невольный стон, когда другая его ладонь скользит вверх по моей груди. Я чувствую себя загипнотизированной и начинаю капитулировать в его руках, когда он тянет вниз топ, и моя грудь вздымается от рваного дыхания.

— Боже, твой запах и вкус так хороши, — шепчет он, посасывая изгиб моей груди, а другой рукой блуждает по рубашке. — Ты такая аппетитная.

Я работаю над протестом, когда он стремительно отстраняется с насупленным лбом, глядя мне за плечо. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что же он увидел. Блестящий Мерседес Маккензи сворачивает с дороги, направляясь прямо к нам.

— Ты пригласил её сюда? — спрашиваю я, нахмурившись.

Его взгляд прикован к машине, и он качает головой.

— Нет, я удивлен так же, как и ты.

Автомобиль резко останавливается возле джипа, подняв облако пыли. Дверь открывается и выходит Маккензи, поправляя розовое неоновое платье и опираясь на капот, её ноги на высоких каблуках шатаются на камнях. Распахивается пассажирская дверь и появляется ее лучшая подруга, Дана Миллард.

— Ты, должно быть, шутишь, — бормочу я с тяжелым вздохом.

Камерон поднимает брови.

— Что? Ты ее не любишь?

— Честно говоря, нет, — говорю я, и, по какой-то странной причине, он улыбается.

Маккензи машет рукой, направляясь в нашу сторону.

— Эй, я не знала, что ты будешь здесь. — она подходит прямо к Камерону, многозначительно поглядывая на меня. — Я думала, ты сегодня занят.

Вниз по дороге катится грузовик, сопровождаемый линией внедорожников, грузовиков, автомобилей. В субботу вечером, вероятно, сюда направится весь Университетский городок.

Камерон смотрит на меня.

— Я занят.

Маккензи надувает нижнюю губу.

— И что, ты не останешься на костер?

— Может быть, мы могли бы остаться... — он колеблется, ожидая, что я соглашусь.

— Если ты хочешь остаться, я не возражаю. — мои глаза скользят по лесу, я пытаюсь определить, сколько времени мне потребуется, чтобы вернуться домой. Последнее, чего я хочу, это оставаться здесь. Эта вечеринка не того типа, куда меня обычно приглашают, и я не хочу сидеть здесь, чтобы все называли меня убийцей.

Он улыбается и гладит мою руку.

— Звучит хорошо. — он идет к берегу, чтобы забрать свою рубашку.

Маккензи следует за ним, как преданная собачка, задев меня плечом, проходя мимо; *связали и заткнули рот, руки связаны, ты готова умереть, красавица?*

— Смотри, убийца, — её глаза горят ненавистью.

Я показываю ей средний палец, и она закрывает глаза, догоняя Камерона. — Почему ты весь мокрый? — она хихикает и кокетливо похлопывает его по груди, скользя ладонью по мышцам.

Я тру места, где он прикасался ко мне, стирая влагу и ощущения от его прикосновений. Я беру телефон Камерона и набираю Рэйвен, а вокруг подтягивается все больше машин и грузовиков. Люди выскакивают из маши; с некоторыми я учусь в школе, некоторые старше.

— Эй, Рэйв, — говорю я, когда она отвечает. — Мне нужно, чтобы ты забрала меня.

— Что? — кричит она. — Эм, о чем ты говоришь? Разве вы не веселитесь?

Камерон вроде веселится. На берегу он надевает рубашку, позволяя Маккензи пожирать его голодным взглядом, словно умоляющим, чтобы он сорвал с нее платье.

— Ты можешь просто приехать за мной? — спрашиваю я, отрываясь от скоро-быть-порно-сцене. — Пожалуйста.

— Да, конечно, дорогая, — кричит она сквозь музыку на заднем плане. — Где ты?

Соединение прерывается, так что я обхожу машину и поднимаюсь к дороге, горбя плечи, когда двое парней проходят мимо меня, неся бочонок.

— Я на озере, — говорю я, но её голос пропадает, и я поднимаюсь еще выше по дороге. Эй, Рэйв, ты меня слышишь? — сигнал умирает, и я вздыхаю, подходя к верху дороги, прямо к границе с асфальтом. До сих пор нет сигнала, и я перехожу шоссе.

Примерно через милю у меня все еще нет сигнала. Сейчас полдень, но уже грохочут тучи, а в воздухе пахнет надвигающейся грозой. Я продолжаю идти, не имея ни малейшего желания развернуться обратно, наблюдая, как у меня над головой парит ворон.

— Оставь меня в покое, глупая птица, — взываю я. — Лети, преследуй кого-нибудь другого.

Он наворачивает круги, каркая, с крыльев падают перья. Я ловлю одно и кручу между пальцев, пытаюсь вспомнить, были ли такие же на месте преступления моего отца. Я видела мешок с ними лишь однажды, когда меня допрашивали, но думаю, что те были немного больше.

Я отскакиваю в сторону, когда за угол поворачивает гладкий черный автомобиль с тонированными стеклами. Шины визжат, и двигатель ревет, когда он ускоряется, музыка грохочет и вибрирует земля.

Медленно двигаясь дальше в сторону дороги, я обнимаю себя руками и сосредоточенно смотрю на свою смерть, но, опять же, там только темнота.

Проезжая мимо меня, машина делает резкий поворот на встречной полосе. У меня мало времени, чтобы среагировать, когда он мчится прямо на меня. Я вскарабкиваюсь на ограждение, но бампер врезается мне в ноги, и я опрокидываюсь на капот, переворачиваюсь и лечу в сторону дороги к краю обрыва. Я ударяюсь о камни, мои кости раскалываются, и камни царапают мою кожу. Когда я, наконец, останавливаюсь у подножия холма, я смотрю сначала на небо, а потом на окрестности и понимаю, что лежу рядом со статуей Ангела, куда Ашер приводил меня; одна, окруженная крестами и цветущими розами.

Мои руки задраны за голову, нога застряла под спиной, по лбу стекает теплая кровь. Гремит гром и в небе сверкает молния, пока я пытаюсь пошевелиться, но тело не слушается меня. *Я парализована.*

Теперь все ясно, как точки на карте соединить. Озеро, мои тормоза, Гаррик душит меня видениями смерти. Кто-то хочет меня убить, и, кем бы он ни был, ему это только что удалось.

— Эмбер, — воет ветер, когда надо мной появляется Мрачный Жнец, его плаш развеивается по ветру. Я знаю, что он — моя смерть. Настало время мне уйти.

— Закрой глаза, — командует он, начиная опускать капюшон костлявыми пальцами.

Мои веки начинают закрываться, но мельком я успела увидеть темные волосы и глаза.

— Ашер...

Темные волосы тают, и глаза пропадают. Я размышляю, для всех ли смерть выглядит так или только моя, потому что я сошла с ума.

— Бери, Эмбер, иначе ты не успеешь. Мне нужно, чтобы ты сделала это... ненадолго. — он срывает красную розу, наклоняется и вставляет ее мне в волосы. — Забери жизнь.

Мои глаза закрыты, и я слышу, как мое сердце угасает, умирает в груди. Мое дыхание подчиняется ветру, и сердце издает последний удар. Жизнь покидает мое тело, как листья падают с деревьев, с каждой унцией забирая боль.

Внезапно, я не хочу просыпаться.

Глава 14

Некоторые люди считают, что в момент смерти человек достигает точки комфорта и оцепенения, и это позволяет ему увидеть всё блаженство, восторг и экстаз, что когда-либо он испытывал в своей жизни. Я умирала дважды, и каждый раз я видела Жнеца. Это и есть мой самый счастливый момент?

— Просыпайся, — кто-то похлопывает меня по лицу. — Эмм, открой свои гребаные глаза. Ты до усрачки пугаешь меня.

Я открываю глаза и вижу серое небо, сапфировые глаза Рэйвен и тысячи поникших роз, покрывающих землю, обугленные, когда-то мягкие лепестки, теперь — пепел на обожженной земле.

Я медленно сажусь и стираю грязь со своей кожи, затем выгибаю руки и выпрямляю ноги.

Рэйвен вздыхает и отклоняется, давая мне передышку.

— Святое дерьмо, Эмм! Что случилось?

Каждое дерево в радиусе четверти мили умерло, высохло, очистившись от листьев и грязи, треснув, словно песок в пустыне.

Это сделала я?

— Понятия не имею... — я кладу руку на сердце. — Как ты меня нашла?

Она держит ожерелье и указывает на холм.

— Оно лежало на обочине дороги. — она протягивает мне ожерелье, и я застегиваю его на шею, затем она берет меня за руку и помогает встать на ноги.

Ее смерть такая же темная, как и небо, но я ощущаю, как в её жилах течет жизнь.

— Меня сбила машина... кажется. — мой мозг затуманен, но я помню, как кубарем неслась вниз, ломая кости, разрывая кожу. — Я не уверена... Ты можешь просто отвезти меня домой?

Она изучает меня с беспокойством в глазах.

— Я думаю, мы должны отвезти тебя к врачу.

Я верчу руки, проверяя на боль, но все хорошо, починено, залатано.

— Не надо врачей. Я просто хочу домой.

Она обнимает меня за поясницу. Её смерть молчит, но её жизнь шепчет мне: *Возьми меня, возьми меня, возьми меня.*

Это занимает некоторое время, но мы поднимаемся обратно на вершину холма, где

деревья снова цветут. Ее автомобиль припаркован на обочине дороги с работающим двигателем и открытой водительской дверью.

Я выворачиваюсь из ее рук, чувствуя себя странно свободной.

— Может, мне стоит пойти пешком.

— Садись в машину, — заявляет она сурово, но с изможденным видом. — Тебе нужно вернуться домой. Сейчас в городе комендантский час, в связи с найденным телом Фарры.

Возможно, тот человек, что убил ее, пытался убить и меня.

— Хорошо. — я сажусь в машину и захлопываю дверь.

Она забирается на водительское сиденье и пристегивается, затем склоняется над консолью и защелкивает мой ремень безопасности, и выезжает на дорогу. — Я действительно думаю, что тебе нужно обратиться к врачу. Выглядишь дерьмово.

— Я в порядке. — я вытаскиваю розу из своих волос и провожу пальцем вдоль сухих лепестков, очарованная отсутствием блеска. — Автомобиль просто немного задел меня, и я упала с холма.

— Да, конечно. — она нажимает на газ и на всей скорости несется с холма, визжа шинами. — Ты не выглядишь так, словно он *немного* задел тебя. Он проехался по тебе.

— Я не пойду к врачу, — настаиваю я. — Отвези меня домой.

Она вздрагивает от моего враждебного тона и не говорит ни слова всю дорогу.

К тому моменту, как мы подъехали к моему дому, я успокоилась. Еще рано, но небо уже омрачено тучами. В гостиной горит свет, а машина моей мамы припаркована на подъездной дорожке.

Я отстегиваю ремень и оборачиваю пальцы вокруг дверной ручки.

— Мне жаль, что я накричала на тебя. Я не знаю, что со мной не так... я просто чувствую себя так... в замешательстве.

Рэйвен сжимает губы и смотрит на мой дом.

— Все нормально. Ты ведь оставалась моим другом, несмотря на мой маленький нервный срыв.

— Ты о Ладене? — я стряхиваю грязь с ног.

Она медленно кивает.

— Я не готова говорить о случившемся, но я клянусь, я не имею ничего общего с его исчезновением. И ты должна пообещать мне, что, когда будешь готова, расскажешь о том, что произошло сегодня.

— Ты имеешь в виду с Камероном? — спрашиваю я, потянув ручку и открыв дверь. — Или с машиной?

У нее появились мешки под глазами, а оливковая кожа стала бледной.

— С обоими.

— Камерон оказался отморозком. — я толкаю дверь. — И, когда я буду готова, я постараюсь объяснить, что произошло с машиной.

Она улыбается.

— Я люблю тебя, Эмм. Ты же знаешь это, верно?

— Я тоже тебя люблю, — и в этот момент я серьезна.

Я вылезаю из машины и иду домой. Мама просматривает счета за кухонным столом с едой на вынос перед ней. Она в своей униформе, в клетчатом платье, поверх которого одет белый передник, волосы убраны в пучок.

— Где ты была? — спрашивает она, отрываясь от счетов.

Я захожу на кухню.

— Я была на озере.

Она выпячивает свои карие глаза.

— Почему ты вся в грязи и исцарапанная?

— Я подралась с розовым кустом.

— И ты проиграла?

— Нет, кажется, я выиграла. — в моей руке до сих пор мертвая роза, и я бросаю её на стол.

Она откладывает бумагу и смотрит на розу.

— Откуда ты это взяла?

— Это то, что осталось после боя, — я плюхаюсь в кресло и хватаю фри из пакета.

Она берет в руки розу, вертит ее в пальцах, и мертвые лепестки осыпаются на стол.

— Знаешь, я не ожидала, что твой отец уйдет.

— В который раз? — я жую фри. — Когда он съехал или когда пропал?

— Эмбер, я надеюсь, ты не думаешь, что той отец вернется. — она кладет розу на стол. — Он, наверное, мертв.

— Я это знаю. — я беру со стола счет за телефон, на котором стоит ярко-красный штамп ПРОСРОЧЕНО. — Но я не приму это окончательно, пока не найдут его тело.

Она собирает мусор и выкидывает его в корзину.

— Я не хотела обвинять тебя в смерти бабушки. — она надевает куртку и застегивает пуговицы. — Просто я была расстроена. — Мама гладит мое плечо и зачесывает волосы назад, как делала, когда я была ребенком. — Если тебе нужно поговорить о чем-нибудь, я рядом. — я киваю, стараясь не заплакать, и она берет ключи со стойки. — Увидимся утром.

После ее ухода я пошла в ванну, проверить её флакончик в аптечке. Она опять принимает лекарства, и это объясняет прогресс в ее поведении.

Я закрываю шкафчик и выхожу в коридор. По пути к своей комнате я натыкаюсь на Йена.

— Ты дерьмово выглядишь, — сообщает он, разглядывая мою грязную одежду. — Эмбер, этот парень не... Он пытался...

Я качаю головой, прежде, чем он сможет закончить.

— Я скатилась с холма.

Он скользит в выцветшую фланелевую куртку.

— Эй, я жду кое-кого сегодня вечером, так что не запирайся.

— Я никогда не запираюсь, — говорю я, вытаскивая сухую траву из волос. — Ты знаешь, что мама опять принимает лекарства?

Он ерошит волосы и натягивает капюшон на голову.

— Да, я разговаривал с ней сегодня утром. Она появилась после того, как ты ушла, не в себе, и я заставил её их принять.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я. — Ты все еще принимаешь свои?

Он закатывает глаза. — Конечно.

— И это единственный препарат, который ты принимаешь?

Он прячет руки в карманы.

— Ты же знаешь, что я больше не занимаюсь этим дерьмом. С тех пор, как... ну, в любом случае, я собираюсь немного проветриться. И, как я уже сказал, оставлю дверь

открытой на случай, если мой друг придет раньше меня. — он остановился на верху лестницы. — И да, если бы я был тобой, я бы пошел с парнем с темными волосами.

Я сжимаю дверную ручку от спальни.

— О чем ты говоришь?

— О парнях. — он начинает спускаться по лестнице. — Мне не нравится этот парень, Камерон... он слишком... я не знаю, дерзкий, что ли, — определенно не твой тип.

— Ты даже не встречался с Ашером, — спорю я без особой причины, потому что тоже выбираю Ашера.

Он пожимает плечами и исчезает, спускаясь по лестнице, и спустя несколько мгновений захлопывается передняя дверь. Я вздыхаю и открываю дверь в спальню. Все, что я хочу сделать, это принять горячий душ и смыть сегодняшний день.

— Эй.

Звук его голоса заставляет мое сердце воспарить. Ашер сидит на моей кровати, с капюшоном на голове, играясь с пером ворона. Окно открыто, и порывы ветра развевают края бумаги и картин, висящих на моей стене.

— Как ты сюда попал? — спрашиваю я, закрывая за собой дверь.

Под капюшоном он отрывает взгляд от пера. — Твой брат впустил меня.

— Так вот что он имел ввиду... — мямлю я и ищу правильные слова. — То, что произошло ранее... с Камероном — я не должна была этого делать.

— Что именно делать? — в его словах есть подтекст. Он кладет перо на кровать, стягивает капюшон с головы и ворошит пальцами волосы.

— Ты действительно хочешь, чтобы я тебе сказала? — я облакачиваюсь спиной на дверь и скрещиваю на груди руки.

Его взгляд прикован ко мне, когда он встает.

— Мне нужно знать — незнание сводит меня с ума. — он слегка меня касается. — Особенно, когда ты так выглядишь.

Я оттираю с руки оставшуюся грязь.

— Я упала с холма.

Он качает головой и медленно подходит ко мне, ближе, устраняя дистанцию между нами.

— Я говорю не про грязь.

— О. - я взглянула на тесьму на рубашке, наполовину расшнурованную. — Он привез меня на озеро, прыгнул в воду и достал мое ожерелье из машины на дне озера.

Удивительно, но он невозмутим.

— И... — он делает еще один шаг ко мне.

— А потом появилось полгорода, и я свалила. Я пошла вниз по шоссе. Автомобиль занесло на меня, и я упала с холма.

Он в миллиметре от меня, и я чувствую жар его тела.

— Машину занесло на тебя?

Я сглатываю комок в горле.

— Вот так я упала с холма.

— Они сделали это нарочно? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Трудно сказать, но возможно.

Он закрывает глаза и глубоко вдыхает. Когда он вновь открывает глаза, его зрачки

расширены, осталось только узкое кольцо серого. Он опирается руками о дверь, ловя меня в ловушку своих рук.

— Ты в порядке? — его глаза исследуют мое тело в поисках ран, но все порезы и синяки уже зажили.

Я киваю, не в силах отвести от него взгляд.

— Я же говорила тебе, я ходячее чудо.

Его взгляд опускается к моим губам, и его голос усиливается рычанием.

— Он целовал тебя?

— Что?

— Камерон, — его голос скрипит. — Целовал тебя?

У меня сводит живот, и я облизываю потрескавшиеся губы.

— Ты действительно хочешь знать ответ?

Он проводит языком с пирсингом по краю зубов.

— Мне нужно знать, иначе это сведет меня с ума.

— Он целовал мою шею, — поморщившись, честно признаю я. — И часть груди.

— Это все? — он приподнял проколотую бровь. — Это единственное место, куда он целовал тебя?

Я не понимаю, почему он не решил, что это плохо, потому что так оно и есть. На самом деле, я чувствую себя шлюхой.

— Это единственно место, куда он целовал меня... но я не понимаю, почему ты ведешь себя так, будто это не имеет никакого значения.

— Для тебя это много значило? — спрашивает он. — Тебе... тебе понравилось?

Я обдумываю, что он сказал. Мне понравилось? Честно говоря, обдумав, я понимаю, что те чувства, которые я испытывала с Камероном, базируются скорее на обольщении, чем на самих чувствах. С Ашером в эмоциональном плане все мощнее и интенсивнее.

— Мне нравится, когда меня целуешь ты, — говорю я, пробегаясь пальцами по его рубашке, ощущая твердость его мускулов под ней. — Я не хочу, чтобы он снова целовал меня... только ты...

Его дыхание учащается, и глаза становятся, как у зверя, небольшая полоска серого истончается, оставляя только черный зрачок.

— Могу я поцеловать тебя сейчас?

Почему он всегда сначала спрашивает? Я хватаю его за рубашку и тяну к себе, наши губы податливо соединяются. Его губы не протестуют, и он легко проскальзывает языком в мой рот, наполняя страстью каждую частичку моего тела.

Он подхватывает меня под ноги и поднимает вверх, мои ноги оборачиваются вокруг его талии, затем он несет меня к кровати, и мы вместе падаем. Я чувствую себя живой и бодрой. В данный момент не существует ничего, кроме меня и его.

Мои руки находят молнию на его куртке и начинают расстегивать её. Он понимает намек и наклоняется достаточно, чтобы вытащить руки и сбросить ее. На нем клетчатая рубашка, которую я неуклюже расстегиваю, но он ловит мои руки, останавливая меня.

— Ты уверена, что в порядке? — спрашивает он, затаив дыхание, его губы распухли. — Ты кажешься взволнованной.

Я расстегиваю другую пуговицу.

— Я в порядке.

— Но я не хочу, чтобы мы двигались слишком быстро, — говорит он, пока я

расстегиваю пуговицы. — Ситуация и так развивается стремительно, и я боюсь, если мы начнем снова... в горячке... мы не сможем остановиться.

— Ты не хочешь этого? — *Господи, пожалуйста, скажи нет.*

— Нет, — он проводит рукой по моей щеке. — Но неважно, чего хочу я... Имеет значение только то, чего ты хочешь.

— Я хочу тебя, — говорю я, вдыхая тишину его прикосновений, пока он гладит меня по щеке подушечкой большого пальца. — Я чувствую... я чувствую, что ждала тебя всегда. — это звучит глупо, но это правда, и она заставляет его слегка улыбнуться.

Он медленно расстегивает оставшуюся часть рубашки, выскользывает из нее и бросает на пол рядом с курткой. Дыхание перехватывает при виде его поджарых мускулов и татуировки, покрывающей гладкую кожу. С правой стороны, прямо на ребре, изображена Ангел с черными перьями за спиной, из её глаз катятся слезы. Её черные волосы откинута назад и переходят в перья. С противоположной стороны наколота надпись, и я пробегаюсь пальцами по витиеватым буквам:

Чернота сотрясла землю и захватила тела смертных.

Огонь возник над полями, и голод овладел океанами.

Смерть победила гнев и Ангела Смерти. Так было суждено, но всегда есть жертва.

Один прекрасный Мрачный Ангел со смертью в ее крови и на ее плечах объединила их, и единственным выбором она спасет мир.

Но не так легко отказаться от борьбы.

Он накрывает меня своим телом, каждая наша частичка идеально дополняет друг друга, и я обнимаю его, сжимая плечо, притягивая ближе к себе. Он целует меня, посасывая нижнюю губу, кусая ее, дразнит колечком в языке прежде, чем проложить дорожку из нежных поцелуев ниже, к шее. Мое тело подчиняется ему, задыхаясь от желания и требуя еще больше тишины. Я хочу забыть об этой ночи. Я хочу быть с ним.

Моя грудь вздымается, когда он развязывает тесемки на рубашке и раскрывает ее, затем, потянув меня за руки, он рывком снимает ее и расстегивает лифчик. Я закрываю глаза, и меня поглощает красота момента, прежде чем его губы возвращаются ко мне.

Каждый раз, когда он делает вдох, мои соски касаются его груди. Я задыхаюсь и постанываю, пока он не может больше этого выносить. Внутри все горит, почти больно, нужно чем-то заполнить, и я должно об этом позаботиться.

Он снимает мои ботинки, срывает шорты вместе с трусиками, а затем снимает с себя джинсы и боксеры, накрывая мое тело своим.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Я нервничаю, и не только из-за самого акта близости, но и из-за боли. Рэйвен рассказывала мне ужасы о том, как она потеряла свою девственность, и как это было ужасно больно, но она уверяла меня, что это того стоило.

Приглаживая волосы, он смотрит мне в глаза.

— Ты уверена?

Я киваю, не задумываясь, зная, что это самый подходящий момент. Для меня. — Уверена.

Мышцы его шеи двигаются, когда он сплывает, затем выпрямляет руки и отталкивается от меня. Я потрясена, что он уходит, и пытаюсь прикрыть грудь, удивляясь, почему.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Он хватается свои джинсы с пола, лезет в задний карман и достает презерватив, а я

тяжело выдыхаю. Он возвращается на кровать, матрас прогибается под его весом, когда он ползет ко мне.

— Ты прекрасна, — говорит он, убирая волосы с моего лица. — Это первое, что я подумал, когда увидел тебя на вечеринке.

Я облизываю губы, встревоженная и взволнованная, когда он располагается между моих ног, ставя руки по обе стороны от моей головы.

Мое сердце бешено бьется в груди, когда я сгибаю колени и скольжу руками по его спине, а он наклоняется ко мне и страстно целует. Я оборачиваю ноги вокруг его талии, когда он начинает проникать в меня.

Черт, это больно. Словно меня разрывают на части самым неестественным способом. Чем дальше он входит, тем сильнее боль, и я изо всех сил стараюсь не закричать.

Когда мои ноги сжимаются вокруг его талии, он отрывает от меня губы, сдувая волосы с глаз.

— Ты в порядке? — спрашивает он, удерживаясь неподвижно, наполовину внутри меня, а в его глазах застыла нерешительность. — Это твой первый раз... не так ли?

Разве не очевидно? Я киваю и, желая поскорее закончить с этим, выгибаю бедра, обхватывая его и заставляя пройти путь до конца. Я делаю вдох и выдох, его челюсть напрягается, но не от боли, а в напряжении.

— Все нормально, — говорю я, расслабляя ноги, чтобы ему было удобнее.

Он закрывает глаза, его рука скользит вниз по мне, вызывая марашки, пока он не достигает бедра. Крепко сжав, он толкнулся в меня, и я выгибаю спину, закатив глаза.

— Боже... Эмбер... — его глаза открыты, дыхание неровное, под стать моему, наши груди поднимается и пускается в унисон.

Я тяну его ближе, и он опять вбивается в меня, боль утихает, и сменяется чистым и удивительным наслаждением. Я двигаю бедрами вверх, желая большего, и он двигается со мной, толкаясь все сильнее и сильнее. Он удерживает мой взгляд, наблюдая, как я кусаю губу, чтобы не кричать. Я вонзила ногти ему в спину, и он испускает горловой стон, двигаясь быстрее. Боль рассеивается, и желание заполняет мое тело. Я двигаюсь вместе с ним, наши тела безупречно сталкиваются, и он кусает меня за шею, обхватывая грудь. Моя кожа влажная, и все тело начинает покалывать. С последним глубоким ударом, горячая спираль пронзает мое тело, я откидываю голову назад, глаза закатываются в чистом блаженстве, и я распадаюсь на части. Мои ноги натянулись вокруг него, пока я ловлю воздух, задыхаясь.

Спустя несколько мгновений, движения Ашера замедляются и становятся рваными, затем он успокаивается. Его голова наклонена вперед, и я чувствую его жаркое быстрое дыхание на своей шее, когда он целует ее.

— Эмбер... это было... — он подыскивает слова.

— Удивительно. Идеально. Безупречно. Абсолютно. Бессмертно и вечно желаемое и нужное, — я шепчу слова, которые позже буду рисовать на своей стене об этом моменте и всем, что я чувствовала с ним.

Он улыбается, отклоняясь назад, и смотря мне в глаза.

— Я собирался сказать невероятно, но это тоже подходит.

Улыбка касается моих губ, и я тяну его вниз, чтобы поцеловать. После очень долгого, нежнейшего поцелуя, он выходит из меня, и затем мы вместе лежим в постели. Его рука обнимает меня, и моя голова покоится на его груди. Я отвлеклась от событий сегодняшнего вечера. В горячке стремительно развивающихся событий я забыла об аварии и своей смерти.

Вот так просто. Но почему? Потому что у нас был секс? Я почему-то думаю, что случившееся может быть большим, чем просто сексом. Может, потому что Ашер подарил мне себя? Дар тишины.

— О чем ты думаешь? — спрашивает он, играя с моими волосами.

— О жизни и смерти, — признаюсь я.

Он колеблется.

— Ты ведь знаешь, что можешь все мне рассказать, верно? Я чувствую, словно... я не знаю... ощущения, словно ты что-то держишь в себе, думая, что, по каким-то причинам, не можешь никому доверять.

В моей голове крутятся слова отца. *Эмми, если и есть что-то, что тебе следует знать о жизни, так это то, что нельзя доверять никому и ничему. Жизнь — это гребанная игра разума, и мы с тобой в ней лишь пешки.*

— Я хочу, чтобы ты узнала меня и раскрылась, — добавляет он. — Я чувствую, как много ты держишь в себе.

— Ты тоже, с твоим отцом. Ты не любишь говорить о нем, и ты так до конца и не рассказал, почему переехал сюда. — я прикусила язык. — Извини. Я не знаю, в чем моя проблема. — Травма головы. Смерть. Или, может быть, это потому, что мое тело дрожит в каждом месте, где он касался меня.

Он тяжело сглатывает.

— Нет, все в порядке. — он скользит вниз так, что наши глаза оказываются на одном уровне, прижимаясь своей голой грудью к моей. — Ты хочешь знать кое-что обо мне, поэтому я расскажу тебе... я переехал сюда, чтобы избежать напоминаний об отце. Даже после того, как он умер, тяжелые воспоминания окружали меня в доме, который он оставил мне в своем завещании... каждое место, где мы ходили вместе... воспоминания были повсюду, и я нуждался в бегстве — бегстве от смерти.

— Я все понимаю, — я чувствую себя стервой. — Я не должна была заставлять тебя рассказывать мне.

— Я хотел рассказать тебе. — он заправляет мне прядь волос за ухо и на мгновение пожирает меня своими губами. — Потому что хочу, чтобы тебе было комфортно делиться со мной.

Я открываю рот, чтобы сказать ему все, выплеснуть свои сердце и душу, но, опять же, слова отца эхом отзываются в моей голове.

— Иногда, я чувствую, что жизнь — это просто один большой тест, чтобы увидеть, как долго мы сможем выживать.

Я кладу голову ему на грудь и крепко зажмуриваюсь, ожидая, когда он уснет.

— Хочешь услышать, что означает моя татуировка? — спрашивает он, его голос мягкий, как перышко.

Я удивлена. Я думала, он разозлится или решит, что я сошла с ума.

— Да, я хотела бы услышать.

— Это история, которую мне постоянно рассказывал отец. — он удерживает мою руку на своей груди, его сердце быстро бьется под моей ладонью. — Чернота сотрясла землю и захватила тела мертвых. Огонь возник над полями, и голод овладел океанами. Смерть победила гнев и Ангелов Смерти. Это был конец, но одна жертва отменила все. Один прекрасный Мрачный Ангел со смертью в её крови и на ее плечах объединила их, и единственным выбором она спасла мир. Но бой не будет легким. Смерть могла бы играть с

её разумом и жизнью, но Ангелы сделают все возможное, чтобы защитить ее. Она будет бороться, правильно и неправильно, и может все испортить, но, в конце концов, ей придется сделать правильный выбор, иначе Смерть победит и людей, и Ангелов ждут вечные муки.

— Но что это значит... — мои веки тяжелеют, и я начинаю дремать. — И почему они начинают бороться... Разве обе они не смерти? Или это было из-за... — *Душ*. Я пытаюсь открыть рот, чтобы спросить его, знает ли он про ту историю в книге, но усталость завладевает моим телом.

— Уже поздно, — шепчет Ашер, нежно целуя кончик моего уха. — Я останусь здесь, пока ты не уснешь.

Мои веки подрагивают.

— Хорошо...

Спустя несколько секунд, я засыпаю без сновидений, засыпаю, свободная от смерти.

Глава 15

Я просыпаюсь от стука в парадную дверь, чем дольше это продолжается, тем громче стук. Наконец, я сбрасываю одеяло и встаю с кровати. Ашер ушел, и в моей комнате темно, а за окном мигают красно-синие огни. Я натягиваю футболку и шорты и спускаюсь вниз.

В последний раз, когда приходили копы, Йен разбил машину. Мама отправилась с ним, потому что раны от смерти Алисы были еще свежи, а он был в больнице в течение двух дней, восстанавливаясь от тяжелой травмы головы.

Я распахиваю входную дверь. На крыльце стоят двое патрульных. Один низкий и мускулистый, другой высокий и неуклюжий. Полицейский автомобиль припаркован на подъездной дорожке, и мои соседи уже собрались на крыльце, наблюдая за происходящим в своих пижама, красные и синие огни освещают их сжечь-ее-на-костре выражения лиц.

Низкий офицер читает бумаги, прикрепленные к планшетке у него в руках.

— Вы Эмбер Роуз Эдвардс?

Мой пульс замирает.

— Да, это я.

— И вы владелица Додж Челленджер 1970 года?

Ох, черт. — Эмммм...

— Если соврете, у вас будут большие проблемы, — предупреждает офицер.

— Она моя. — у него крошки в усах, и я не могу перестать на них смотреть. — Или моего отца и моя.

— Ваш отец Патрик Эдвардс? — спрашивает высокий, и я киваю. — Он исчез несколько лет назад, и вас вызывали на допрос.

Я киваю.

— Да, и что?

Он хмурится и скользит пальцем по бумаге.

— Здесь говорится, что вы на испытательном сроке за хранение наркотиков.

Я прикусываю язык. Наркотики не мои — они были Йена. Но я взяла упаковку для него, так как он страдал маниакальными эпизодами. (*Маниакальный эпизод — это аффективное расстройство, характеризующееся патологически повышенным фоном настроения и увеличением объема и темпа физической и психической активности.*) — Да, это я.

— Вы должны пойти с нами. — он снимает наручники с пояса и держит их в руке, как предупреждение о том, что мне лучше хорошо себя вести. — Ваш автомобиль был вытаскен сегодня из озера.

— Я не знала, что автомобиль в озере — это преступление, — говорю я, облокотившись о дверной проем.

Он являет мне абсолютную нетерпимость.

— На самом деле, немного подозрительно, что вы не сообщили об этом, и он обнаружен неподалеку от места преступления.

— Что? — запинаясь я, выпрямляясь. — Какого преступления?

— На озере произошел инцидент, — объясняет низкий офицер. — Ночью пропала девушка, и мы получили анонимку, что ваш автомобиль может быть найден на дне озера — в последнем месте, где её видели.

— Это бред, — возражаю я. — Я была здесь в своем доме весь день.

— Что насчет вашей машины? — спрашивает он со снисходительной ухмылкой, от которой появляются морщинки вокруг глаз.

Я колеблюсь.

— Она пропала уже как неделю или около того.

— Угнали? — спрашивает он, и я качаю головой. — Тогда почему вы не сообщили об аварии?

Я пожимаю плечами и лгу:

— Не хотела, чтобы на меня злилась мама.

Копы обмениваются взглядами, и низкорослый сходит с крыльца и направляется к полицейскому автомобилю.

Тот, что повыше, говорит:

— Я офицер МакКинли, а это офицер Адамс. Мы должны отвезти вас в участок для допроса. Если вы пойдете по-хорошему, мы не будем использовать наручники.

Я смотрю вокруг, в смеющиеся глаза соседей, и планирую побег. Я исчезла однажды и смогу сделать это снова.

— Хорошо. Могу я, по крайней мере, обуться?

Он спускает очки и смотрит на мои шлепки.

— Эти подойдут.

Мудак. Я поскользываюсь в шлепках и иду за ним. Дверь гаража открыта, и машины Йена внутри нет. Рэйвен выбегает из дома в шелковой пижаме и тапочках и останавливается на краю дороги.

— Что происходит? — шепчет она, насторожено поглядывая на копов.

— Возьми своего брата, и отправляйтесь в участок, чтобы внести за меня залог, — шиплю я. — Не Йен и не моя мать. Я не хочу, чтобы они имели с этим дело.

Она кивает с широко распахнутыми глазами.

— Хорошо, встретимся в участке.

Я наклоняю голову, когда залезаю на заднее сидение полицейской машины. Последний раз, когда я была в такой, там пахло дымом, потом и старым мясом. Эта пахнет примерно так же.

Офицеры залезают и хлопают дверьми. Мы поворачиваем на дорогу, и я замечаю Камерона, вылезавшего из джипа около своего дома. Посмотрев в мою сторону, он улыбается и машет мне. Внезапно, у меня появляется идея о том, кто рассказал офицерам по поводу моей машины на дне озера.

Глава 16

Я жду в комнате для задержанных около часа, пока мелкий коп уловками пытается

сломать меня. Они заставили меня снять все украшения и опустошить карманы. Я откинулась в кресле, положив голову на спинку, и стала поочередно смотреть то на часы, то на кирпичную стену, всматриваясь сквозь стекло. Мои мышцы болят и горят от аварии или от секса (а возможно и от того и от другого) и я массирую ноги, пытаюсь унять боль.

Наконец в комнату входит детектив Краммер, закрыв за собой дверь. Она одета в простой черный костюм, светлые волосы зачесаны в пучок. Она ставит стул напротив меня, кидает папку на стол и надевает очки.

— Эмбер Роуз Эдвардс, — её тонкие губы дернулись в коварной ухмылке. — Вот мы и встретились снова.

Я выпрямляюсь в кресле:

— Вот и встретились.

Она осматривает меня:

— Тяжелая ночь?

Я смотрю на нее с безучастным выражением на лице:

— Не-а.

Она исследует страницы папки:

— Где сегодня твои мать и брат? Ты ведь живешь с ними, верно?

— Да... Моя мать всю ночь работала в закусочной, — говорю я ей. — А мой брат у друга.

— Тебе нужно позвонить им? — она закрывает папку и скрещивает руки. — Кто-то должен забрать тебя, когда мы здесь закончим.

— Нет, брат моей подруги заберет меня, — я скрещиваю руки на столе. — Моей маме нельзя пропускать работу, а Йен, вероятно, не ответит на телефон.

Она снимает очки в квадратной оправе и протирает линзы рукавом пиджака:

— Ты знаешь, почему тебя привезли сюда?

Я беспечно пожимаю плечами:

— Потому что моя машина была найдена на месте преступления.

— На таком же месте преступления, как у твоего отца и Ладена Миллера, — говорит она. — Что ты знаешь о Маккензи Бэйкер?

— Маккензи Бэйкер? — её шокирующие слова сбивают с толку. — Она — та, кто исчезла сегодня?

— Я буду задавать вопросы, — предупреждает она. — Итак, что ты знаешь о ней?

— У нас с ней несколько совместных уроков, и она была капитаном в группе поддержки. На самом деле, это все, что я знаю о ней.

— Ты была на сегодняшней вечеринке? На озере? Несколько человек сказали, что видели тебя там.

— Я была на озере до начала вечеринки, — отвечаю я. — Но я ушла, когда начали появляться люди.

Она что-то помечает сверху папки:

— И как ты добралась до дома?

— Я уехала с подругой, я ей позвонила, и она забрала меня, — говорю я, и она что-то пишет в своем списке.

— С кем ты ездила туда? — она пишет номер в уголке папки.

— С парнем, — отвечаю я и она поднимает на меня глаза. — Камерон Логан.

Она, кажется, не знает этого имени, но копы хорошо играют тупых:

— И кто он?

— Он только что переехал сюда из Нью-Йорка, — объясняю я. — Он живет на моей улице.

— Он был той причиной, по которой ты уехала? — она возвращает очки обратно.

— Отчасти, — говорю я нерешительно. — Он флиртовал с другой девушкой.

Она открывает папку и просматривает свои заметки:

— Как зовут эту девушку?

— Маккензи Бэйкер.

Она поднимает голову:

— Ты же знаешь, что ложь только усугубит твоё положение.

— Я не лгу, — заверяю я её. — Это правда.

Она неохотно возвращается к папке и делает ещё несколько пометок. Затем закрывает папку и снимает очки:

— Будем на связи, снова. У меня нет сомнений, — она протягивает мне руку для рукопожатия. — Ну а пока, для тебя лучше оставаться в городе.

Мои мышцы напряглись, когда я взяла её за руку. Густое, мерзкое ощущение охватывает руку. *Кровь и тысячи лепестков, разбросанных по грязи. Ангел стоит в центре толпы, лишенный крыльев и избитый до синевы. Лицо завешено нимбом из черных волос. Она делает шаг вперед и поднимает нож, но черная фигура спускается с неба и хватает её за плечи. Она кричит, пока они летят вверх, вверх, вверх, а затем он сбрасывает её на землю.*

Я замечаю знак X на её запястье:

— Кто вы?

Она одергивает рукав пиджака и поворачивается к двери:

— Осторожней, Эмбер, — говорит она, открывая дверь и прижимая папку рукой. — Говорят, безумие передается через поколение. У твоего отца была диагностирована шизофрения, которая может проявиться и в молодом возрасте. — она захлопывает за собой дверь.

Я изо всех сил стараюсь, чтобы не вскочить со стула, сломать замок, догнать её и причинить ей боль.

Спустя тридцать минут меня освободили. У них нет никаких реальных доказательств, ведь я ничего плохого не совершала, кроме того, что не сообщила, что моя машина пропала. Я подхожу к окну, чтобы забрать свои вещи, и большая черноволосая дама с ярко-синими тенями протягивает мне пластиковый мешок с моими браслетами. Она поворачивается спиной к окну, когда я приподнимаюсь и бью кулаком по стеклу.

Она раздраженно оглядывается на меня:

— Я могу чем-то помочь?

Я подняла мешок и трясла им перед окном:

— Да, у меня было ожерелье здесь.

Она разворачивается в своём кресле и скептически смотрит на мешок:

— Одну минуту, пожалуйста, — она катится к телефону, берет его и не спеша вешает трубку. — Это все, что было получено.

Взглянув на сумку, я качаю головой:

— Нет, у меня было ожерелье с большим бордовым камнем.

— Ну тогда, похоже, вы с легкостью сможете его найти, когда вернетесь домой, — она

выбирается из своего стула и идет в сторону двери.

Я сваливаю браслеты на прилавок, застегиваю их на запястьях и надеваю серебряные серьги-крылья на уши:

— Я знаю, что надевала ожерелье.

Рэйвен и ее брат Тодд сидят в зале ожидания, кроме них там еще один пожилой мужчина, поедающий сэндвич. Рэйвен подбегает, чтобы обнять меня, но быстро останавливается. Отступая назад, она застегивает пиджак на своей шелковой пижаме.

Тодду двадцать три года, и он вылитый мужской вариант Рэйвен. У него торчащие синие волосы, пирсинг на губе и его мускулистые руки полностью покрыты татуировками.

— Эй, нарушительница спокойствия, — он обнимает меня, и я дышу через нос, пока все не закончится. — Какого черта ты натворила на этот раз?

Мы проходим через стеклянные двери, и я наслаждаюсь своей свободой. Солнце проснулось, небо голубое и пожилые пары прогуливаются по тротуару и завтракают в патио. Розовые листовки с изображением лица Маккензи развешаны по всей улице на столбах, дверях и стенах окружающих зданий.

— Ну, видимо, преступление разбить машину отца и никому об этом не сказать, — я проскальзываю на заднее сиденье его Понтиака Файрберда 1980 года с большим нарисованным орлом на капоте. Рэйвен откидывает назад сиденье и садится за руль.

— Подожди. Ты разбила Челленджер своего отца? — спрашивает он, затем он нажимает на газ и двигатель хрипит. — Когда он пропал?

Рэйвен обменивается со мной взглядом, и я качаю головой. Она хочет узнать, что произошло на самом деле, но я не хочу рассказывать перед Тоддом. Первое, что нужно сделать — это поговорить с Ашером. Думаю, я готова услышать его ответы.

Тодд отвозит нас позавтракать в закусочную «Шерри». Это тематический ресторан в стиле семидесятых, где посетителям до сих пор позволяют курить. Наша официантка Бетти Лу, женщина средних лет с улеем из волос на голове, в овальных очках и белым передником поверх розового платья.

— Привет, ребятки, — приветствует она с книгой заказов и ручкой в руках. — Что я могу вам предложить?

Мы с Рэйвен сидим бок о бок в кабинке напротив Тодда, с одним меню на двоих:

— Можете дать нам секунду?

Тодд протягивает Бетти Лу меню и говорит:

— Я буду омлет, пшеничные гренки и отбивную.

Бетти Лу записывает его заказ:

— Я отнесу этот заказ и вернусь за вашим.

Как только она ушла, Тодд встает из-за стола:

— Я пойду в туалет.

Он идет к задней части ресторана, и Рэйвен шепчет мне на ухо:

— Он трахает официантку.

Я протянула с отвращением:

— *Бетти Лу?*

Она закатывает глаза и пальцем указывает на стройную официантку с огненно-рыжими волосами, стоящую у обслуживающего прилавка:

— Эта... подожди секунду и она пойдет назад к туалетам.

Мы делаем вид, что изучаем меню, но на самом деле наше внимание сосредоточено на девушке. На ее бейджике написано Стэф. Она симпатичная, может быть, на несколько лет старше Тодда, но кроме этого, она, кажется, в его вкусе. Конечно, примерно через минуту, как Тодд скрывается в туалете, Стэф идет за ним.

— Откуда ты знаешь про них? — спрашиваю я.

Она ведет пальцем вниз по меню, в списке напитков:

— Он приносит мне ужин или завтрак практически каждый день на протяжении двух недель и это выглядит как долбанная рутина. Так ты собираешься рассказать мне, что было в полиции?

Бетти Лу появляется в конце стола, и мы спешим отдать ей наши заказы. Она забирает наше меню, обходит прилавок и наполняет стаканы водой для людей в баре.

— Прежде чем я скажу, — говорю я приглушенным голосом. — Мне нужно, чтобы ты рассказала о знаке X у тебя на плече.

Она морщится и расстегивает пиджак, чтобы показать мне свое плечо:

— Я просто оцарапалась, когда целовалась с Ладеном. В его дурацкой машине отовсюду торчала проволока.

Ничего не осталось от царапины.

— Ладно, тогда почему ты такая... счастливая после его смерти?

Она кладет куртку на спинку и вытаскивает свои ярко-розовые волосы из-под воротника.

— Кое-что очень плохое случилось в ту ночь... Ладен чуть не изнасиловал меня.

Мое сердце буквально останавливается, умирает и засыхает.

— Что? Почему ты не рассказала мне?

— Потому, что он исчез сразу после того, как это произошло, и я боялась, что стану подозреваемой. — она оглядывается и понижает голос. — Кроме того, у тебя своих дел по горло, например, со смертью, мамой и Йеном.

— Ты могла бы сказать мне, — шепчу я. — Я бы никому не сказала. И я могу справиться с большим, чем ты думаешь.

— Нет, ты думаешь, что можешь справиться. — она отпивает воду и ставит стакан обратно на стол. — Но все нормально. Я разговаривала с Ашером об этом, и он действительно помог мне разобраться. И только я должна была разобраться со своим психотическим эпизодом.

— Когда ты разговаривала с Ашером? — мой голос прозвучал резко, и прочистила горло. — Извини, я просто не знала, что вы вместе проводили время.

— Успокойся, — она отодвигает посуду в сторону и опирается локтями о стол. — Мы просто друзья. И я говорила с ним об этом, потому что он был единственным, кто спас меня от изнасилования.

— Это...это невозможно, — запинаясь я. — Он спасал меня той ночью.

Она стучит пальцем по губе:

— Ну, это было до или после того, как он спас меня тогда.

Я отрицательно качаю головой:

— Нет никакого способа, чтобы он добрался до обоих мест вовремя.

— Я не уверена... Эмм... может, тебе стоит спросить у него, потому что все, что я знаю — это то, что Ладен — насильник и я не чувствую себя плохо из-за его исчезновения. И Ашер был практически моим ангелом в тот день.

— Твоим ангелом? Что ты подразумеваешь под этим?

Она быстро отводит взгляд:

— Это игра слов, глупышка.

— А что насчет Гаррика? — интересуюсь я. — Когда он ввязался во все это?

— Ох, он тоже был там в ту ночь, — оглядываю ресторан в зеркале на стене. Её глаза смотрят в отражение. — Гаррик и Ашер появились, когда это произошло. Ашер скинул с меня Ладена, а потом Гаррик забрал меня домой. Я не уверена, что Ашер сделал с Ладеном хотя догадываюсь.

— Ашер не мог никого убить... — затихаю я. Я едва знаю его. Да, у нас был секс, но это не значит, что я обнаружила, что скрыто в темной части его души. Я качаю головой. — И тем более, тот, кто похитил Ладена, похитил и моего отца. И Ашера даже не было рядом, когда это произошло.

— Может, это было одно из странных стечений обстоятельств? Или подражатель? И что даже если Ашер убил Ладена? — она фокусирует свое внимание на мне. — Он прижал нож к моему горлу. Я уверена, он собирался убить меня.

Я запинаясь словами, которых нет, потому что ничего не смогу исправить. К счастью, Тодд садится в нашу кабину и прерывает мою потребность утешить её, даже если я не умею. Он достает сигарету из кармана куртки и засовывает ее в рот.

— Итак, что я пропустил? — прикрыв рот, он зажег сигарету и выдохнул. — Что-то хорошее?

Рэйвен и я громко вздохнули.

— Неа, — сказали мы.

Тодд заставляет Рэйвен пойти с ним, чтобы прибраться в доме, тем самым давая мне немного времени, чтобы решить, сколько я могу рассказать ей. Кто-то написал "Убийца" ярко-красной краской на нашей двери. Это случилось несколько раз после исчезновения моего отца, только было написано на окне моей машины и происходило это обычно на школьной стоянке.

Я хватаю баллончик с растворителем из гаража:

— Это похоже на чертову охоту на ведьм, — говорю я, отмывая краску. В конце концов, стирается половина краски с двери, но небольшая окрашенная часть лучше, чем эта метка ненависти.

Как только я добираюсь до своей комнаты, я нахожу телефон и набираю номер Ашера. Он отправляет меня на голосовую почту, так что я пишу ему.

Я: Нам нужно поговорить.

Ашер: О чем? Что-то случилось? Это насчет прошлой ночи... с тобой все хорошо?

Я: Я в порядке. Просто у меня есть несколько вопросов.

Ашер: Немного замотался. Могу я завтра поговорить с тобой на танцах?

Я: Танцы??? КАКОГО ЧЕРТА?

Ашер: Да. Танцы в честь Хэллоуина... Я видел листовку на двери продуктового магазина. Я подумал, мы могли бы пойти вместе, как на свидание... на этот раз настоящее.

Я совсем забыла, что завтра Хэллоуин.

Я: Пожалуй. Но можно я встречу с тобой там?

На всякий случай, если все будет плохо, я смогу сама добраться до дома. Мне нужно

узнать, кто такие Анамотти, знает ли он что-то о детективе Краммере и что он знает об Ангелах и Мрачных Жнецах.

Ашер: Конечно... С тобой точно все нормально?

Я: Да. Мне просто нужно поговорить с тобой кое о чем... О чем мы говорили прошлой ночью. Думаю, я готова к ответам. У меня есть несколько вопросов к тебе.

Ему требуется секунда, чтобы ответить.

Ашер: Я знаю, что есть. Я буду ждать тебя на танцах в 7. И я буду одет как художник;)

Я кладу свой телефон, когда он снова пишет мне.

Ашер: И Эмбер... Прошлая ночь была удивительной. Я не хочу потерять тебя... Я хочу, чтобы каждая ночь была как прошлая.

Я не уверена, что думать об этом сообщении, но вот мое тело чертовски уверено. Оно уже завелось, стоило только подумать о нем. Пожалуйста, пожалуйста, ну пусть он не будет серийным убийцей. Он слишком сильно мне нравится. Я швыряю телефон на кровать. Сейчас день, но я устала и начинаю забираться в кровать, чтобы немного отдохнуть.

— Йен! — крик моей мамы разносится по дому.

Вздыхнув, я выбираюсь и спешу по коридору в её комнату. Её кровать разобрана, а униформа разбросана по полу. Дверь в ванную закрыта, а ручка покрыта кровью.

Я бесшумно подхожу к двери:

— Мам? Ты там?

Она плачет с той стороны:

— Уходи... Мне нужен Йен.

Я дергаю дверную ручку и толкаю дверь:

— Мама, открой дверь. Йена сейчас нет, зато есть я.

— Нет! — кричит она. — Я не хочу, чтобы ты была здесь. Ты убийца! Ты убийца! Ты убила свою бабушку!

Я тарабаню кулаком дверь:

— Мам, пожалуйста, просто открой дверь. Ты на хрен пугаешь меня.

Что-то ударяется с той стороны двери, и я слышу звуки разбивающегося стекла. Я бегу в комнату, хватаю с комода телефон и на обратном пути к её спальне набираю Йена.

Он поднимает трубку через три гудка:

— Йоу, йоу, йоу. Как дела? — он пьян, хотя сейчас только обед.

— Тебе нужно приехать домой, — требую я. — *Сейчас.* У мамы один из её кризисов, а разговаривать она хочет только с тобой.

— *Что?* — он вдруг звучит трезво.

— Она заперлась в... — я затихаю, входя в её комнату. Дверь в ванную открыта. — Йен, просто приезжай сейчас. И заставь кого-то трезвого отвезти тебя.

— Хорошо, — говорит он, измотано. — Я скоро буду.

Я вешаю трубку, кидаю телефон на кровать и захожу в ванную. Белая плитка покрыта осколками стекла, а раковина и зеркало в пятнах крови. Душевая занавеска сорвана с рейки и таблетки разбросаны внутри ванны.

— Мам. — я иду обратно в спальню и заглядываю под кровать. — Йен в пути, и он просил сказать тебе, что все хорошо, и чтобы ты поговорила со мной. — я подхожу к двери шкафа и открываю его. — Мам?

— Я не там, — её леденящий душу голос раздается над моим плечом.

Я оборачиваюсь и прижимаю руку к сердцу, семена назад:

— Ты напугала меня.

Она стоит в дверном проеме с ножницами в руке. Знак X на ее лбу заливает кровью глаза, и передняя часть ее рубашки забрызгана кровью.

— Для всех плохо находиться рядом с тобой. — её глаза бесчувственны, будто она оторвана от реальности. Кровь сочится из ее запястий, когда она поднимает ножницы над головой. — Ты убийца! Копы так считают! И бабушка так считала, хотя она не могла мыслить разумно. Но ты все равно сделала это.

Я держу руки перед собой и медленно пячусь назад, подбираясь к телефону:

— Мама, сколько таблеток ты приняла?

— Достаточно, чтобы ушла боль — он сказал, что я должна была, — она входит в комнату, затем останавливается, наклоняясь назад, будто кто-то шепчет ей на ухо. — Да, знаю, но она не... Хорошо, я постараюсь. — она переводит на меня свой бездушный взгляд. — Эмбер, моё милое дитя, почему ты вообще должна была родиться? Йен был нормальным, и твой отец и я были счастливы, что его расстройство не передалось ему. Но потом появилась ты, и мы увидели это в твоих глазах. Как ты разговаривала с пустотой и нашептывала секреты растениям, забирая их жизненные силы.

— Я... — она знает обо мне? — Мам, о чем ты говоришь? — я продолжаю нащупывать вокруг себя телефон. — И у отца не было шизофрении, просто все так думали.

— Я говорю не о шизофрении! — кричит она, у нее покраснело лицо и вздулись вены. — Я говорю о проклятии, лежащем на тебе.

Мои пальцы коснулись края телефона.

— Мама, просто успокойся...

Она бросается на меня с ножницами. Я прыгаю на кровать и несусь в ванную, но она обегает вокруг кровати и хватает меня за ноги, опрокидывая меня. Я падаю на спину, она поднимает руки и погружает ножницы в мою грудь.

— Мама... — река крови течет из моей груди, и я хватаю воздух.

Она наклоняется ко мне и выжидающе смотрит, будто сейчас произойдет какое-то чудо.

— Мне жаль, мой сладкий ребенок, но он заставил меня сделать это. Смерть более убедительна, чем разум, — она гладит мои волосы.

Кровь заливает мне горло и вытекает из моего рта, когда я выдергиваю ножницы из груди.

— Мама...

Она кладет руку мне на сердце.

— Давай, возьми её. Я знаю, ты можешь. Ты сделала это со своей бабушкой.

Кровь продолжает течь из раны на груди и, словно река, бежит по её руке. Я смотрю ей в глаза, удивляясь, это действительно она или ночью её разум окончательно покинул ее.

Бум, бум, бум, бум. Мое сердце поет смертельную песню.

— Бери, Эмбер, — просит она с широко открытыми глазами. — Пока не поздно.

Мои глаза закрываются, когда сердце допеваает последнюю песню, мои вены пусты, а легкие сжимаются. Я позволяю себе уплыть в сон — или в смерть, когда ощущаю чужое присутствие в комнате и с трудом поднимаю веки.

Мрачный Жнец поджидает за мамой, его темные глаза скрываются под капюшоном. Он что-то шепчет ей на ухо, а затем отступает назад.

— Пора, — говорит она, протянув ко мне руку. — Пожалуйста, Эмми. Пора. Песчинки

закончились и мои песочные часы пусты.

— Бери, Эмбер, — искушает Мрачный Жнец с раздражающей ухмылкой. — Возьми ее жизнь.

Я ощущаю грохот ее сердечного приступа с молчанием моего. Её кровь смешивается в моих жилах и наполняет легкие. Я задыхаюсь и в ужасе наблюдаю, как ее кожа сморщивается, и она становится в два раза старше.

— Мамочка, — я сбрасываю руку с ее груди, и она падает на пол. Я нависаю над ней, проверяя ее пульс. Она выглядит такой старой и немощной... такой... безжизненной.

Жнец наблюдает за мной из угла комнаты, прислонившись к стене, и выглядит довольным.

Я бросаю в него ботинком:

— Я ненавижу тебя! Ты разрушил мою чертову жизнь!

— Какого черта? — говорит кто-то позади меня.

Я оборачиваюсь, Йен стоит прямо за мной. Его глаза широко открыты и наполнены беспомощностью, когда он смотрит на нашу мать, лежащую мертвой на полу.

Смех Мрачного Жнеца эхом стучит в моей голове, проникая сквозь стены комнаты.

— Вызови чертову скорую! — ору я на Йена, и начинаю делать искусственное дыхание маме, нажимая на ее грудь, умоляя ее сердце биться вновь.

Он удивленно моргает и быстро достает телефон из кармана. Слезы льются из моих глаз, в то время как я нажимаю на её грудь и выдыхаю в нее воздух. Я продолжаю делать это, пока не приходят парамедики и не забирают ее. Но даже когда они катят ее на носилках, она продолжает дышать самостоятельно. И она все еще такая старая.

Они погрузили ее в машину и с мигалками рванули в больницу. Мы с Йеном садимся в его машину, и он дает мне свою куртку. Я надеваю ее и прикрываю кровь на своей рубашке. Но я не могу скрыть кровь на своих руках.

И так будет всегда.

Глава 17

Мы с Йеном вернулись домой позже той же ночью, когда маму стабилизировали и накачали успокоительным. Она приняла повышенную дозу лекарств, плюс в её организме были найдены следы наркотиков и алкоголя. К тому моменту, как врачи помогли ей дышать, внезапное старение прекратилось. Но осталось несколько лишних морщинок вокруг глаз и немного больше седины в ее волосах.

Она находится под наблюдением, и мы не сможем видеть ее до полного завершения психического анализа. Мы почти не разговариваем друг с другом и Йен напрямик направляется в свою студию. Он не знает, что произошло на самом деле и это хорошо, потому что он не сможет справиться с этим знанием: то, что у мамы была передозировка, и она порезала себе лоб и запястья.

— Если тебе что-то понадобится, — зову я, пока он плетется вверх по лестнице, — пожалуйста, позови меня.

— Конечно, — бормочет он, по пути стягивая ботинки. — Я просто пойду порисую немного.

Я сомневаюсь, что он будет рисовать. Он, скорее всего, запрется в своей комнате и будет курить до оупения. Как только он оказывается наверху, я падаю на диван, поджав под себя ноги.

— Все, что я хочу- это спать вечно. Пожалуйста, просто дайте мне спать вечно.

Я смотрю в окно, как ворон летает снаружи, назад и вперед, назад и вперед, а затем приземляется на подоконник. Он расправляет свои маленькие крылья и смахивает несколько перьев.

— Уходи, — я бросаю диванную подушку в окно.

Спрятав свои крылья, он вращается по кругу, и я бросаю в него ещё одну подушку. Раскрыв клюв, он каркает. Я нехотя стаскиваю себя с дивана и кладу руки на стекло.

— Почему бы тебе просто не уйти?

Удовлетворив мое желание, он летит в сторону дома Камерона. Уже поздно, большинство домов темные, но на чердаке у Камерона горит свет. Мной овладела ярость, не принадлежащая мне, горящая безудержно, как лесной пожар. И будто мои ноги больше не принадлежат мне, я выхожу через входную дверь и бегу через дорогу. На мне до сих пор пижама, в которой я была в полиции и кровь по-прежнему на рубашке и руках, но это нормально. Я отправляюсь туда не чтобы поразить его.

Его джип припаркован перед домом, а шины покрыты кусками грязи. Я прикрываю руками глаза, пытаюсь заглянуть в окно, размышляя не найду ли я веревку и рулон скотча, вроде тех, что видела в знамении смерти Маккензи.

— Ищешь что-нибудь интересное? — насмешливый голос Камерона поразительно близко.

Медленно, я поворачиваюсь к нему. Он стоит ближе, чем я ожидала, и моя нога скользит с края обочины, сдвигая меня в сторону.

— Полегче, — он ловит меня за руку и тянет на обочину. На нем потертые джинсы, никакой рубашки и кожа практически светится под тусклым лунным светом. К тому же, в его светлых волосах и на руках пыль, что странно.

Я высвобождаю руку, и на ней остаются пыльные следы его ладони.

— Зачем ты это сделал?

Он знает, о чем я говорю- это ясно по его спокойному выражению лица.

— Но я не делал этого.

— Да, сделал. — я стираю пыль с руки. — Ты был единственным, кто знал местонахождение моей машины.

— Я?! — он качает головой, и пыль сыпется с его волос. — Потому что у меня было ощущение, что ты не смогла бы сама выбраться из машины в ту ночь.

— Откуда у тебя такое ощущение? — спрашиваю я. — И почему в твоих волосах грязь? Ты снова копал могилы, ища ваши, — я делаю воздушные кавычки, — "фамильные драгоценности"?

— На самом деле, в итоге я нашел их в самом неожиданном месте. — его глаза путешествуют вверх по моему телу и задерживаются на дыре в рубашке. — И я думаю, что это я должен задавать тебе вопросы. Начнем с того, почему ты выглядишь так, словно совершила убийство.

— Скажи мне, Камерон, — я изо всех сил старалась сохранить самообладание, но срываюсь и тычу его пальцем в грудь. — Что случилось с Маккензи прошлой ночью после моего ухода?

Он склоняется к моей голове и упирается рукой о крышу джипа.

— А что? Ты ревнуешь?

— Ревную, что не единственная, кого убили? — я прислоняюсь к джипу и скрещиваю руки.

— Знаешь, мне кажется я единственный, в отношении кого ты такая вспыльчивая. — он наклоняется, и его глаза потемнели. — С остальными, с кем я тебя видел, ты была милее, чем могла бы быть. И была со мной такой сначала, но теперь... что случилось?

— Ты отшил меня на озере, — признаю я, отодвигаясь от него настолько, насколько возможно, но я уже довольно сильно прижата к двери джипа. — А потом рассказал полиции, где моя машина после исчезновения Маккензи.

— Я не говорил полиции, где твоя машина, — говорит он и его рука находит мое бедро. — Что было первой вещью, что я рассказал тебе о себе? Что я не лгу.

— Я думаю, это девиз лжецов.

Он разочаровано опускает голову, и его волосы щекочут мой нос.

— Эмбер, Эмбер, Эмбер, что же мне с тобой делать? — он поднимает голову, и печаль возвращается в его глаза. — Это все из-за того, что я флиртовал с Маккензи, и единственная причина, почему я это сделал, чтобы ты приревновала меня — и почувствовала, что почувствовал я, когда появился в твоём доме и увидел, что какой-то парень спит с тобой в постели.

— Знаешь, что? — я ныряю под его руку, но он ужесточает хватку на моем бедре, тянет меня обратно к нему, ударяя о дверь. — Я даже не знаю, зачем я пришла сюда. Должно быть, это был безумный порыв.

— Потому что ты хотела увидеть, убил ли я её, — говорит он, притягивая меня к себе. Он облизывает свои губы и наклоняется ко мне, собираясь поцеловать.

Покачав головой, я вырываюсь из его пальцев, и на этот раз он отпускает меня. Я мчусь по улице, но останавливаюсь, когда он поизносит:

— Вот что ты думаешь. Что я убийца, но ты ошибаешься, и я могу это доказать.

Я оглядываюсь через плечо:

— Я не куплюсь на твой блеф.

Он машет мне, чтобы я следовала за ним, когда идет обратно через лужайку:

— Пойдем со мной, и я докажу тебе это. — он входит в дом и оставляет дверь распахнутой. Через несколько секунд внутри включается свет.

Я иду обратно к обочине.

— Неужели он действительно думает, что я пойду туда? — бормочу я про себя. Опять же, кажется, я не могу умереть, так что какая разница.

Как тень, он маячит в дверях, подсвечиваемый светом:

— Ты идешь или так и собираешься стоять там в темноте и пялиться на дом?

Я качаю головой и останавливаюсь снизу на крыльце:

— Всё, что ты хочешь мне показать, можешь показать снаружи.

Он вздыхает и прячется обратно в дом. Через несколько минут высовывается блондинка.

— Эмбер, ты можешь просто притащить сюда вою задницу, — говорит Маккензи с ноткой мольбы в тоне. — Прежде, чем кто-нибудь поймет, что я здесь.

Я оглядываюсь через плечо на дома, стоящие вдоль обочины и прихожу к умопомрачительному выводу, что я, вероятно, схожу с ума, как некоторые поэты прошлого. Или как Мрачный Ангел.

Я взбегаю вверх по лестнице, мимо Маккензи и через лестничную площадку. Камерон закрывает дверь, и мы проходим в гостиную с темно-красными стенами и кирпичным камином. Полка украшена искусственными растениями и фотографиями. Над ней зеркало, отделанное золотой рамой, а воздух пахнет яблоками и корицей от зажженных свечей.

— Не так я представляла твой дом, — замечаю я, садясь на стул. Камерон и Маккензи сели на диван напротив меня. На Маккензи большая фланелевая рубашка и боксеры, и я не удивлюсь, если одежда принадлежит Камерону. У нее на запястьях и шее кожаные ремешки, будто она решила выглядеть как полугот.

— Копы думают, что я убила тебя, — говорю я ей. — Они привезли меня в участок для допроса пару ночей назад.

— Вау, девушка-убийца говорит, — сказала она ехидно. — Ты была такой тихой в школе, что я думала будто ты немая.

Камерон кладет руку на её голое колено:

— Легче, помни, она знает, что ты здесь, так что веди себя хорошо.

Она возмущено скрещивает руки на груди, сердито надувшись:

— Да, но только потому, что ты заставил меня впустить её. Лично мне плевать, думает она, что ты врешь или нет. — Камерон наклоняет голову, и она отступает. — Мне очень жаль. И прости меня, Эмбер. Слушай, дело в том, что... Ну, у меня проблемы дома. Все было на самом деле плохо, я сказала это Камерону на озере, и он посоветовал мне исчезнуть на некоторое время и отдохнуть.

— Ты ведь знаешь, что тебя все ищут? — говорю я с нажимом. — По всему городу расклеены листовки с твоим лицом на них. Это на самом деле скверно.

— Скверно? — она смеется, и слезы начинают катиться из её глаз. — Нет, скверно расти в доме, в котором росла я.

— У многих скверная жизнь дома, — сочувственно говорю я.

— Ох да, а что скверного в твоей жизни? — слезы текут по её загорелой щеке, когда она царапает кожу под ремешком на шее. — Твой отец использовал тебя, чтобы закрыть рабочие сделки со старыми извращенцами? Я просто хотела быть подальше от него хоть на минуту, просто дышать. Ты никогда не хотела просто дышать?

— Каждый день моего существования, — шепчу я.

Камерон ловит мой взгляд и обвинительно приподнимает брови.

— Значит ты просто где-то ее спрятал, а затем разбросал по всему берегу перья и рисовал знак X и песочные часы? — спрашиваю я, игнорируя его обвиняющий взгляд.

Камерон сдвигает брови и закидывает руку за Маккензи.

— Я её спрятал, но не разбрасывал перья и не делал странных рисунков. Зачем нам это делать?

— Чтобы сделать ее исчезновение похожим на остальные, — говорю я.

— Хорошая идея, но мы этого не делали, — отвечает он.

— Но так мне сказала детектив, — я откидываюсь в кресле, морща лоб. — Зачем она это сделала?

— Вероятно, чтобы задурить тебе голову, и ты проболталась, — Маккензи пожимает плечами и передвигает ленты на запястье. — Это их почерк.

Когда мы с Камероном уставились на нее, она добавляет:

— Что? Я много смотрю "Закон и порядок", ладно?

Я опустила ноги на пол, бурля тревожной энергией.

— Они думают, что я убила тебя... и думают, что убила Ладена.

— Нет, не думают. У них просто нет других зацепок. — глаза Камерона путешествуют вниз по моему телу. — Хотя если бы они увидели тебя сейчас, то заперли бы.

Я обнимаю себя руками:

— Я попала в аварию.

Он указывает через плечо:

— Так вот почему скорая помощь была у твоего дома?

Я фокусируюсь обратно на Маккензи.

— И что я должна делать? Притвориться, что никогда ничего не видела и позволить им продолжать расследование против меня?

— Правда? — спрашивает она с надеждой, умоляюще сложив перед собой руки. — Это было бы здорово, по крайней мере, пока я не выясню, где смогу жить.

Я тру свои измученные глаза.

— Я не хочу показаться грубой, но ты не можешь просто рассказать кому-то, что происходит?

Она вымучено рассмеялась.

— Ты думаешь, я не пробовала? Но моя мать всегда на стороне отца, говоря, что я делаю это, чтобы привлечь к себе внимание. И мой отец важный спонсор Департамента полиции Hollows Grove.

— Он подкупил их? — спрашиваю я потрясено, и она утвердительно кивает. Мгновение я размышляю над проблемой, но особого выхода не нахожу. — Хорошо, я буду держать рот на замке, но, пожалуйста, постарайся что-то придумать, пока меня на самом деле не арестовали.

— Спасибо, Эмбер, — говорит она с благодарностью и опускает руки на колени. — Знаешь, мне жаль, что я так плохо относилась к тебе в школе. — она встает и обнимает меня.

Мои глаза широко раскрыты, когда я подготавливаю себя, но её смерть не объявляется.

Она отходит к двери и говорит Камерону:

— Я собираюсь прилечь, Кэм. Я очень устала.

Она исчезает в дверях, а я поворачиваюсь к Камерону.

— Всё это еще не объясняет, как копы узнали, где мой автомобиль, — говорю я.

— Я не могу ответить на этот вопрос, — он опирается руками на колени и сцепляет пальцы. — Единственное, что я могу сказать, что это был кто-то, кто знал где находился твой автомобиль.

Ашер. И, возможно, человек, что преследовал меня в ту ночь.

— Кто-то спас тебя? — недоумевает он с обвинением в глазах. — Или ты самостоятельно выплыла из машины?

— У меня отличная паническая реакция, — я поднимаюсь на ноги. — Мне нужно идти домой. Уже поздно.

Он провожает меня до двери, но как только я ее открываю, закрывает.

— Могу я показать тебе кое-что, прежде чем ты уйдешь? — к нему вернулся тот хороший парень, как когда мы впервые встретились и краткие моменты в его джипе.

Вздыхнув, я поднялась с ним в его комнату. Здесь большая кровать в центре комнаты, высокий комод в углу и дверь, которая выходит в небольшой внутренний дворик с походным стулом. Стены черные и пустые, за исключением белой разлинованной стены и стихов на ней.

— Это твои слова? — спрашиваю с удивлением, и он кивает. Я подхожу к стене и читаю центральный стих. — *В отдельных полях черные перья, птицы летают. Четыре крыла, два сердца, но одна душа. Они соединяются в середине, но разделены тонкой линией пепла. Это то, что объединяет их, пока их перья не разрываются. Они никогда не могут*

действительно быть вместе, как свет и тьма. Разве что, один из них не принесет окончательную жертву, задув свою свечу, и присоединится к другим в темноте.

Камерон с интересом за мной наблюдает.

— Как думаешь, что это значит?

— Они никогда не смогут быть вместе, — говорю я, пробегая пальцами по словам. — Разве что один умрет? Но почему? Что делать если один улетел в земли мертвых?

— Это то, с чем тебе придется разбираться самостоятельно. — он отколупывает кусочек крови с моей рубашки. — И ты должна знать, что поэт не любит объяснять смысл своих слов.

Я грызу ноготь:

— Да, я полностью понимаю. Но ты должен знать, как поэт, у меня есть желание понимать слова.

— Знаешь, — он делает шаг ко мне, — мы так и не сходили на поэтическую дуэль.

— Это не моя вина, — напоминаю я ему, отступая.

— Ты убежала, — он кладет руку на мое запястье и нежно проводит до плеча. — Я пытался заставить тебя ревновать.

— Камерон, — говорю я с осторожностью, глядя на стену. — Ты, случайно, не видел на озере черную машину с тонированными стеклами?

Его пальцы достигают ключицы, и он кружит по моей коже.

— Нет, а что? Что-то случилось с этой машиной?

Ощущение тишины ошеломляет мой разум, и я чувствую, что тянусь к нему, когда его рука путешествует вниз к моей груди. Но лицо Ашера появляется перед моими глазами, и я трясую головой, выдыхая его прикосновения.

— Я должна идти.

Его пальцы спускаются вниз по моему телу, когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, и он тянет меня за край рубашки.

— Ты можешь остаться, если хочешь. И можешь спать в моей кровати. — он невинно поднимает руки. — Я обещаю не трогать тебя, только если попросишь.

— Маккензи ты то же самое сказал? — спрашиваю я, выгнув бровь.

— С Маккензи мы просто друзья, — он улыбается, намерено скользя костяшками пальцев по моему животу. — Но мне нравится, что тебе не безразлично.

Я отхожу назад, между ним и дверью.

— Давай, Эмбер, — он уговаривает меня голосом, которому трудно сопротивляться и тянет меня за рубашку к себе.

Я позволила притянуть себя к нему, размышляя, как он будет ощущаться внутри меня. Я буду чувствовать то же, что и с Ашером? Или будут различия?

— Пожалуйста, останься со мной, — он почти умоляет.

Я вкладываю всю силу воли в свои ноги и отхожу к двери:

— Извини, Камерон, но я думаю, ты слишком для меня.

— Все девушки так говорят, — шутит он, но огромное море боли появляется в его глазах, когда он отпускает мою рубашку. — Подожди. Я провожу тебя до двери.

Глава 18

Когда мне было тринадцать, моя мама запирала меня на чердаке на целый день, потому что считала, что я убила несколько ее комнатных растений. Это было не таким уж большим делом, но только она не давала мне есть и пить, и не было перерыва, чтобы сходить в туалет.

Я вышла из ситуации, не будучи слишком травмированной.

Единственное, что меня беспокоило, так это ее вера, что я специально убила ее растения. В то время это казалось смешным; идея, что человек менее чем за пять минут может иссушить комнатные растения. Теперь я размышляю, делала ли я это и всегда ли моя мама знала обо мне.

Я проснулась на диване с ногами, закинутыми на спинку и с висящей вниз головой. Сейчас конец дня, небо окрашено в бледно-розовый. Дети смеются на улице, и кто-то дресселирует мотоцикл. (*Дресселирование (от нем. drosseln — ограничивать, глушить) — понижение давления газа или пара при протекании через сужение проходного канала трубопровода — дроссель, либо через пористую перегородку.*)

Я лежу неподвижно, с раскалывающейся головой и пытаюсь уснуть, абсолютно не готовая встретить этот день, или выяснять, что делал Йен в своей студии всю ночь. Я слышала, как кто-то проскользнул в конце прошлой ночи, но мне было все равно кто это. Были приглушенные голоса на лестнице, а затем шаги направились на чердак.

Не меняя позиции, я хватаю пульт с журнального столика, но открылась передняя дверь, и кто-то юркнул в дом.

Высокие каблуки застучали по полу.

— Какого чёрта произошло? — спрашивает Рэйвен, кладя руки на бедра. — Почему вчера здесь была скорая?

Вверх ногами она выглядит странно, одетая как ангел с белыми крыльями из перьев и в серебристо-атласное платье. Ее розовы волосы завиты, а макушка обвита белой лентой как нимбом.

Я села и протерла глаза:

— Потому что моя мама свихнулась и пыталась порезать себе вены, — слова выскакивают сами собой.

— Эмбер... — ее руки падают с бедер. Она понятия не имеет, как реагировать на мою честность. — Что я могу сделать, чтобы помочь?

Я стаскиваю свою задницу с дивана, и её глаза расширяются от вида моей рубашки.

— Ты можешь отпустить меня спать, оочень долго спать, — говорю я. — Всё, что я хочу, так это спать.

Она ахает и прижимает руки к сердцу:

— Какого черта ты вся в засохшей крови?

— Потому что моя мама ударила меня ножницами, — признаюсь я, зевая.

Она раскрыла дыру на моей рубашке, куда вошли ножницы.

— Эмм, это не смешно.

— Я и не пытаюсь веселиться, — говорю я ей. — Она меня пырнула ножницами, и тогда я чуть не убила ее, высасывая из нее жизнь, чтобы исцелить себя.

— Ты в шоке. — она отгораживается руками. — Или ты ударялась головой?

— Ничего со мной не случилось, — я протискиваюсь мимо нее. — Я собираюсь пойти спать, чтобы немного отдохнуть. Может быть, я буду спать целую вечность.

Она хватается за рубашку и тянет обратно:

— Нет, не собираешься. Ты пойдешь на вечеринку и повеселишься. В твою семью пришла депрессия. И я не позволю утонуть тебе в этой темной дыре.

Я разворачиваюсь на пятках:

— Моя мама заперта из-за попытки самоубийства, и я узнала, что моё проклятие

знамений смерти протягивается куда дальше, чем я предполагала. Я высасывала жизнь своей матери, чтобы выжить. Я не собираюсь на чертов Хэллоуин.

— Ты не пойдешь в свою комнату, чтобы писать грустные стихи о боли и смерти, — настаивает она сурово. — Твоя мама проделывала подобный трюк раньше, когда запирала тебя на чердаке на целый день, думая, что ты убила её комнатные растения.

— Нет, это другое — она на самом деле убила меня. — но была ли это она или Мрачный Жнец? Казалось, она могла слышать и видеть его.

— Меня не волнует, что она сделала, — говорит Рэйвен властно. — Ты идешь.

— Ты сошла с ума? — я разделяю каждое слово. — Моя. Мама. Пыталась. Убить. Меня.

— Ты уверена? — она крутит серебряную цепочку на шее. — Может быть тебе стоит всё еще раз обдумать?

— Я... — я смотрю на неё, наблюдая как у неё задергался глаз. — Что ты скрываешь от меня?

— Ничего, — она трет уголок глаза будто что-то застряло в нем. — Я просто думаю, что ты хоть раз должна пойти и повеселиться.

— Я думаю, ты должна пойти, — Йен появляется снизу лестницы. Он одет в джинсы и белую футболку, измазанную в красной краске, как и его лицо с руками. — На самом деле, я подброшу тебя по пути на свою вечеринку.

— Вы оба сошли с ума, — я мчусь к лестнице, но он отступает в сторону, преграждая мне путь. — Уйди с моей дороги, Йен. Пожалуйста.

Он качает головой:

— Я не собираюсь оставлять тебя здесь одну после того, что случилось. Мама будет в порядке — все будет хорошо. На самом деле, мне сегодня утром позвонили из больницы и сказали, что она действительно делает успехи. Её раны очень быстро заживают, и лекарства стабилизировали её настроение. Мы сможем увидеть ее завтра.

Я стучу пальцами по ноге:

— Я все равно не пойду.

— Да, ты пойдешь, — настаивает Рэйвен.

Я качаю головой:

— Я всегда ходила с тобой на каждую вечеринку, на которую ты просила, но не в этот раз.

Йен легонько пихает меня в сторону лестницы:

— Перестань быть ребенком, надень чертов костюм, и иди повеселись хоть раз в своей гребаной жизни.

— Ашер будет там, — заманивает Рэйвен, поигрывая бровями. — Он написал мне и попросил убедиться, что ты придешь, потому что ты не отвечала на свой телефон.

Ашер. Анамотти. X на лбу у моей мамы. Всё это возвращается обратно ко мне. Мне нужно узнать, что происходит.

— Ладно, я думаю...

Мрачный Жрец материализуется позади Йена, с опущенной головой взмывая под потолок. Затем он поднимает руку к своему лицу и его рукав опускается, показав человеческую руку.

— Он человек, — шепчу я, не в состоянии двигаться.

Жрец прикладывает палец к губам:

— Тсс... Не надо бояться. Ответы находятся во мне, — мурлычет он, и звук его голоса

завораживает. — Пойдем со мной, Эмбер. Я тебя умоляю. Никогда не отворачивайся.

Мой разум начинает плавиться от его просьбы, но прикосновение Рэйвен к моему плечу тянет меня обратно.

— Эмм, возьми себя в руки, — командует она.

Я отгоняю это ощущение и отшатываюсь:

— Я сказала тебе держаться подальше от меня.

Его палец превращается в кость и под капюшоном разжигается пламя. Он налетает на меня, и я ныряю на пол, животом вниз. Он парит над моей головой, его плащ развивается за спиной, когда он прижимает рот к моему уху, а его дыхание будто он украл тысячу могил:

— Я приказал твоей матери убить тебя, представь, что еще я могу сделать. Не идти против моих желаний, Эмбер Роуз Эдвардс. Единственные ответы, которые тебе нужны, находятся у меня.

Я чувствую, как он ушел, тишина врезается в спину. Когда я встаю обратно на ноги, его нет, а Рэйвен и Йен уставились на меня, ужас застыл на их лицах.

— Эмм, — говорит Рэйвен робко. — Ты в порядке?

— Да...я думаю, — но мне нужно убраться подальше от всего этого безумия. Мне нужно дышать.

— Слушай, — говорит она своим строгим тоном, поправляя волосы. — Ты многое пережила за последние пару недель, и я не хочу, чтобы ты была дома в одиночестве, особенно на Хэллоуин — ты знаешь, какие сумасшедшие вещи происходят иногда.

— Знаю...Ладно, я пойду, — я срываю свою куртку с перил и бросаюсь к двери. Несмотря на предупреждения Жреца, я собираюсь узнать у Ашера ответы. Я вынужденно жила под контролем смерти слишком долго в своей жизни, и я думаю пора освободиться от этого.

— Хм...Эмм. — Рэйвен встает передо мной и разводит руки в стороны. — Вначале тебе нужно переодеться.

Я встряхиваю свою кровавую и рваную одежду.

— Я уверена, что никто не заметит. Это же Хэллоуин.

Она гонит меня к лестнице:

— Тебе может и плевать, но у меня другие планы на тебя. Большие планы. Один из них заставить упасть Ашера на колени.

— Я не очень беспокоюсь, как я выгляжу сейчас или упадет ли Ашер на колени, — я стою на нижней ступеньке. — Я иду только потому, что мне нужно поговорить с Ашером кое о чем и мне не важно, выгляжу ли я сексуально.

— Просто дай мне час, — умоляет она, сложив перед собой руки. — Я поколдую час и затем мы уходим. Ладно?

Два часа спустя мы все еще в моей комнате. Я сижу на кровати, в то время как она сильно подводит мне глаза черным карандашом, затем проводит красной помадой по моим губам. Каждое её прикосновение приносит покой, а не смерть. Что-то изменилось в ней — или, может быть, во мне. Мне нужно проверить это, выяснить, может смерть наконец-то покинула меня. Или каким-то образом, оставила её.

— Я все еще не могу поверить, что ты переспала с ним, — говорит она в тысячный раз.

— Почему нет? — интересуюсь. — Мне бы когда-нибудь пришлось заняться сексом.

— Да, но я всегда думала, что ты будешь влюблена, когда сделаешь это?

Я хмурюсь:

— Почему?

Она наносит немного туши на ресницы:

— Потому что...ты всегда пишешь о том, что чувствуешь...ты так поэтична и романтична.

Я фыркнула:

— Ну нет. Я далека от этого.

Она несогласно трясет головой, но молчит.

Я пишу Ашеру, что нужно увидеться и пытаюсь уговорить прийти его ко мне, но он не отвечает на мое сообщение.

— Продолжай писать ему все, что хочешь, — пропела Рэйвен, добавляя последние штрихи к моему макияжу. — Но он строго приказал, чтобы я не дала тебе соскочить от похода на вечеринку.

Я рычу в телефон и пихаю его в сторону:

— Мне просто нужно поговорить с ним.

Она отступает назад и восхищается своим творением:

— Я чертовски хороша, если хочешь знать мое мнение. — она отходит в сторону, чтобы я могла взглянуть в зеркало. Мои серые глаза блестят серебром, обрамленные черным карандашом, а губы выглядят полными и пухлыми. Она засунула розу мне за ухо, а мои черные волосы струятся вниз по моей спине. На шее у меня колье с розой по центру, а черное платье обтягивает мое тело. Мои ноги зашнурованы в черные сапоги, и черные оперенные крылья виднеются из-за спины.

— Мне кажется, это немного странно, — говорю я, осматривая себя в зеркало. — Я имею в виду черные перья...люди и так уже думают, что я сделала так, что Ладен исчез, и подобное может вывести их из себя. А затем эта штука с Маккензи... — я ни с кем не поделилась правдой, даже с Рэйвен.

— Плевать, что они думают, — заявляет она, смахивая излишки туши палочкой для ресниц. — Ты ничего не делала, и, если кто-то будет тебя доставать, выруби их — я знаю про драку в баре, Эмбер.

Черной лентой я соединяю переднюю часть платья:

— Мне нравится этот костюм.

— Ну, ты превратилась в Мрачного Жреца, — говорит она, закрывая карандаш.

Я поворачиваюсь к ней:

— Такой я должна быть? Я думала, что их кости проступают сквозь кожу.

Она бегло смотрит на меня:

— У некоторых да... тех, что сходят с ума. Но некоторые прекрасны, как Ангелы Смерти. — звонит телефон в её сумочке. Она берет его, читает, а затем отправляет сообщение, прежде чем убрать его.

Я пробегаю пальцами по мягким лепесткам розы в моих волосах:

— Мне казалось, ты говорила, что не знаешь о них.

— После того, как ты рассказала о них, я вернулась и подобрала книги, чтобы освежить свою память, — она снова мажет губы. — Ты выглядела такой расстроенной от того, что я ничего не помню.

Я глажу кончики своих крыльев:

— Что еще ты знаешь?

Она прикусывает свои глянцевые губы:

— Много чего, но я хочу, чтобы ты приготовилась к тому, что я узнала, — Рейвен берет меня за руку и тянет из спальни. — Они исключительно красивы. На самом деле, настолько красивы, что некоторые люди не могут разглядеть их красоту.

Я следую за ней вниз по лестнице:

— А что насчет безумия? Это правда? Они действительно теряют разум от бремени смерти и крови Жнецов?

Она спотыкается у передней двери и выравнивает ноги в своих белых высоких каблуках:

— Они могут, если будут в гневе от смерти. Я думаю, это все о добре и зле и подобных вещах. По крайней мере, так сказано в книге.

Я поворачиваюсь боком, чтобы протиснуться в дверной проем:

— Как в Мрачном Жнеце? Он гнев смерти, верно?

Она запинается от моей осведомленности:

— Да, это Мрачный Жнец. Мнение заключается в том, что Мрачный Ангел является гибридом крови Ангела смешанной с кровью Жнеца и кровью человека.

На улице темно, луна и звезды ярко светят. Мы садимся в её машину, и мне приходится наклониться вперед, потому что неудобно облакачиваться на крылья. Рейвен снимает крылья и бросает их на заднее сиденье, прежде чем сесть, а потом запускает двигатель.

— Жнецы считаются плохой версией смерти. Они собирают злые души, и они очень могущественны. Предположительно, Мрачный Ангел был послан на Землю, чтобы остановить битву между Ангелами Смерти и Мрачными Жнецами по поводу того, кто должен получать души... или, кто из них воровал их. — она поправляет зеркало и задом выезжает на улицу. — Мрачный Ангел живет на Земле в качестве человека, несущего в своей крови силы рая и ада — их тела держат равновесие, чтобы удерживать Ангелов Смерти и Жнецов на том же уровне, чтобы ни у кого не было большей власти над другими.

— Ты говоришь так, будто Ангелы Смерти не так плохи, как Жнецы, — говорю я, заметив, что ее версия истории совпадает с той, которую я прочитала в книге. — Разве Ангелы хорошие?

— В некотором смысле, да. Они те, кто собирают хорошие души, но книга говорит, что они пожадничали, пытаясь сбалансировать сбор душ, когда Жнецы начали воровать невинные души, — она тяжело вздыхает. — Но в любом случае, я думаю, Жнецы постоянно пытаются обмануть Мрачных Ангелов и морочат им головы, чтобы они сдались смерти и присоединились к ним. Это как игра для них или что-то в этом роде, хотя, технически, ни Жнецы, ни Ангелы не должны вмешиваться в их жизни.

Её шины визжат, когда она прижимается к обочине. Тротуары заполнены детьми, наряженными на Хэллоуин и с мешками конфет, а дома сверкают фиолетовыми и оранжевыми огнями. Девочка в костюме ангела, держась за мамину руку, идет вниз по тротуару мимо дома с жутким туманом на передней лужайке. Может Ангелы и Мрачные Жнецы действительно существуют?

Я отворачиваюсь от окна и прислоняюсь к двери:

— Так что происходит с Мрачными Ангелами, которые не сходят с ума? Они просто живут, подвергнутые пыткам смерти пока не умрут?

Рэйвен отвечает не сразу:

— По сути, я так думаю.

Я вспоминаю тату Ашера и историю: одна девушка со смертью на ее плечах связывает

их обоих, и единственным выбором она спасет мир. *Но бой не будет легким.* Должно быть, он говорил о Мрачном Ангеле.

Машина вильнула, пока она тянулась на заднее сидение, охотясь за чем-то:

— Здесь есть книги, — она бросает книгу мне на колени и возвращает контроль над своей машиной. — Здесь на самом деле не сказать, что намного больше, чем то, что я рассказала тебе, но я отметила страницы, если ты захочешь прочитать.

— Спасибо, — я открываю книгу и включаю свет над консолью. — Я серьезно. Тебе на самом деле не нужно было повторно перепроверять и читать это.

Она возится с температурой, поворачивая вверх-вниз:

— Послушай, Эмбер, я знаю, я была паршивым другом большинство нашей дружбы, особенно в течение последней недели или около того. Но я хочу начать все заново — я хочу быть лучшим другом.

— Ты хороший друг, — я переворачиваю страницу, она отмечена. — И стервозность на прошлой неделе полностью приемлема, учитывая... что произошло. — я делаю паузу, одна вещь не дает мне покоя. — Но, Рэйвен, можешь делать мне одолжение и никогда не называть меня сумасшедшей, даже когда злишься?

Она кивает раскаянно:

— Мне очень жаль. Это был удар ниже пояса. И я знаю, что ты не сумасшедшая.

Я так не уверена. На самом деле, я начинаю думать, что Мрачный Ангел живет внутри меня.

Пока мы ехали по мосту, мы обе перестали дышать. Дорогу по-прежнему окрашивали знаки X, а средняя полоса ободрана от столкновения. Есть небольшое место, украшенное цветами и лентами.

Мой разум возвращается к пьяной драке и как Ашер уложил парня в два раза больше себя, не моргнув глазом. Мог Ашер убить его, защищая Рэйвен? Но зачем ему раскрашивать место происшествия?

— Как думаешь, что случилось с Ладеном? — спрашиваю я, стараясь убедить себя, что нет никакого способа, чтобы это был Ашер, но мое сердце и душа не согласны. — Ты думаешь, что он... Ты думаешь Ашер на самом деле убил его?

Она сжимает руль:

— Знаешь, что? Я действительно не хочу знать, что случилось с ним. Если Ашер убил его, то пусть так и будет.

Я прочищаю горло и отвлекаюсь на книгу:

— *Мрачные Ангелы — самые важные и самые опасные породы Ангелов, которые когда-либо существовали. Они имеют прямое понимание смерти...* — я читаю вслух, с дрожью. — *Они могут либо уничтожить человечество или спасти его, в зависимости от того, лжет ли их легион.* - я отрываю взгляд от страниц. — Но как они могут уничтожить человечество? Вот что я хочу знать.

Она переворачивает страницу и указывает пальцем на название:

— Я не уверена, но прочитай это. Это действительно интересно.

— *Мрачный Жнец считается сборщиком злых душ. Они обладают способностью не только отделить душу от тела, и направить его на тот свет, но они также могут обмануть человека, чтобы прожить их жизни за них.* - о Боже, моя мама. — *Они любят обманом играть с телами душ, которые они забирают, оставляя их свисающими с деревьев, скрывая их.*

Она нажимает на тормоза так сильно, что блокирует наши ремни безопасности.

— Что случилось? — спрашиваю я, открывая свой ремень.

— Что если Ашер — Мрачный Жнец, а ты — Мрачный Ангел? — это как лампочка включается в её голове.

Я качаю головой:

— Не ни одного варианта, чтобы это было правдой. Почему ты вообще это сказала?

— Эмбер, подумай об этом. Ты можешь видеть смерти. И если бы была Мрачным Ангелом, это было бы понятно, — с нажимом говорит она. — И Ашер был так сильно заинтересован в тебе. И он знал, где был твой автомобиль. Что, если он сказал полицейским?

— Нет. Не вариант, — но сомнения закрались в мой разум. Когда я умерла в розовом саду, и я увидела, как Жнец снял свой капюшон, он выглядел как Ашер.

Я выбрасываю эти мысли из головы. Я не буду делать выводов пока, не услышу, что он скажет. Тем более Ашер приносит неопишное спокойствие в мой разум и тело, и он никогда открыто не делал ничего, чтобы причинить мне боль. А у него было много шансов.

— В книге говорится, что они любят залезать в головы Мрачным Ангелам и пытаться разрушить их жизнь, сделать их сумасшедшими, и заставить их сдаться на милость гнева смерти, — говорит она. — Подумай об этом, Эмм. Что, если Ашер сделал что-то с Ладеном после того как спас меня, но только как он мог воспроизвести то, что случилось с твоим отцом? Что, если он проложил себе путь в твою жизнь трахаясь с твоей головой?

— Почему ты высказываешь эти обвинения? — спрашиваю я. — Когда всего несколько секунд назад ты защищала Ашера.

— Потому что сейчас это имеет смысл.

— Нет, не имеет. Никакого смысла. Вообще. Вся моя жизнь не имеет смысла. Это как я всегда в одном шаге от прогулки со скалы.

— Читай дальше, — призывает она, махнув рукой на книгу. — Есть ли что-нибудь еще, что может дать нам некоторые подсказки.

Я продолжаю нетвердым голосом:

— *Жнецов также отличают оборотни, чаще всего в виде змей, крыс, кошек, птиц, а иногда и людей. С помощью своих способностей, Мрачный Жнец может украсть много невинных душ простым обманом или подкупом. Это стало причиной первой битвы между добром и злом, которая длилась почти десять лет, — я перестаю читать.*

Она наклоняется и переворачивает страницу. Сверху нее — красивый ангел с черными крыльями, как те, что я ношу и волосы темные, как пепел.

— Продолжай читать. Я думаю, что ты близко.

— *Ангел смерти приносит более мирную смерть человеку, чью душу они собирают. Они собирают только души умирающих невинных и несут дух в следующий мир. Они приносят ощущение спокойствия своими прикосновениями. - это больше похоже на Ашера. — В отличие от Мрачного Жнеца, они ожидают смерти человека и не подпитываются его жизнью. Они нежны по своей природе, но страстны в битве. - мои глаза встречаются с Рэйвен. — Страстны в битве?*

— Имеется в виду, битва на спине, — она въезжает на стоянку общественного центра, не снижая скорости, и я врезаюсь в дверь. — Но ты можешь прочитать обо всем этом позже. Прямо сейчас, я хочу, чтобы ты сосредоточилась на получении удовольствия.

— Да... хорошо.

Стробоскопы вспыхивают перед входом и саваны из разорванных простыней висят на передних дверях. Тюки сена со скелетами на них, расположены на бордюрах, а на покатой крыше школы стоит Смерть с косою. Это подделка с желтыми глазами, но он посылает озноб по моему позвоночнику.

— Эмм. — голос Рэйвен возвращает меня обратно к ней. Она паркует машину рядом с группой людей, одетых, как банды Скуби Ду. — Я должна тебе кое-что сказать. И это очень важно. — она пишет кому-то, а потом прячет телефон в лифчик.

— В самом деле. — я смотрю на нее. — В лифчике?

Ее лицо источает юмор.

— Мне может понадобиться мой телефон.

Я закусил губу до крови, и рот наполнился горьким вкусом ржавчины:

— Рэйвен... ты действительно в это веришь? — я держу книгу. — В Мрачных Жнецов, Ангелов Смерти и сражения между добром и злом? Или ты просто показала её мне, потому что я спросила о Мрачном Ангеле?

Её взгляд нежнее, чем когда-либо и в этот момент она тот же друг, что ударил Рикки Стюарта по лицу, когда он отрезал прядь моих волос в детском саду:

— Моя лучшая подруга смогла увидеть смерть каждого, когда ей было четыре года. Если это дерьмо может существовать, почему это не может?

— Я думаю, что дар может быть утерян, — я кладу руку ей на плечо. — Я больше не чувствую твоей смерти.

— Твое проклятье не пропало. — она грустно улыбается и проскальзывает в свои белые крылья.

— Да, но что, если это не проклятие? — я неуклюже вылезая из машины, согнувшись, чтобы не сломать свои крылья. — Что если я... Что если я все это время проделывала такие вещи потому, что я не человек?

— Это все равно будет считаться проклятием, Эмм. Смерть украла твою жизнь, когда тебе было четыре. — она запирает двери, и фары мигают, когда машина подает звуковой сигнал. — Давай, пошли внутрь.

Прохладный ветер развеивает наши волосы, пока мы идем через парковку, Рэйвен удерживает подол платья и возится со своими волосами. В её лифчике звонит телефон, и её немного потряхивает от вибрации, но она игнорирует звонок.

— Чертовы Хэллоуинские украшения, — Рэйвен кашляет, когда мы толкаем двери и туман ударяет нам в лица.

Я обмахиваю лицо и моргаю, пока мы прорываемся сквозь туман к основной зоне. Гитарист играет на своих струнах на сцене возле дальней стены, и музыка звучит из нескольких больших динамиков. Колонны по спирали украшены оранжевыми и черными лентами, а фиолетовый и серебряный свет с потолка освещает переполненный танцпол, где люди прыгают вверх и вниз, выкрикивая слова песни. Здесь есть ведьмы, черти, вампиры, Франкенштейны и даже несколько Ангелов. В самом дальнем углу кто-то смастерил костюм Мрачного Жнеца.

— Боже, надеюсь их здесь не слишком много, — бормочу я.

Рэйвен прослеживает за моим взглядом:

— О, Эмми, ты же не боишься Жнеца, не так ли?

Я стреляю в неё пустым взглядом:

— Это должно быть смешно?

Она улыбается и хватается меня под руку. Это самая странная вещь в мире: прикоснуться к ней и не чувствовать её смерть. Мы создаем широкий путь с её крыльями, проходя через комнату, общую зону, небольшую комнату за сценой. Головы поворачиваются в нашу сторону, но я сосредоточена на двери общей комнаты.

— Почему мы идем сюда? — я перекрикиваю музыку.

Она направляется к двери, украшенной паутиной и знаком «ВОЙДИ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК»:

— Там дом с приведениями, и Ашер написал мне, что пошел туда со своими друзьями.

Я резко остановилась, и она дернулась назад. Мой разум умолял меня развернуться и бежать.

— Эмм, какого черта? — она разъединяет наши руки. — Что ты рассматриваешь?

Мой пульс ускоряется, пока я пялюсь на дверь:

— Я не уверена, что хочу идти туда.

Она закатывает глаза и дергает меня вперед:

— Пойдем, мы будем в порядке.

— Почему я не могу просто встретить его здесь? — я спрашиваю, оглядываясь на танцпол.

— Перестань быть курицей! — она смеется, и я фокусируюсь на ней. — Я только шутила о том, что он Жнец.

Она толкает дверь, и я следую за ней в дом с приведениями. Внутри темно, и когда закрывается дверь, музыка затихает. Тюки сена со скелетами образуют коридор перед входом, а оранжевый и фиолетовый мерцающий свет освещает путь.

Я отступаю, но Рэйвен тащит меня вперед:

— Ты будешь веселиться сегодня ночью, нравится тебе это или нет.

Покачивая головой, я тащусь за ней. Один из скелетов прыгает вверх и кричит на нас, когда мы проходим мимо него, и Рэйвен ускоряется, смеясь. Чем дальше мы идем, тем тусклее становится свет, пока совсем не пропадает, и мы поглощены мраком.

Крики со злым смехом наполняют воздух, и теплый туман увлажняет мою кожу.

— Рэйвен, — шиплю я, цепляясь за нее. — Я хочу вернуться... прийти сюда было ошибкой.

Её рука падает с моей, и она смеется:

— Кто последний — тот тухлое яйцо!

Я спотыкаюсь в темноте и вытягиваю руки перед собой:

— Рэйвен, где ты?

Позади меня щелкает свет и освещает граффити на стене. Я опускаю руки, включается еще свет и выделяет металлическую сетку, длиной до пола, образующую ворота передо мной. Я прохожу сквозь ворота и прохожу в следующую секцию, выложенную во всю стену зеркалами. Ворота за мной закрылись, я крутанулась и, продев пальца сквозь сетку, дернула изо всех сил.

Ворота не шелохнулись, так что я поспешила, оглядываясь, к узкому коридору между зеркальными стенами:

— Рэйвен, пожалуйста, скажи где ты. Это уже не смешно.

Откуда-то я слышу её смех, лампочка гаснет, а когда зажигается вновь, в конце коридора появляется человек с темными волосами, подведенными глазами, в черных джинсах и футболке. И огромный X как клеймо на лбу.

Я щурюсь сквозь мигающие огни, которые ослепительно отражаются от зеркал:

— Ладен?

— Привет, Эмбер. — он улыбается, раскрыв руки в объятия. — Давно не виделись.

Я отступаю, но врезаюсь в твердую фигуру и тысячи смертей проходят через меня: *боль, ужас, падение, утопление, пожар, боль, боль, боль*. Я шагаю вперед, но он хватается мою руку, выворачивает её мне за спиной и разворачивает к себе лицом.

Жирные волосы Гаррика блестят на свету, и он нацарапал знак X на глазу:

— Ты неправильно играешь, ты знаешь это? Ты не отвечаешь на каждый вопрос, что мы спрашивали, и ты не уступаешь. Это очень печально.

— *Мы*, — говорю я, надеясь сбить его с толку. — Например, Анамотти?

Его лицо остается спокойным:

— Что? Думаешь, удивила меня? Более интересный вопрос, на который, я думаю, нужно ответить — это кто такие Анамотти? И кто руководит нами?

— Я не знаю, к чему ты клонишь, — я пытаюсь высвободить руку, резко дергаю и вскрикиваю.

Его ногти впиваются в мою кожу:

— О, я думаю, ты знаешь. Это идеальное преступление, знаешь. Сказать человеку, что ищешь группу, которая преследует тебя, когда на самом деле являешься её частью. Заслужить её доверие, и она никогда не догадается, что ждет ее.

— Ашер не против меня, — я в шоке. — Он бы никогда не сделал этого.

— Что, солгал? — хитрая ухмылка ползет по его лицу. — Или пытался убить тебя? Как думаешь, почему он появился так быстро на озере в ночь, когда я столкнул тебя? И как думаешь откуда мы узнали, что ты будешь здесь сегодня вечером?

Выкручивая руку, я вырываюсь из его хватки и отступаю, оглядываясь через плечо на Ладена, ухмыляющегося мне, кровь стекает с его лба на пол:

— Я не Ангел. Ведь это Анамотти хочет, правильно? Ангелов?

— Не просто Ангел, а Мрачный Ангел. — Гаррик подходит ко мне и, поддавшись вперед, наклоняет свое лицо близко к моему. — Я думаю, в глубине души ты знаешь кто ты. Мрачный Ангел, держащий в равновесии Жнецов и Ангелов Смерти. Та, что все время несет с собой смерть. Та, что легко разрушит и потеряет свой разум. Знаешь, это в твоей крови — безумие.

Он бросается на меня, выставив вперед руки, пальцы в поисках моего горла, и я поднимаю колено и ударяю его между ног. Его лицо искажается от боли, и он падает на пол, пока я бросаюсь мимо него и бегу к ограждению. Металл режет мои открытые ладони, и я отпускаю его. Я приземляюсь на задницу, но быстро вскакиваю на ноги и разворачиваюсь, готовая защищаться, но Ладен и Гаррик исчезли.

Я не сильно трясу ограждение, но замок с другой стороны не дает открыть его. Я разозлилась на себя, потому что пришла прямо в ловушку. И я понятия не имею, что ждет меня в конце. Я делаю глубокий вздох, и спешу по зеркальному коридору. Там развилка в конце, и я иду вправо.

— Эмбер, — голос Гаррика вдруг касается моего уха. — Не дыши.

Я бегу по коридору, не оглядываясь назад, передвигая ногами изо всех сил, поворачивая за угол. Его шаги преследуют меня, и его смех эхом разносится по коридору.

— Эмбер, — зовет он. — Выходи, выходи, где бы ты ни была.

Пока я поворачивала за угол, я споткнулась обо что-то тяжелое и твердое и, потеряв

равновесие, упала на пол. Я быстро перевернулась на спину и взглянула на то, что заставило меня упасть.

— Ох, черт... — это человек, лежащий лицом вниз. Я ползу к нему и переворачиваю.

Мертвые глаза Ладена смотрят на меня, его бледная разлагающаяся кожа ледяная, а знак Х на нем выглядит как старая рана. Он мертв уже некоторое время. Я мысленно возвращаюсь к своему дереву и висящему на нем телу и то, что я видела в библиотеке. Что реально, а что — нет?

Голос Гаррика разносится по коридору:

— Так трудно сказать, не так ли? Что реально, а что — нет. Скажи мне, Эмбер, ты когда-нибудь чувствовала, как сходишь с ума?

Я вскакиваю на ноги, перепрыгиваю через Ладена, и несусь по коридору, пот стекает по моей спине. Наконец, боковая дверь попадает мне на глаза, и я хватаюсь за ручку двери, но что-то сбоку ударяет меня, и я падаю на землю, а тюк сена приземляется на меня. Моя голова бьется о плитку, издавая тошнотворный звук ломающихся костей.

Гаррик приседает передо мной:

— Ты когда-нибудь слышала выражение "Не боюсь смерти"? Ну, это не совсем верно. — он натягивает капюшон плаща на голову. — Потому что каждый боится смерти, Эмбер. Даже сама смерть, — он достает нож и вырезает "Х" у меня на лбу, а потом все поглощает чернота.

Глава 19

Открыв глаза, я увидела мерцающие частицы звезд и бледный полумесяц. Я пытаюсь перевернуться на живот, но веревка удерживает мои запястья, привязанные к дереву, а ноги к друг другу. Краем глаза я заметила, как полыхает огонь, а перья и лепестки роз, как нимб вокруг моей головы. Крылья по-прежнему закреплены за моей спиной, но изогнуты, чтобы соответствовать давлению моего тела.

— Привет, — кричу я. — Здесь есть кто-нибудь?

В поле моего зрения появляется светловолосая женщина с острым носом:

— Привет, Эмбер. Так мило с твоей стороны присоединиться к нам.

Я сощурила глаза:

— Детектив Краммер.

— Чувствуешь, как сходишь с ума? — свет от огня освещает её голубые глаза и оттеняет очерченные скулы так, что она становится похожей на скелет. — Будто не знаешь, что реально?

— Так ты часть Анамотти, — говорю я, обматывая веревку вокруг запястья, чтобы получить больше контроля. — Или ты Мрачный Жнец?

Её тонкие губы практически исчезли, когда она улыбнулась и достала небольшой нож с серебряной рукояткой из кармана куртки. Она прикладывает кончик ножа к моему лбу, прокалывая мою кожу, и теплый ручей крови залил мой лоб и глаза:

— Анамотти и Жнецы — это одно и то же. Анамотти помогает нам пройти в человеческий мир и остаться незамеченными, — она делает знак рукой, и группа людей выходит из-за деревьев. — Все мы здесь Жнецы. Даже ты. — она ухмыляется. — По крайней мере, частично.

На всех на них надеты черные плащи, а капюшоны сняты, показывая мне их человеческую форму. Большинство из них мне незнакомы, но я узнаю Гаррика, который издевательски машет мне рукой и подмигивает.

Вид девушки с розовыми волосами поражает мое сердце:

— Рэйвен.

Она мечтательно улыбается мне, ее сапфировые глаза чересчур большие, будто она пьяна:

— Мне очень жаль, Эмм. Я не хотела этого делать. Я просто не смогла себе помочь.

Безумие прокалывает мой мозг, когда я вытягиваюсь на веревках, и кровь льется из моих рук на веревки и грязь.

— Ох, ради Бога, расслабься. — детектив Краммер прикладывает нож к моей щеке и проводит по моему лицу. — Она под чарами Жнеца, потому что в отличие от тебя, она человек и может быть одержима им.

Рэйвен делает шаг из толпы, но Бет дергает ее за руку, толкая обратно.

— Стой там, маленькая шлюха. Ты по-прежнему подчиняешься моим приказам.

Рэйвен моргает и отступает обратно к толпе.

— Мне очень жаль.

— Рэйвен, — умоляю я, пытаюсь поймать ее взгляд. — Не слушай ее. Беги! Сейчас же!

— Бессмысленно пытаться достучаться до нее, — говорит детектив Краммер, отпуская ее руку. — Власть Жнеца сильнее чего-либо, ты скоро научишься, после того как мы избавимся от тебя.

Я поднимаю подбородок и смотрю ей в глаза:

— Ты ведь знаешь, что я не могу умереть, верно? Поэтому все, что вы запланировали для меня, не сработает.

Она похлопывает по ладони рукояткой ножа, наворачивая круги вокруг меня:

— О, да, как это прекрасно иметь возможность высасывать жизнь из живых. Это делает тяжелее процесс избавления от тебя, но не невозможным. — она гогочет, откинув голову назад, и некоторые Жнецы присоединяются к ней. — Это так же делает тебя более склонной к безумию, и ты, скорее всего, сдашься крови Жнеца, как и твой отец.

— Что ты знаешь о моем отце?! — вытянув руки, я пытаюсь сломать дерево.

— У тебя нет суперсилы. — она закатывает глаза и наклоняется к моему лицу. — На самом деле, ты очень близка к обычной девчонке, только ты связана с каждым аспектом смерти. Это не совсем подарок, больше проклятье. На самом деле, если бы я была тобой, то позволила бы избавиться себя от страданий. Все, что тебе нужно сделать — это сдаться Жнецу, и он заберет боль смерти.

Я могла прекратить борьбу: стереть боль забирая смерти, разрывая цепи, которые приговорили меня к жизни в одиночестве. Эта тишина, что я ощущала с Ашером и Камероном, могла существовать все время? Это заманчиво, но не так уж, потому что все равно будет смерть, только в более мощной форме.

— Нет, я не буду этого делать, — говорю я ровным голосом.

— Что ж, хорошо. Я думаю, в данный момент решение приняла кровь твоего Ангела. Не предупреждаю, ты отдашь её. — она щелкает пальцами и Гаррик пихает Рэйвен вперед. Она спотыкается своими голыми ногами и опускается на колени сбоку от меня. Её крылья были сломаны, платье порвано и в пятнах грязи, и жизни нет в ее глазах. — Если ты не готова сдаться, я заставлю тебя. — детектив Краммер встает за Рэйвен и целится ножом ей в горло. Она аккуратно срезает тонкий слой кожи, и кровь сочится наружу, бежит по платью Рэйвен.

Рэйвен вздрагивает, но не кричит.

— Подожди, — умоляю я. — Не трогай ее.

— Есть только один выход из этой ситуации. — она делает еще один тонкий прокол на шее Рэйвен.

Смерть или жизнь. Смерть или жизнь. Какая разница?

— Я сделаю все, что ты хочешь. Просто отпусти ее.

Она делает еще один небольшой разрез вдоль шеи Рэйвен, и другие Жнецы хохочут, натягивая свои капюшоны на головы, защищая свои лица.

— Оу, я ничего не хочу от тебя, — говорит она. — Я просто буду пытаться её и затем тебя, пока ты не сойдешь с ума и не отдашься крови Жнеца.

Я начинаю извиваться и дергать веревки так сильно, как могу:

— Оставь её в покое! — я соединяю ладони и пытаюсь скользить руками по веревке. Грубый материал врезается в мою кожу, натираясь, но я отказываюсь сдаваться или уступать.

Детектив Краммер хихикает, отрезая ножом небольшой розовый локон с головы Рэйвен:

— Знаешь, как было весело мучить тебя? Убивая тебя снова и снова. Заставлять тебя думать, что ты сходишь с ума. У тебя гибкий ум, и это делали самые близкие люди. Большинство из них безумны — ты знаешь это? И ты хочешь знать, почему?

— От боли моего существования, — говорю я.

— Не совсем, но близко. — говорит она, вытирая лезвие о плащ. — Безумие- очень заразная штука, в нем легко увязнуть. Те, кто находится рядом с Мрачным Ангелом, начинают переживать то, через что проходят они, изматываясь и сводя себя с ума. И плюс, они подвержены пыткам Жнеца.

Рэйвен давится собственной кровью и хватается за горло:

— Эмбер, помоги мне.

Детектив Краммер хватается за волосы Рэйвен и перемещает нож к волосяному покрову Рэйвен, будто собирается снять с нее скальп. Все мое тело дрожит, когда Жнецы становятся вокруг меня и их глаза начинают светиться.

— Просто сдайся, Эмбер, — говорит детектив, погружая нож под кожу головы Рэйвен. — И все — все исчезнет.

Я смотрю на ночное небо, думая о своей жизни. Было бы все лучше, если бы меня не было? Если бы я просто сдалась? Умерла? Может быть. Может быть, я бы перестала зависеть от вещей. Может быть, мир стал бы лучше без моих знаний смерти.

Я наблюдаю, как черная фигура спускается с неба, и я полагаю, что это Жнецы пришли забрать меня. Но падающие с Небес черные перья и пыльный воздух умиротворяют.

Существо движется нечеловечески быстро, словно в тумане он обрезает веревки на моих запястьях и возвращает мне свободу. Потом он разворачивается, хватается детектива Краммер за плечи и уносит в небо. Раздается ее болезненный крик, и Жнецы отрываются от земли, пружиня в воздухе и улетают.

— Страстный, когда в бою, — бормочу я и быстро сажусь, развязывая ноги. Затем мчусь к Рэйвен, она лежит лицом в грязи, и я аккуратно переворачиваю её на спину. Её глаза закрыты, и кровь вытекает из открытой раны на шее.

— Рэйв, ты слышишь меня?

Она вздохнула, и её глаза распахнулись:

— Боже, я думала, я...

Я подсовываю под неё руку, помогая встать на ноги:

— Давай, мы должны уйти прежде, чем они вернуться за нами.

— Слишком поздно, — говорит Гаррик, приземляясь прямо перед нами. У него человеческий голос, но под капюшоном фигура скелета; острые скулы, пустые глаза, бездушное сердце. — Эмбер, нет смысла сопротивляться. Мы каждый раз побеждаем. И знаешь почему?

Рэйвен навалилась на меня, закрыв глаза, пока я на дюйм отошла к лесу:

— Потому что ты связана с Мрачным Ангелом пока они не сломаются. Ты не сдашься.

Он идет за мной след в след, его плащ шлейфом развивается за ним:

— Потому что зло играет грязно — мы те, кто нарушает правила. — он раскинул руки в сторону, держа нож. — Таким образом, зло всегда побеждает.

— Иди в лес, — шепчу я на ухо Рэйвен, подталкивая ее вперед. — Сейчас.

Она моргает на меня:

— Я не оставлю тебя... Они хотят тебя убить.

— Нет, они хотят сделать меня одной из них, — говорю я. — Они не могут убить меня.

Нехотя, она выскользывает из моей руки и ковыляет в тень деревьев, свободная от власти Жнеца.

Пустота душит мое горло, когда я иду к Гаррику, раскинув руки в сторону:

— Давай, убей меня.

Он ухмыляется, и огонь громко трещит за ним:

— Ты знаешь, я не могу этого сделать. Но я могу ранить тебя, — без каких-либо колебаний от одного из нас, он вонзает нож в мое горло, разрывая кожу и вены. Булькает кровь, и я зажимаю ладонью рану, когда успокаивающий шелест деревьев и цветов, прорастающих из земли, мгновенно соединяется со мной, и накладывают швы на кожу.

Гаррик тихо посвистывает, вытирая кровь с лезвия о плащ:

— Это было быстрее, чем должно было... Нет, ты не можешь быть... могла бы...

Пока он разглагольствует сам с собой, я, воспользовавшись возможностью, бью его коленом в живот, затем я разворачиваюсь и ударяю его локтем в лицо. Контакт кость-с-костью притупляет боль в локте, и я ударяю его кулаком в нос. Тактика барной драки в работе. Гаррик падает вниз, как мешок с картошкой.

Я несусь по лесу прочь от него, но он ползет вперед на животе, его пальцы обернулись вокруг моей лодыжки, дергая меня вниз, на мое лицо. Я бью ногой в его лицо, но он только смеется.

— Ты не можешь убивать смерть вечно, — его голос резкий, и кровь потоком стекает по его лицу. — Было очень интересно наблюдать, как ты пытаешься проанализировать тысячи моих смертей. — я опять бью его, но он только сильнее смеется. — Знаешь, у тебя гораздо больше силы, чем ты думаешь, просто ты не знаешь, как её использовать.

Пока я цепляюсь руками за землю, его руки движутся вверх по моей ноге, как тугие веревки, и в это время ворона приземляется передо мной. Тогда он ударяет меня ножом в голень и хватает за волосы, поднимая на ноги, и потянув за собой. Боль стреляет вверх по моей ноге, а кровь хлещет вниз.

— Помоги мне, пожалуйста, — шепчу я птице. — Пожалуйста...

Она прыгает из стороны в сторону, раздумывая.

— Пожалуйста, птица. У меня ощущение, что ты можешь слышать меня, — шепчу я, прихрамывая, чтобы удержать равновесие.

Я готова сдаться, когда руки Гаррика вдруг оставляют меня, и звук хлопающих крыльев заставляет ворону нырнуть в деревья. Не задумываясь, я рванула в темный лес.

— Рэйвен, — шиплю я, ища за деревьями и возле кустов, заходя глубже в лес. Звезды мерцают между трещинами ветвей над моей головой, и я слышу крики и вопли на расстоянии.

— Рэйвен, — я решилась крикнуть, ветки хрустят под моими ботинками. — Где ты? Это я, Эмбер.

Я продолжаю идти, зная, куда я иду, но переживаю, что Рэйвен не знает:

— Пожалуйста, ответь мне. Обещаю, никто не причинит тебе боли.

Когда я шагаю на кладбище, я боюсь, что она может потеряться в деревьях. Мне нужен телефон и небольшая помощь, поэтому я быстро направляюсь к железным воротам. Как обычно, на кладбище тишина и смерть. Деревья отбрасывают тени на землю, и забор блокирует большинство уличных фонарей. Мои крылья разорваны, моя кожа пропитана кровью, и я хромаю при ходьбе.

Я скольжу через надгробия, стараясь не наступать на них, и от ветра скрипят петли калитки.

Я иду к воротам, когда я слышу шепот и, быстро развернувшись, бегу к деревьям:

— Эй...Рэйвен, это ты?

Когда кто-то выходит из-за дерева в задней части кладбища, преграды в моем теле рушатся. Одетый в черное, он сливается с ночью, но его волосы белые, как призрак. Его длинные ноги вытягиваются перед ним, как он шагает по траве ко мне.

— Ну, неужели это моя самая преданная фанатка, — говорит Камерон, и мои внутренности прошибает холодом.

Против моей власти, я остаюсь рядом с памятником Мрачному Жнецу, будто он контролирует мое тело, но не меня:

— Что ты делаешь здесь? — спрашиваю я.

Свист и вдруг он стоит прямо передо мной, его глаза темные как угли, его лицо романтично-поэтичное:

— Не притворяйся, что я не нравлюсь тебе, Эмбер. — губы растягиваются в улыбке. — Ты можешь притворяться, что не заинтересована во мне, но я знаю, что это не так.

Закрыв глаза, я напрягаю мышцы, чтобы оторвать ногу от травы — попытка заставляет меня снова двигаться в сторону ворот:

— Что ты делаешь со мной?

Его глаза опаляют, как угли на краю жизни, но не совсем мертвы, когда он разворачивает меня к себе:

— Ты такая красивая. Так выросла. Так полна жизни, но всегда полна смерти.

Мои ноги задрожали от желания убежать:

— Что ты?

— Возможно, ты должна спросить у меня, что *ты*. - его длинный палец очерчивает мои скулы, темный голод вспыхивает в его глазах, вызывая желание накормить. — Ты действительно удивительна, но была ослеплена страхом смерти и никогда не замечала все возможности перед собой. Если ты просто примешь это...

— Нет. — прерываю я резким, жгучим тоном. — Я не уступлю смерти.

— Ты не должна решать, пока все не поймешь. — он берет мою руку, и я беспомощно иду за ним, когда он ведет меня к дереву.

Он сажает нас к стволу, обнимает меня и поворачивает спиной к своей груди. Он убирает мои волосы в сторону и опускает губы к моему уху:

— Никогда не бойся смерти. Представь, что пишешь о бессмертии, а не о смерти как все остальные. Ты можешь стать первой.

— Уолт Уитмен и Эмили Дикинсон уже сделали это, — умничаю я. — А также Спилл Канвас.

— Спилл Канвас? — он заинтригован.

— Это коллектив, ты, мудака! — я срываюсь на крик, но замолкаю, прежде чем он достигает моих губ. Как я не могла заметить, что так будет? Я в бешенстве от себя. В ярости. — Камерон, отпусти меня. Пожалуйста. Если ты Жнец, я думала, ты не можешь обладать мной.

— Я не должен... и я не обладаю твоим разумом полностью — поверь мне. Я пытался. Но я могу овладеть твоим телом. — он целует кончик моего уха, схватив его зубами, затем он прокладывает дорожку из поцелуев вниз по моей шее, прежде чем отстраниться.

— Ты была таким странным ребенком. Обычно, когда они посылали меня возиться с детскими головами, это было самое гудящее время моего существования, — говорит он. — Но ты была полна решимости избавиться от меня. Я даже не беспокоил тебя... в какой-то степени это убивает все веселье и безумно раздражает.

— Нет...этого не может быть... — у меня щелкает в голове от того, что он говорит.

— И затем, спустя годы, мне пришлось вернуться, в соответствии с приказом...но ты выросла и раздражаешь гораздо меньше, и я просто не могу делать то, что Жнецы хотят от меня. — он замолкает, обдумывая что-то. — Знаешь, ведь из-за тебя я нарушил правила. Я пытался предупредить тебя о твоём отце, хотя не должен был. А потом ты сбежала со мной...Согласись, наверняка это было самое веселое в твоей жизни. Ты и я, прячемся в лесу, я слушаю твои рассуждения о себе же, пытаюсь притвориться, что меня там нет.

— Я не могу поверить в это... Ты — тот Мрачный Жнец. Тот, кто мучил меня большую часть моей гребанной жизни, — я буквально задыхаюсь от гнева. Все это время я провела с ним в лесу после того, как мой отец исчез... это был он?

— Но ты никогда искренне не говорила, чтобы я ушел, так что поэтому мне и не пришлось. — он замолкает, скользя руками вниз по моим бедрам. — Я пытался предупредить тебя о твоём отце, чтобы ты могла помочь ему. Ты знаешь это? Ты знаешь, как сильно я беспокоюсь о тебе?

— Ты пытался заставить мою маму меня убить, — закипаю я. — Это не забота о ком-то... и ты даже не знаешь меня.

— Я сделал это с твоей мамой только, чтобы помочь тебе, — он ласково шепчет мне в ухо. — Я просто хочу, чтобы ты бросила бороться с тем, кто ты есть на самом деле. Если бы ты просто уступила безумию, вместо того, чтобы бороться с ним, жизнь была бы намного легче. И мы могли бы быть вместе.

— Я чуть не убила ее, — я киплю от злости, когда он опрокидывает меня назад и смотрит с улыбкой. — Я украла жизнь мамы, чтобы спасти свою собственную.

— Не стыдись этого. — он рисует пальцем по моей скуле. — Это в твоей крови и твой отец делал это много раз. Поверь мне.

— Ты знаешь, где мой отец? — ухватила я. — Детектив — или жнец — кем бы она ни была, сказала, что он поддался безумию. Значит ли это, что он мертв? Или он один из вас? Мне нужно знать. Пожалуйста, Камерон. Пожалуйста, скажи мне.

Игнорируя меня, он опускает мою голову себе на колени и смотрит в мои глаза:

— Мы идеально подходим друг другу. Представь себе, живые в смерти, вместе пишущие

красивые тексты... и я обещаю, что никогда не причиню тебе боль, — шепчет он, отодвигаясь от меня, а затем кладя меня на спину. — Я просто хочу помочь тебе.

— Никто не может помочь мне, — говорю я, когда моя голова касается травы. — Особенно...

Он расположил свое тело напротив моего, и мои слова улетучились в ночь. Я больше не знаю, чего я хочу, что я чувствую, когда его рука путешествует по моим плечам, вверх к моей шее и останавливается на моей щеке, а другая рука исследует голую кожу на моем бедре:

— Я могу помочь тебе, если ты позволишь. Я сделаю все, чтобы тоска ушла. — он облизывает губы, вжимая меня в свое тело, соединяясь с каждой частичкой меня. — Позволь мне забрать это навсегда.

Мои руки беспомощно падают в стороны:

— Нет.

— Эмбер, — он упрощает, скользя пальцами по моим волосам, прежде чем погладить меня по щеке. — Впусти меня.

Мои колени раздвигаются, позволяя его телу быть ближе, и стон срывается с моих губ, неподконтрольный мне:

— Камерон...не...

Подцепив пальцем мой подбородок, он приподнимает мое лицо так, чтобы я смотрела ему в глаза:

— Что, если я скажу тебе, что я могу забрать каждую унцию боли, что у тебя есть и ту, что ты когда-нибудь почувствуешь? Подумай об этом. У тебя могла бы быть идеальная жизнь.

Он наклоняется, и я закрываю глаза, когда он целует мою шею и мое тело выгибается в него:

— Это невозможно, — говорю я. — Смерть — это боль. И смерть существует везде. Кроме того, нет ничего идеального...

— Возможно, все, что тебе нужно сделать, это сказать "да", — удерживая свое тело впечатанным в мое, он хватает мои руки и помещает их над моей головой, делая меня беспомощной. Когда он смотрит мне в глаза, что-то меняется. Я чувствую себя невесомой, свободной, будто я могу, наконец, дышать:

— Дай мне разрешение, — его губы прикоснулись к моей щеке, потом к уголку рта, пока его рука скользит вниз под мою блузку, а его колено скользит вверх между моих ног. — Пожалуйста, дай мне разрешение.

Я чувствую, как моя сила воли рассыпается в прах, когда глаза закрываются и приоткрываются губы. Я понимаю, что может быть легче сдаться:

— У тебя есть разрешение, чтобы сделать, что ты...

— Эмбер, нет. — голос Ашера выдергивает меня обратно на землю — к жизни, и мои веки раскрываются. — Не обещай ему ничего.

Я не могу видеть его, но звук его голоса утешает меня от безумия.

На лице Камерона появляется оскал:

— Ашер, мой дорогой друг, ты как раз успел на праздник.

Мои глаза расширяются:

— Вы, ребята, знаете друг друга?

— Отойди от неё, — требует Ашер, и я слышу, как его шаги приближаются. — Ты не имеешь права трогать ее.

— Как и ты, — похоже, Камерон доволен собой, смакует, наблюдая за моей возбужденной реакцией на голос Ашера.

Мне нужно увидеть его — нужно знать, что он действительно существует. Я перемещаю взгляд в сторону, в точку, где Ашер идет через кладбище, его руки в земле и сжались в кулаки. Его лицо в синяках, костяшки пальцев сбиты, а шрам под его кольцом в брови сильнее выделяется и доминирует.

— Что это...как... — мои губы отказываются шевелиться от шока.

— Отойди от нее. — он так близко, но так далеко. — Или, клянусь Богом, я...

Согнув ноги в коленях, Камерон отскакивает от меня, оставив меня парализованной на земле. Он поворачивается ко мне спиной и пересекает газон кладбища, встретившись с Ашером среди надгробий:

— Или ты что?

— Ты нарушил правила, — рычит Ашер, сжимая кулаки. — Многие из них.

Гнев бушует в их глазах, когда они атакуют друг друга, их сапоги проваливаются в грязь. Небо гроыхает, и земля дрожит, когда они достают друг друга. Как туман, поднимающийся из озера, черный плащ формируется вокруг Камерона и поглощает его, колеблясь вокруг его тела. Ашер издает сокрушающий крик, пружиня на носках, отталкиваясь в воздух, когда крылья, окантованные черными перьями, вырываются из спины, разрывая его рубашку в клочья. Они врезаются друг в друга, и столкновение их тел оглушает ночь.

Внезапно, мои руки и ноги возвращаются под мой контроль, и я вскакиваю, когда торнадо из перьев и тумана проносится по кладбищу. Камерон и Ашер движутся как молнии, так быстро, что я едва могу их обнаружить.

Ангел и Мрачный Жнец? *Ангел и Мрачный Жнец?*

— Эмбер! — голос Рэйвен возвращает меня обратно к другой моей проблеме.

Она находится в тени кладбища, свернувшись калачиком рядом со статуей Ангела, прижав голову к земле. Я бегу по траве к ней, размахивая ей, чтобы она бежала в другую сторону:

— Рэйвен, мы должны выбираться отсюда... — я падаю лицом в открытую могилу, неудачно приземлившись. Холодная кожа касается моей и мои внутренности дрожат, когда я приподнимаюсь и смотрю вниз на Маккензи Бэйкер. Ее волосы покрыты грязью красные линии прослеживаются на ее шее и запястьях. Это поражает меня, как прыжок с обрыва, и я мысленно возвращаюсь в дом Камерона, ленты на её шее и запястьях.

— Боже мой, — выдыхаю я. — Все это время ты была мертва...я могу видеть мертвых.

Земля сыпется на меня, и я переворачиваюсь на спину. Рэйвен наклоняется к неглубокой ямке, с кровью в волосах, пустотой в её глазах и горстью земли в руке:

— Я люблю тебя, Эмм, правда, люблю, — говорит она, бросая больше земли на меня. — Но ты уже не можешь спасти меня. Я должна сдаться.

Прикрыв глаза, я напрягаю ноги и вжимаю кончики пальцев в грязь.

— Пожалуйста, не делай это сложнее, чем уже есть, Эмм. — Рэйвен исчезает на мгновение, а когда она возвращается, у неё лопата в руках. — Если бы ты просто сдалась огню, мне не пришлось бы делать этого. Ты могла бы спасти меня от этого бремени, — она зачерпывает еще одну лопату, полную земли и бросает вниз, на мою голову. — Но теперь ты будешь похоронена заживо, и останешься там, пока не сломаешься.

— Рэйвен. — Я вцепилась в бортик сбоку могилы, зарываясь сапогами во влажную землю. — Задумайся, на секунду, что ты делаешь. Ты не хочешь делать этого.

Она вытаскивает веточку из волос и кидает в яму, наблюдая, как та достигает дна:

— Конечно, не хочу. Я хочу счастливой жизни с матерью, которая не сошла с ума и другом, который может быть рядом с людьми. Я хочу вернуться в прошлое и никогда не уходить с вечеринки с Ладеном, чтобы я могла стереть ощущение, когда он прижал меня к земле... стереть ощущение его грязных рук на мне... — она замолкает, уставившись в небо.

Вытянув руки насколько это возможно, я хватаюсь за край ямы, но мои ноги соскальзывают, и я падаю обратно на тело Маккензи. Стараясь не потерять самообладания, я отталкиваюсь от нее и забираюсь обратно на стену. Я неуклюже прокладываю себе путь наверх и, наконец, я вылезая и перекатываюсь на траву.

Рэйвен прыгает на меня, ударяя коленом в живот и прижимая мои руки в стороны. Я поднимаю колени и бью ее ногами в живот. Она упала напротив статуи Ангела, голова ударилась о твердый камень, и она застонала:

— Что со мной происходит?

— Ничего. Просто оставайся здесь, ладно? — я несусь через надгробия в сторону Жнеца и Ангела Смерти, которые по-прежнему сражаются друг с другом посреди травы.

Камерон удерживал Ашера на траве, опустившись на него, а его пальцы обвились вокруг горла Ашера:

— Скажи мне, какого это быть одиноким столько времени? Видимо, довольно плохо, раз ты нарушаешь правила, — он сжимает пальцы крепче вокруг Ашера, который скользит руками вверх по рукам Камерона, отчаянно пытаюсь спастись.

По всей траве разбросаны перья и куски черной ткани, вместе с разбитой каменной головой и поваленными деревьями. Боль от того, что эти двое могут натворить и насколько я должна остановить их.

Я останавливаюсь около них, глубоко дыша и крепко зажмурившись:

— Камерон, я хочу, чтобы ты ушел, — боль от сказанного, словно виноградная лоза шипами вплетается в мои вены.

Тишина наступает вокруг меня, и я открываю глаза. Камерон все ещё сидит на Ашере, но его руки безжизненно висят вдоль тела:

— Не говори вещей, которых не имеешь в виду, Эмбер Роуз, — советует он. — Подумай о последнем разе, когда ты отослала меня.

— Я хочу, чтобы ты ушел, — я требую ровным голосом, делая шаг в сторону. — Я больше не хочу, чтобы смерть преследовала меня.

— Ты не можешь избавиться от смерти, принцесса, — говорит он печально, полностью отпуская Ашера. — Смерть бесконечна.

Меня это пугает, насколько его слова соответствовали моим:

— Тогда я думаю, я буду опережать её так долго, как смогу.

Камерон слезает с Ашера и сбрасывает грязь и траву с рук, прежде чем опустить капюшон плаща, так что я смотрю прямо на него, а не на Жнеца:

— Знаешь, я делал это только, чтобы привести тебя ко мне. Чтобы ты сдалась только мне, а не другим.

Мое сердце бухает в груди, когда он останавливается передо мной и приподнимает мой подбородок, чтобы посмотреть в глаза. Его светлые волосы тусклые в лунном свете и печаль преследует его глаза, как в первый раз, когда увидела его.

— Почему ты был здесь той ночью? — спрашиваю я с дрожью. — Когда я видела, как ты раскапываешь могилы?

Его пальцы дергаются, желая прикоснуться ко мне:

— Я уже говорил тебе, что искал семейную драгоценность. — он прикасается кончиком пальца к ложбинке у моей шеи. — Получается, оно было у тебя.

— Ожерелье моей бабушки... — я озадаченно затихла. — Зачем тебе оно?

Он печально улыбается:

— Я сожалею, что взял его, но мне пришлось. К тому же, изначально оно было не твое. Оно принадлежит моей семье.

— Тогда почему оно было у моей бабушки?

— Потому, что она украла его у нас.

Мои глаза расширяются:

— Камерон, скажи мне...

Он шикнул, положив палец на мои губы:

— Я не хочу говорить об этом сейчас. Я хочу поговорить о тебе и обо мне.

— Нас с тобой... — мой взгляд перемещается на Ашера, лежащего на траве, окруженного черными перьями. — Ты убил его?

— Он не может умереть, принцесса. — уголки губ Камерона хмуро опускаются. — К сожалению.

— Зачем ты убил Маккензи? И Ладена. И я предполагаю, что Фарра, наверное, тоже есть в списке. — мои ноги, умоляют меня бежать, но мое желание знать правду пересиливает их.

— Я не убивал Ладена. Ашер сделал это, — говорит он. — И Маккензи и Фарра умерли от рук одного человека, но не от меня. И если ты внимательно слушала её рассказ, ты, вероятно, могла бы выяснить виновника.

— Её отец?

Он пожимает плечами:

— Выясни это, если хочешь. Я просто собираю души. И признаю, я не пытался остановить смерть Маккензи. Я хотел, чтобы она страдала за все время, что была груба с тобой.

Его непонятая логика — это загадка для меня.

— Это самая сумасшедшая вещь, которую я когда-либо слышала.

— Я знаю, ты не понимаешь. — он касается моей щеки, пропуская экстаз и чистый ужас через меня. — Но в тот день, когда я увидел тебя на кладбище, я знал, что хочу тебя и накажу любого, кто причинит тебе боль.

— Твои маленькие друзья, — я указываю через плечо на лес, — причинили мне боль. Ты знаешь об этом?

— Я не могу помочь, не нарушая правил. Но все закончится, если ты этого хочешь. Все, что тебе нужно сделать, это согласиться быть со мной — хотеть быть со мной. И тогда я смогу помочь тебе.

— И что? Стать Мрачным Жнецом и начать собирать души и убивать людей?

— Что не так просто, — говорит он, его глаза тлеют. — Больше, чем ты представляешь, и ты будешь жить грубой и мучительной жизнью, пока не поймешь это. Но все может закончиться, если ты уступишь крови Жнеца в тебе.

Я сжимаю руки в кулаки, собираясь отказаться от его просьбы, хотя часть меня хочет этого:

— Я говорю тебе уйти, как ты сделал это, когда мне было четыре.

Его лицо опускаются, а глаза сверкают злостью. Молния бьет по небу, но я отказываюсь отвернуться:

— Это то, чего ты действительно хочешь, Эмбер?

Я проглатываю отказ в моем горле и заставляю себя хотеть:

— Это то, чего я хочу.

Он прикусывает губу так сильно, что кровь стекает по его подбородку, а затем хватается за затылок и притягивает в грубый, почти жесткий поцелуй, вжимая в свое тело. Я чувствую вкус крови на губах, неприятную тьму смерти, но мелькнуло что-то значительное, спрятанное глубоко внутри него, подобно семени в центре яблока.

Он отпускает меня, тяжело дыша, пробегая пальцами вниз по моему бедру и пересекая живот, прежде чем отстраниться:

— Я навсегда заплачу за это, — он идет спиной к воротам, его глаза устремлены на меня. — Они придут за тобой — остальные Жнецы. Они не остановятся, пока не сломают тебя.

— Тогда я тоже скажу им, чтобы они уходили, — говорю я ему.

— Это не сработает с ними, милая, — говорит он серьезно, отступая дальше в тень. — С Анамотти не так спокойно, как со мной. — шурша плащом, он уменьшается, прорастивая крылья, и превращается в ворона. Он кружит вокруг моей головы, прежде чем исчезнуть в ночном небе.

Мое тело жаждет улететь с ним, быть свободной, сбросить кожу, стать единым целым с ночью, но я знаю, что не могу.

Ашер заворочался, и я подбегаю к нему, становясь на колени рядом с ним на земле:

— Ты в порядке? — спрашиваю я, не смея к нему прикоснуться.

Его рубашка разодрана от порезов, а его красивая бледная грудь вся покрыта синяками. Его черные волосы растрепаны, губа разбита, а на его прекрасных крыльях стало меньше перьев.

— Я в порядке, — садясь, он уверяет меня со слабой улыбкой.

— Это... это больно?

Его взгляд пересекается с моим, жаждущий и голодный:

— Ничто не может причинить боль в этот момент. Ты только что прогнала его.

— Я уже раньше прогоняла его. — я очищаю его руки от случайных перьев, и затем облокачиваюсь на сгиб его плеча, чувствуя его тепло. — Но он вернулся.

— Я знаю, — его рука находит мое бедро, и он тянет меня к себе на колени. — И он найдет способ возвращаться, пока я полностью не сдамся ему — им всем.

— Что ты сделал им? — спрашиваю я, вцепившись в его обнаженные плечи. — Другим Жнецам — Анамотти. Детективу Краммер или кто она там?

— Она — Жнец. Все Анамотти являются ими. Они Жнецы, которые объединились чтобы ликвидировать Мрачных Ангелов, хоть и запрещено трогать их. И я заботился о них, до момента, когда они вернулись.

Я отмечаю его руки на своих бедрах, размышляя, позволит ли он прикоснуться к нему:

— Ты имеешь в виду, пока они не заставили меня потерять рассудок.

Он кивает, не отрывая взгляд от меня:

— Да, в этом смысл всего этого. Пока ты не сделаешь этого, мы прокляты в этом мире.

Мои колени опускаются на землю:

— Прокляты?

— Наше проклятие в этом мире, — отвечает он. — Это наше наказание за участие в Битве Смерти. Ангелы Смерти и Мрачные Жнецы привязаны к Земле существованием Мрачного Ангела. И только Мрачный Ангел может свободно одного из нас отправить домой.

— Но разве Мрачные Ангелы не создают баланс, чтобы никто не смог украсть души?

— Создают, но баланс все равно будет нарушаться. Жнецы проделали работу по отсеиванию каждого Мрачного Ангела от своей жизни, пока не остался существовать только один. И ему единственному придется пройти тест. Если они смогут жить своей жизнью, вытерпев кровь Жнеца и Ангела, тогда Ангелы Смерти вновь обретут власть над душами и освободят Землю. Если они сдадутся безумию Жнецов, то Жнецы получают контроль над душами.

— Но я думала, что Жнецы собирают злые души, а Ангелы — невинные? — спросила я, подвигав ногами и оседлав его.

— Так это работало, — говорит он, потянувшись пальцами к моей шее, будто хотел прикоснуться, но затем убрал руку. — Но правила были нарушены, и была сделана ставка. Теперь кто бы ни победил, выиграет все души.

— Но, если бы Жнецы могли забрать любую душу, — я смотрю на надгробные плиты, — было бы очень плохо.

— Было бы намного хуже, чем ты можешь себе представить. — говорит он с нажимом, и его челюсть напрягается.

— Сколько осталось? — я цепляюсь за него, боясь его ответа. — Сколько Мрачных Ангелов бродит по Земле?

— Я не совсем уверен. Раньше их было много, но Жнецы изолировали их и многие умерли от старости. Чем дольше они существуют, тем сильнее вырождается кровь Мрачных Ангелов. — подвинувшись, он морщится, по-прежнему отказываясь прикасаться ко мне. — И жнецы знают, как их мало, потому что за последние пару лет они действительно были полны решимости выслеживать их, хотя и не имели права.

— Вот чего я не понимаю, — говорю я, касаясь пореза на его щеке. — Если они не должны, то почему никто не остановит их?

— Теперь их кара зависит от их лидера. Или мы могли бы вступить в бой, — говорит он, пока я вожу пальцем по его шраму на брови. — Но Майкл, мой отец и правитель Ангелов Смерти, не позволит нам отклониться от правил ни при каких обстоятельствах.

— Ты говорил, что твой отец был плохим. И мертвым. — хмурюсь я, убирая руку. — И что ты переехал из Нью-Йорка, чтобы убежать от воспоминаний о нем.

— Говорил, — уверяет он меня, а потом быстро меняет тему, его мощный, всепоглощающий взгляд проходит по моим голым плечам и груди, выглядывающей из разорванного платья. — Ты так прекрасна. — он погладил кончик моих накладных крыльев. — У меня чуть не случился сердечный приступ, когда я увидел тебя. На секунду я подумал... что ты стала одной из нас.

Воеет ветер, перекинув мои крылья вперед и выбивая моё тело из равновесия. Ашер удерживает меня пальцами за бедра, не дав упасть, а потом прижимает меня к своей груди. Я чувствую, как прощание застыло на его губах. Мы смотрим друг на друга, сердца бьются, взгляды соединены, ни один из нас не желает двигаться. Но момент быстротечен, как невесомый смех, вспышка молнии, последний вдох умирающего.

— Ты покинешь меня, не так ли, — говорю я спокойно, запустив пальцы в его волосы. — Я могу сказать тебе.

— Я нарушил правила и теперь не могу остаться. Я не должен был связываться с тобой — никто не должен. Это должно было быть по твоей собственной воле, доказать свою точку зрения, — облизнув губы, он целует меня, проникая своим языком в мой рот, и я вцепилась в его плечи, загоняя ногти ему под кожу, не желая отпускать его.

— Но я ничего не мог поделать, — говорит он, задыхаясь. — Когда я увидел тебя на вечеринке той ночью, стоящую в одиночестве, такая грустная и потерянная, я понял, что должен познакомиться с тобой. Ты была первым Мрачным Ангелом, с которой я так сделал.

Я обнимаю его за шею, вдыхая его успокаивающий запах:

— Почему ты был на той вечеринке?

— Я собирал некоторые души для Майкла, — его руки путешествуют вниз по позвоночнику, потянув за собой молнию. Я не знаю, что он делает, но мне все равно, пока моя голая спина открыта свежей ночи.

— Я просто хочу еще раз увидеть тебя... такой... — говорит он, касаясь моей кожу. — Я облажался, Эмбер. Я позволил человеку жить и взял вместо него чужую душу, — говорит он, подсовывая руки под мое платье и прижимая ладонь к моей пояснице.

— Ты должен был забрать душу Рэйвен, не так ли? — я выгибаюсь в него, когда он нажимает мне на спину. — Ты позволил ей жить, а вместо этого взял душу Ладена.

— Когда ты говорила о ней в ту ночь, глядя в твои глаза, я понял, что ты нуждаешься в ней, — говорит он печально, поднеся свободную руку к моим глазам. — В них так много боли, и я хотел убрать её.

Я с трудом сглотнула:

— Так ты убил Ладена, потому что он пытался изнасиловать ее?

— Я не должен был забирать его душу или убивать его. Я просто увлекся, — говорит он, и я снова вспоминаю, что прочитала в книге: «страстный в битве». — И Анамотти использовали это в своих интересах. Они забрали его тело и инсценировали так, что стало похоже на место преступления твоего отца, чтобы возиться с твоей головой.

— И из-за этого ты попал в неприятности, — говорю я, целуя его ладонь, когда он проводит ей по моему рту. — Что они собираются делать с тобой?

— У меня неприятности из-за многих вещей. — он прижимает меня к своей груди и целует с жаром, практически поджигая мою кожу. Я запускаю пальцы в его мягкие волосы, а его руки сжимают мои бедра, пальцами впиваясь в мою кожу, желающий всего, но зная, что не может забрать. Бретельки моего платья падают вниз, открывая меня ночи. Я не знаю, что делать или что он делает, пока его сланцевые глаза оглядывают мою голую грудь.

— Той ночью...когда ты и я... — он закрывает глаза и вдыхает, кладя руку на мою грудь, прямо на взволнованное сердце. — Я никогда не забуду, как это ощущалось...что я чувствовал...

Я яростно дышала, потому что знала, что он собирается уходить и что я нуждалась в нем как в воздухе:

— Не уходи, — умоляю я, и он открывает глаза. — Пожалуйста, останься со мной. Ты единственный, с кем я чувствовала себя в мире.

Его губы начинают открываться, но я заткнула их своими, целуя его с каждой каплей жизни, что внутри меня. Я вжимаю свою голую грудь в его, и тепло и прикосновение приводит меня в безумие.

— Пожалуйста, не уходи..., - говорю я между поцелуями. — Пожалуйста.

Он впивается в мои губы, глядя меня по щеке, быстро посасывая мой язык, прежде чем

отстраняется и заглядывает мне в глаза:

— Я должен.

Небо громыхает, и его глаза движутся по направлению к темным облакам. Его лицо застыло в маске боли, когда с неба начинает моросить, и его длинные ресницы подрагивают от капель дождя:

— Майкл никогда не позволит уйти Ангелу, нарушившему правила и, к тому же, тебе придется делать все самостоятельно... я больше не могу вмешиваться.

Небо гремит снова, как треск резинки, и я чувствую этот разрыв, мою свободу, как капли дождя, покрывающие кожу.

Он притягивает мое ухо к своему рту, и его голос падает до низкого шепота:

— Узнай все о Мрачных Ангелах и Битве Смерти. Узнай, что произошло с последним действующим Мрачным Ангелом... эту деталь я не могу рассказать тебе. И, Эмбер, не доверяй никому. *Постоянно.* - его рука скользит по моей шее, груди, талии, иссушающим жаром против моей влажной кожи. — Закрой глаза.

Неохотно, я закрываю глаза и цепляюсь за его плечи, желая никогда их не открывать. Я слышу, как его большие крылья раскрылись, изящно развеваясь, когда он похлопал ими. Он целует мой лоб, щеки, губы, а потом, как перышко на ветру, выскальзывает из-под меня.

Когда я открываю глаза, я одна, стою на коленях в грязи, дождь заливает мои волосы и одежду, верх моего платья стянута вниз. Я отказываюсь двигаться; я навечно останусь здесь, на этом кладбище, с единственным миром, что у меня остался.

— О Боже! — кричит Рэйвен, и я оборачиваюсь, натягивая платье на грудь.

Она, пошатываясь, идет по грязи ко мне:

— Какого черта произошло? Как я сюда попала? Эмм, я... я понятия не имею, что происходит и почему я на кладбище. — она останавливается около меня и разглядывает свое белое платье, разорванное и с красными следами сегодняшней пытки. Её искусственные крылья разорваны на части, а её шея до сих пор немного кровоточит.

Я встаю и застегиваю молнию платья на спине, затем беру кусок ткани и прижимаю к ее шее:

— Мы должны отвезти тебя в больницу. — я кладу её руки себе на плечи и веду к воротам.

Ее смерть вернулась: *стоящую на карнизе, и кто-то умоляет ее прыгнуть, что она и делает.* Другая, но все равно мучительная.

— Эмм, почему трава покрыта перьями? — спрашивает она, положив голову мне на плечо, пока дождь затихает. — Они из твоего костюма?

Я принимаю решение, вещь, которую отец пытался вдолбить в мою голову, когда я была младше, и о чем предупреждал Ашер — не доверять никому:

— Да, Рэйвен, они из моего костюма.

Мы вместе шли по кладбищу, но я была одна. Пешка в игре между Ангелами Смерти и Мрачными Жнецами — между добром и злом. Но кто я?

Будто давая мне ответ, звенят сирены и мигают сине-красные огни на темном кладбище, когда подтягиваются полицейские машины и блокируют выход. Двери открываются, и выскакивают копы с фонариками в руках.

— Порядок, — кричит один из них с пистолетом в руке, проскальзывая через ворота. — Поднимите ваши руки, чтобы мы видели их.

Я подчиняюсь, зная, что в неприятностях на этот раз. Тело Маккензи в могиле и

единственное доказательство, что я не убивала её, улетело с ветром.

Рэйвен всхлипывает в мою рубашку и обхватывает меня:

— Я хочу, чтобы это все закончилось. Пожалуйста, останови это. Это сводит меня с ума.

— Не волнуйся, — говорю я. — Все почти закончилось.

Толпа копов торопится через ворота, освещая фонариками траву и треснувшие надгробия, с пистолетами и дубинками в руках. Тот, что кричал мне, приближается с осторожностью, не отрывая взгляда от нас. Когда он подходит, я позволяю Рэйвен выпрямиться.

— Эмбер Эдвардс, я должен был догадаться, — выражение лица офицера МакКинли мгновенно становится предвзятым, поскольку он помнит ночь, когда забрал меня из дома, после того как моя машина нашла в озере. — Был сделан анонимный звонок, что тело Маккензи Бэйкер можно найти на кладбище Hollows Grove.

С поднятыми руками, я качаю головой:

— Я ничего не знаю об этом.

Он светит фонариком в глаза Рэйвен:

— Что с ней? И почему её шея в крови? Вы двое проводили какой-то ритуал здесь или что-то типа того?

— Типа вампирского ритуала, — шучу я, без энтузиазма.

Он прищуривает глаза и ослепляет меня с фонариком:

— Не умничай. Это Хэллоуин — сегодня все психи.

Рэйвен моргает и прикрывает лицо руками:

— Мы решили сократить путь домой через лес, и я споткнулась и порезалась шейей о ветку.

Внутренне собравшись, я вздыхаю:

— Вот, что мы делали — собирались найти телефон и позвонить в больницу, потому что ни у кого из нас нет телефона.

Ком подходит к Рэйвен и заглядывает под кусок рубашки, что она прижимала к шее. Его лицо возмущенно вытягивается, когда он убирает руку:

— Понадобится несколько стежков, — он вздыхает и показывает нам, чтобы мы следовали за ним. — Давайте, следуйте за мной.

Когда мы направляемся к воротам, копы обыскивают кладбище, деревья, позади надгробий. Женщина-офицер с заплетенными сзади волосами, идет к яме в земле, где лежит тело Маккензи.

— Эй, я думаю, здесь что-то есть, — кричит она, с выставленным вперед пистолетом.

Долговязый офицер с лысой головой, спешит к яме и освещает её. Я задерживаю дыхание и жду, когда он скажет, что нашел тело.

— Это просто яма, — кричит он другим. — Это, наверное, какая-то школьная шалость или новая причуда, типа той могилы, что раскопали несколько недель назад.

Камерон.

Офицер МакКинли останавливает нас у ворот и светит свет нам в глаза:

— Вы двое что-нибудь об этом знаете?

Мы с Рэйвен невинно качаем головами:

— Нет.

Он фокусируется на мне:

— Ты уверена, что это правда?

Интересно, он настоящий коп или что-то типа детектива Краммер:

— Да, это правда.

Он качает головой в неверии:

— Ну, мне все равно придется забрать вас в участок для допроса. Мы должны убедиться, что ваш рассказ совпадает.

Мы подходим к полицейской машине, пока остальные копы продолжают искать тело Маккензи, но мне кажется, что её тело пропало навсегда. Но вопрос: кто его забрал?

Камерон? Или Ашер?

Мы с Рэйвен залезаем на заднее сиденье полицейской машины, по разные стороны, разделенные ложью, секретами и недоверием. Когда полицейский выезжает с зажженными мигалками, я смотрю на кладбище, исчезнувшее из моего поля зрения, чувствуя, что за мной следует смерть.

ЭПИЛОГ

Я проснулась в яркий солнечный день, свет проникал через окно в мою спальню. Моя щека покоится на открытой книге, а моя вспотевшая кожа прилипла к страницам. Я не спала всю ночь, читая об Ангелах Смерти, ища ответы и путь возвращения Ангелов Смерти на Землю.

Я встаю с кровати и одеваюсь в потрепанную футболку и шорты. Дома тихо, как на кладбище, но это не успокаивает. Мама в наркологической клинике пытается вылечиться от своей зависимости, а когда она вернется, я должна решить, как спросить у неё про бабушку и кольцо, не подвергая её стрессу.

Рэйвен на отдыхе со своей мамой, которая вышла из той же клиники, что и моя мать, в день, когда Жнецы пытались уничтожить нас. Йен проводит большую часть времени взаперти на чердаке. Его муза исчезла на некоторое время, и когда я спросила Йена об этом, он сказал, что это не мое дело. Но я слышала её — или его — проскользнувшего прошлой ночью.

Моя жизнь одинока, но я предпочитаю именно такой путь на данный момент. Быть окруженной людьми так же больно, если не хуже, но теперь я знаю, что я делаю — знаю, что мое безумие может навредить им.

Я стараюсь думать, как можно меньше об Ашере. Это слишком мучительно и каждый раз причиняет боль моему телу, ведь я никогда не увижу его. Когда я лежала в своей постели поздно ночью, воспоминания о том, что там произошло, разрывало мое сознание; когда он вколачивался в мое тело, прикасался ко мне, целовал меня, заставлял меня чувствовать себя живой даже тогда, когда смерть поглотила меня.

Я иду к компьютеру и включаю его. Я пытаюсь разыскать автора книги Рэйвен. Его имя Август Миллард, если это не псевдоним, конечно. Я нашла адрес электронной почты с таким же именем, ну а если это не тот парень, он, вероятнее всего, подумает, что я чокнулась. Или, возможно, он так или иначе, подумает, что я сумасшедшая; если он просто автора слов, но не верит в них.

Я проверяю свой почтовый ящик, но он пуст, тогда я плюхаюсь на диван и начинаю щелкать каналы в поисках новостей, высматривая заголовки о найденном теле. Но новостей нет, и я выключаю телек и начинаю прибираться в доме, чтобы отвлечься. Я включаю “Holding onto You” от Story of the Year (*Story of the Year* (также известная как *Story* или *SOTY*) — альтернативная рок-группа из США.) и блокирую все. Я вычищаю каждую комнату на первом этаже, а затем двигаюсь вверх.

После того, как я закончила, я перетасила мусор на обочину и встала неподалеку от него. Солнце садилось за горы, и небо окрашено в оттенки розового и оранжевого. Листья падают с деревьев и разлетаются по траве. Через улицу миссис Кортни переставляет оросители и, подняв глаза, тянет шланг через лужайку. Я вежливо киваю, и её взгляд опускается на лужайку, будто меня не существует. Она до сих пор боится меня, как и все в этом городе, ведь Ладен и Маккензи до сих пор считаются пропавшими без вести, но я знаю, что они мертвы.

Мой взгляд натывается на двухэтажный дом, заросший травой и с табличкой «На продажу» во дворе, стоящий вниз по улице. Каждый раз, когда я смотрю на дом, я ощущаю притяжение туда — притяжение к нему. Иногда, я думаю о том, чтобы попросить его вернуться. Это чистое безумие — и я знаю это, и это помогает мне держать рот на замке. Однако, если бы я знала, как вернуть Ашера назад, я бы сделала. Я пробовала несколько раз, шепча ветру, чтобы он пришел ко мне.

— Ашер, где ты? — шепчу я. — Ты нужен мне. Я скучаю по тебе. — *Я думаю, я влюбилась в тебя.* Последнее — просто мысль, и я не решаюсь произнести её вслух.

— Привет, незнакомка, — брат Рэйвен, Тодд, идёт по дорожке и поднимает газету. На нем старая голубая футболка с дырками, клетчатые пижамные штаны, а его синие волосы торчат вверх, будто он только что проснулся.

— Раздумываешь о покупке дома?

— А? — я забираю почту из почтового ящика и шагаю на тротуар.

Он улыбается, приглаживая свои волосы, доходя до края дороги.

— Я видел, как ты смотрела на табличку «На продажу», словно хотела втоптать её в газон.

Я выравниваю конверты на ладони и хожу по краю газона, который разделяет наши дома:

— Ты не знаешь, куда он уехал?

Он качает головой и смотрит на пустующий дом Камерона:

— Даже не знаю. Но это странно, да? Как он въехал, а затем через несколько недель выставил дом на продажу.

Я пожимаю плечами:

— Ты знаешь, как это бывает. Многие люди не могут принять Hollows Grove, как твоя сестра.

— Да, ей кажется, она выглядит хуже с этим, — он проводит линию вдоль шеи, — со шрамом на шее. Ей трудно принять это.

— Ей просто нужно дать им время зажить, — говорю я, но в глубине души я знаю, что это никогда не заживет полностью. После того, как все утряслось, Рэйвен начала вспоминать, что она сделала — ужасные вещи, которыми она не всегда делится со мной.

Он хлопнул газетой по руке и кивает на машину на улице:

— Как думаешь, они будут искать, пока не сдадутся?

Я оборачиваюсь и замечаю патрульную машину копов недалеко. Они делают вид, что не видят меня и едят свой ланч.

— Не думаю, — говорю я, повернувшись обратно к Тодду.

— Но почему они так заиклены на нашем районе?

— Не знаю... может они думают, что здесь кто-то знает, где Маккензи.

— Ее семья, кажется, действительно решила найти её, — замечает он, держа в руках

газету с фотографией Маккензи на первой странице под заголовком: «Вы Видели Нашу Дочь?»

Вдруг, знакомый мужчина выходит из старого дома Камерона и идет, опустив голову. У него острый нос и худосочное телосложение, и то, как он движется, тревожит мои воспоминания.

Я растеряно смотрю на него, пытаюсь понять, где видела его раньше.

— Да, ну может, они должны начать присматриваться к её семье? — щелчок, и я знаю, кто этот мужчина. Дядя Камерона — Грегори, тот, кто копал могилу в ту ночь, когда я впервые увидела Камерона.

— Эмбер, — говорит Тодд. — Ты в порядке?

Я отрываю взгляд от Грегори и меняю тему:

— Когда Рэйвен возвращается?

Он отступает по подъездной дорожке к крыльцу:

— Она не звонила тебе? — спрашивает он, и я качаю головой. — Ох...ну, она вернулась вчера поздно вечером. Я думал, она пошла к тебе вчера, когда вернулась.

— Нет...я не видела её с тех пор, как она уехала... — это как соединить головоломку вместе: Рэйвен — муза Йена. И мне не нравится это, потому что это означает, что Рэйвен проводила много времени с Йеном, когда была под властью Жнецов.

— Ну, не принимай это на свой счет. Мама говорит, что она ведет себя как полный психопат, рисуя странные картины с песочными часами и разговаривая сама с собой, — говорит он, дойдя до ступенек.

— Она сейчас дома? — я начинаю двигаться к их входной двери.

Он качает головой, я останавливаюсь и отступаю обратно к дому:

— Нет, она пошла по магазинам, вроде бы.

Не прощаясь, я несусь домой и поднимаюсь к чердачной двери. Я молочу в нее кулаком, но Йен не отвечает, и я толкаю дверь, ворвавшись в его студию:

— Йен, ты здесь?

Горит свет и играет System of a Down “Lonely Day” из стерео на полу. Холсты и эскизы покрывают стены, деревянный пол заляпан краской, а овальное окно закрыто черной простыней. Пахнет шалфеем и еще чем-то странным... чем-то, что я нюхала много раз в студии Йена.

— Черт, — я поднимаю горящий косяк, тушу его о подоконник и кидаю в чашку с водой, стоящую на табуретке. Я повернулась, чтобы уйти, но заметила большой холст в углу, прикрытый другой черной простыней, и я стягиваю её, позволяя ей упасть на пол.

Это изображение Рэйвен, лежащей на снежном поле, с надетым на голову черным капюшоном. Кровь капает у неё изо рта и уголков глаз. В её руке зажаты пустые песочные часы, а под её телом красный знак “X”. В нижнем углу рисунка, кровоточив красным, написано: *Алисса, пожалуйста, прости меня.*

— Что это за херня? Она не... Нет, она не могла быть... — покачав головой, я бегу по коридору в комнату Йена. Я стучу в его дверь:

— Йен, открой дверь. Я знаю, что ты там! — я сильнее молочу кулаком в дверь.

— Я чувствую запах дыма, просачивающийся под дверью, — я дергаю ручку и стучу в дверь. — Йен, открой дверь. Ты пугаешь меня.

Я бросаюсь к себе в комнату, беру заколку с комода и несусь обратно в комнату Йена. Я присела перед закрытой дверью и работаю шпилькой, пока не слышу щелчок замка. Встав, я

открываю дверь и дым мгновенно окутывает моё лицо. Я кашляю и выпускаю раздосадованный вдох, увидев Йена, лежащего на своей кровати в пижамных штанах и замызганной футболке с зажатым в руке фото.

Размахивая дым от своего лица, я присаживаюсь к нему на кровать. Даже не глядя, я знаю, что это фото Алиссы. Даже с закрытыми глазами на его лице написаны мучения и чувство вины, и слова Камерона всплывают в моей голове: «*Что, если я скажу тебе, что могу забрать каждую унцию твоей боли и ту, что ты когда-либо почувствуешь?*»

Я беру фото из руки Йена и переворачиваю его. «*Смерть заставила меня сделать это, Алисса, и мне очень жаль. Но теперь я должен перейти к следующему Ангелу.*»

Следующему Ангелу? Он не может говорить об этом... Нет, Йен не убивал её. Это невозможно. Я борюсь с собой, чтобы не разорвать фотографию на части и кладу её на комод, а затем мягко трясу Йена:

— Просыпайся, Йен. Нам нужно поговорить.

Но он в отключке под кайфом, поэтому бегу обратно в свою комнату, чтобы взять телефон. Мне нужно поговорить с Рэйвен и выяснить, она все еще здесь или ей снова завладели Жнецы. Но когда я захожу в комнату, чувствую, что, что-то не так, словно воздух нестабилен.

Все выглядит нормальным, за исключением того, что моё окно открыто, и черные перо трепещет на моей кровати. Я поднимаю его, и мой взгляд падает на стену напротив меня, где свежими чернилами сохнет стих.

В отдельных полях черные перья, птицы летают.

Четыре крыла, два сердца, но одна душа.

Они соединяются в середине, но разделены тонкой линией пепла.

Это то, что сводит их вместе, но выдирает свои перья врозь.

Они никогда не могут действительно быть вместе, как свет и тьма.

Пока один не сделает самую большую жертву.

Задует свою свечу, и присоединится к другим в темноте.

Это стихотворение, что я прочитала на стене Камерона, но были добавлены три дополнительные строчки.

И если другой рискнет перелететь через линию и украсть свет другого

И заставит их пересечь черту и вступить в темноту жизни.

Я не уйду, Принцесса. Я буду возвращаться за тобой, пока ты не сдашься.

Камерон.

Я моргаю, пока чернила стекают вниз по стене, затем отхожу от неё и падаю на кровать, слыша, как слабый отголосок смеха Камерона наполняет мою нестабильную голову.

Это начинается снова — игры, обманы, бой за мое подчинение. И, как и все в жизни, я не знаю, как это закончится. Или, когда мой рассудок улетит в небо, как ворона.

Больше книг на сайте - Knigolub.net